

*Георгий Голубенко
Леонид Сущенко
Валерий Хаит*

«Мой старый одесский двор...»

Комедии, театральные и другие пародии

Первое предисловие авторов

«Мир – театр, люди – актеры», – заметил как-то Вильям Шекспир. Ну как не удивиться гениальности великого англичанина, который сумел сделать это открытие, ни разу не побывав в Одессе...

О, Одесса! Вот уж где справедливость сравнения мира с театром настолько очевидна, что подобная мысль могла бы прийти в голову, как говорится, и менее просвещенному уму!..

Возьмем, скажем, нас троих. Мы, например, уже давно обратили внимание, что население нашего родного города представляет из себя не что иное, как несколько раздутую по штатам, но безусловно талантливую театральную труппу. Ее герои и примадонны в роскошных туалетах ежевечерне прогуливаются по Дерибасовской, юный кордебалет резвится на Приморском бульваре, а простаки и комики заседают в различного рода кабинетах, веселя каждый раз своими решениями публику, как это им и положено по амплуа...

Но если вы хотите окончательно убедиться в правоте великого Шекспира, зайдите лучше в какой-нибудь старый одесский двор, и вам дано будет увидеть, как на его обветшалых деревянных галереях, расположенных амфитеатром и прикрытых от досужего взгляда занавесом из вечно сохнущего белья, двадцать четыре часа в сутки идет невероятный спектакль. И участвуют в нем люди, которые в силу своего одесского темперамента не в состоянии таить драмы и комедии своей жизни за закрытыми дверями собственных квартир, а тут же выносят их наружу, то есть во двор, на суд зрителей – соседей, а те, в свою очередь, в силу такого же темперамента, не могут долго оставаться зрителями и сами мгновенно становятся участниками этого безусловно захватывающего зрелища, название которому – НАША ОДЕССКАЯ ЖИЗНЬ...

Открывающая эту книгу пьеса «Старые дома» – наша первая пьеса – была написана в семидесятые годы и, естественно, отражает эту жизнь такой, какой она виделась авторам во времена, когда до перестройки было еще далеко, а коммунизм, как известно, был уже не за горами.

Конечно, сейчас, с высоты наших сегодняшних прозрений, мы видим, сколь ужасна была эта жизнь, сколь полна была она пережитками нашего мрачного социалистического прошлого. И все же авторы рискуют предложить свою пьесу на суд читателей, так как им кажется, что и в нынешние времена, когда мы все уже давно вступили на светлый путь

рыночных отношений и высокогуманной борьбы за индивидуальное выживание, может быть, особенно важно разобраться: все ли из нашей прошлой жизни следует оставить в прошлом, или стоит что-нибудь все-таки взять с собой в наше очередное светлое будущее?.. То есть, как говорил один древнегреческий философ, кстати, не менее, умный, чем Шекспир, – «...чтобы, не дай бог, не выплеснуть ребенка вместе с матерью!..».

ИТАК, ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ!..

Старые дома

Лирическая комедия с преувеличениями
(В двух действиях)

Действующие лица

Жильцы дома

Мария Ивановна – председатель домового совета. Пользуется во дворе неограниченной властью, хотя совершенно этим не пользуется.

Захар Алексеевич – старый моряк. 60 лет отдал морю и почти столько же воспоминаниям.

Эрнест Борисович – бывший актер. Боец культурного фронта в запасе.

Елизавета Семеновна – его жена и поклонница.

Тимофей Кузьмич – старый сапожник. По совместительству немного философ.

Андрей – сын Марии Ивановны. Молодой, подающий надежды библиотекарь.

Лена Остапчук – просто жена и мать. Очень впечатлительная женщина, 35 лет.

Сеня Остапчук – ее муж. Специальность – футболист.

Стасик Остапчук – их сын. В будущем, возможно, гениальный скрипач. Пока же готов заниматься чем угодно, только не музыкой.

Посторонние

Галя – студентка строительного института, приехавшая на практику. Девушка, не знающая сомнений. Впрочем, и много другого.

Степан Сухоруков – строитель. Сносит дома с помощью бульдозера. Но может и без помощи.

Почтальон – лицо эпизодическое. Как и все почтальоны.

Вступление-эпиграф 2010 года

Раскрывается занавес. За ним виден задник, на котором нарисован сквер в окружении новых домов. Перед ним сбоку на сцене скамейка.

Появляется мужчина лет шестидесяти пяти, в современном плаще. Присаживается на скамейку.

Мужчина (зрителям). Я люблю бывать здесь... Я когда-то жил в этом районе, в одном из старых домов, на месте которых теперь разбили сквер. С тех пор прошло уже больше тридцати лет, но какая-то неведомая сила вновь и вновь влечет меня сюда. Причем с каждым годом все сильнее. Я прихожу, закрываю глаза – и передо мной разворачивается картина той далекой, неповторимой жизни, где я был молод и влюблен, и где все было совершенно иначе, не так, как сегодня. Конечно, за пеленой лет все видится не совсем четко, что-то вообще кажется не совсем реальным, но тепло, которое оттуда струится, я каждый раз явственно ощущаю... А знаете, раз вы сегодня тоже пришли сюда, я просто расскажу вам свою историю... Для этого мне, правда, придется вернуться на тридцать лет назад... Что ж, попробую...

Свет убирается. Мы видим, как мужчина снимает и кладет на скамейку плащ, затем одним движением избавляется от бороды и усов, — и вот перед нами уже вполне молодой человек лет под тридцать. Задник со сквером и новыми домами поднимается, и вот уже мы видим на сцене часть улицы, на ней старый двухэтажный дом с галереей и лестницей. Молодой человек в полутьме поднимается в свою квартиру на втором этаже. Дом освещается. Слышится рев и лязг. Из-за кулис высовывается нож бульдозера. Появляется Степан Сухоруков.

Действие первое

Картина первая

Сухоруков (доставая наряд). Так, адрес – Садовая, 16... Наименование объекта – дом. (Иронически смотрит на дом.) Хм-м... допустим... Вид строительных работ – снос. Все правильно! (Смотрит на часы.) М-да... В пять – шабаш, а сейчас уже полтретьего.. А – ладно! Чего мелочиться – завтра и начну!

Уходит. На сцене темнеет – как бы наступает вечер. По улице идут Андрей и Галя. За ними крадется Захар Алексеевич Андрей и Галя целуются.

Захар Алексеевич. Кх, кх!..

Андрей (*отстраняясь*). Кто это? (*Захар Алексеевич исчезает.*)

Галя. Какой-то старичок.

Андрей. Кажется, это мой сосед, Захар Алексеевич... Гуляет!..

Галя. И не спится ему!

Андрей. А-а... он вообще спит два часа в сутки.

Галя. Интересно!.. Что же он делает все остальное время?

Андрей. Все остальное время он укладывается... (*Целуются.*)

Галя. Ну, куда теперь пойдём?

Андрей. Куда хочешь.

Галя. А ты?

Андрей. Я – как ты.

Галя. Ты можешь хоть один раз решить сам?

Андрей. А я и решаю сам: как ты, так и я.

Галя. Да?.. И что бы я ни предложила, ты со мной согласишься?

Андрей. Клянусь!

Галя. Ну хорошо... (*Решительно.*) Тогда мы идем к твоей маме!

Андрей (*растерянно*). К маме?.. А может, лучше...

Галя. Все сказать потом?.. Нет, я против. Пусть меня назовут ханжой но я считаю, что родители имеют право узнать о свадьбе детей ну хотя бы за сутки.

Андрей. Да нет, я вовсе... Ну, понимаешь... Просто сейчас уже поздно.

Галя. Думаешь, я ей не понравлюсь?

Андрей. Да нет, но...

Галя. Скажет – слишком грубая профессия для жены молодого, подающего надежды библиотекаря?

Андрей. Да нет, строитель тоже великолепная специальность, но...

Галя. Ну, чего замолчал? Что за «но»? Скажи ты хоть что-нибудь.

Андрей. Мама – это само собой... Но...

Галя. Ну, роди, наконец!

Андрей. Понимаешь – дело не только в маме.

Галя. Ты же говорил, что отца у тебя нет.

Андрей. Отца нет, но...

Галя. Родственники?

Андрей. Родственников как раз тоже нет, но... Ну что ты так на меня смотришь? Дай мне, наконец, сказать.

Галя. Боги всемогущи!

Андрей. Понимаешь, наш дом... Он, вообще-то маленький – четыре квартиры и подвал. Но все соседи... Понимаешь, мы очень давно живем вместе, в одном дворе. Не то чтобы одна семья, но...

Галя (*ледяным тоном*). Так я что, должна понравиться твоим соседям?

Андрей. Понимаешь, они, конечно, со странностями – все-таки возраст. Но в глубине души они очень хорошие люди. Понимаешь – мы действительно как одна семья. Наш двор...

Галя. А ваша улица – тоже одна семья?

Андрей. Ну, Галя...

Галя. Ты уж скажи сразу: кому еще я должна нравиться ради такого сокровища, как ты?

Андрей. Ну, Галя...

Галя. Знаешь, мой милый, давай договоримся так: я прекрасно провела с тобой время в вашем замечательном городе и – хватит! Все! Точка!

Андрей. Ну, чего ты завелась?

Галя. И запомни: такие, как ты, ходят в холостяках до пенсии.

Андрей. Но я-то при чем? Раз у нас такой дом?

Галя. Хотела бы я посмотреть на этот ваш дом!

Андрей. Пожалуйста, посмотри. Вот он.

Высвечивается старый дом.

Галя. Вот этот?

Андрей. Да.

Галя. Ну и рухлядь!.. И как он только держится.

Андрей. Ты знаешь, первое слово, которое я произнес, научившись говорить, было слово «ремонт»!

Галя. Ну-ка, стой... Садовая, шестнадцать?..

Андрей. Да.

Галя. Знакомый адрес... (*Спокойно.*) Так сколько их, ты сказал, твоих соседей? Четыре квартиры и подвал?

Андрей (*озадаченно*). Да...

Галя. Значит, я должна понравиться только им? Твоей маме и соседям? Больше никому?

Андрей. Ну, Галя...

Галя. Что – Галя? Я говорю вполне серьезно. Надо – значит надо... Пусть меня обсудят, проголосуют и утвердят. В общем, давай так, чтобы не откладывать... На работу мне к восьми. На соседей уйдет минут двадцать, не меньше, а то и полчаса... Короче – собери их завтра во дворе в четверть восьмого. Я приду, понравлюсь им, а потом ты меня приводишь на работу. Как раз успею к восьми.

Андрей (*в панике*). Что ты собираешься делать?

Галя. Я же сказала – понравиться твоим соседям.

Андрей. Ты обиделась? Ну, извини, это все глупости, я с ними сам...

Галя (*перебивая*). Да успокойся ты, ради бога. Все в порядке. Просто я поняла, что они правы. Сегодня даже плохоньких мужей берут с боя, а уж такую прелесть, как ты...

Андрей. Но...

Галя (*целуя его*). До завтра, милый. (*Уже убегая.*) Так не забудь, в четверть восьмого!..

Андрей растерянно смотрит ей вслед.

Картина вторая

Та же декорация. Раннее утро. Стасик тащит какое-то корыто. Из своей квартиры выходит Лена Остапчук.

Лена. Стасик! Шесть часов! Все дети уже давно со скрипкой!

Стасик. Ой!

Лена. Никаких «ой». Играй! И положи на место корыто.

Стасик. Оно же тебе не нужно.

Лена. Тебе оно тем более не нужно.

Стасик. Поэтому я хочу сдать его в металлолом. Все ребята сдают, а я!..

Лена. Положи корыто! Играй! И учти – я на базаре, но я все слышу!

Звучат гаммы. Лена уходит. Выходит Захар Алексеевич.

Захар Алексеевич. Стасик, неужели тебе не надоела эта музыка?

Стасик. Мама говорит, что быть скрипачом – это так красиво.

Захар Алексеевич. Лучше бы ты был дирижером, Стасик. Это не только красиво, но и не слышно... Почты еще не было?

Стасик. Нет.

Захар Алексеевич. Ну, иди ложись. Вернется мама, я скажу, что ты играл.

Захар Алексеевич уходит в дом. Стасик с корытом убегает. Во двор входит почтальон. Стучит в окно. Открывается окно на противоположной стороне двора.

Захар Алексеевич (*появляясь*). Кто там?

Почтальон. Остапчук телеграмма. Есть у них кто-нибудь?

Захар Алексеевич. Она ушла на базар.

Почтальон. А вы не можете передать?

Захар Алексеевич. Ну, если я пойду на базар...

Мария Ивановна (*появляясь*). Захар Алексеевич, я вас очень прошу: вы идете на базар, если увидите недорогую сливу, возьмите мне килограммов пятнадцать на варенье.

Захар Алексеевич. Никуда я не иду. Тут Лене телеграмма.

Эрнест Борисович (*появляясь*). От Сени? Что он пишет? Девушка, прочтите, я передам.

Почтальон (*читает*). «Ленок, мы в Бразилии. Чудная страна. Есть сандалии на Стасика. Думаю взять. Целую, Сеня».

Елизавета Семеновна (*появляясь*). Нет, как вам нравится, он еще думает! Конечно, брать. Если не подойдут Стасику, я возьму себе. Девушка, какой там размер?

Почтальон. Я не знаю.

Елизавета Семеновна. Ну, все равно. Скажите ему – пусть берет.

Почтальон. Ничего я не буду говорить. Вот оставляю телеграмму и ухожу. (*Уходит.*)

Тимофей Кузьмич (*появляясь*). Доброе утро! Тут кто-то сандалии приносил?

Эрнест Борисович. Да нет. Это их Сеня видел где-то за границей.

Тимофей Кузьмич. А-а-а... Это, наверно, такие желтые с дырочками. Мне они не нравятся.

Елизавета Семеновна. А вы где их видели? У нас в магазине?

Тимофей Кузьмич. Да нет, на руках. Ничего особенного.

Елизавета Семеновна. Ну, не знаю, как на руках, а на ноге они смотрятся прилично.

Сапожник начинает стучать молотком.

Мария Ивановна. Тише! Тише! Вы мне Андрея разбудите!

Елизавета Семеновна. Он что, вчера поздно лег?

Мария Ивановна. Я даже не видела, когда он пришел.

Захар Алексеевич. Я видел. Он пришел в семь минут четвертого.

Мария Ивановна. Да? Ну и как она выглядит?

Захар Алексеевич. Откуда я знаю? Что я, за ними следил? Прошел два квартала, устал и вернулся... Рыженькая...

Елизавета Семеновна. Рыженькая? Неужели опять Лора?

Мария Ивановна. О чем вы говорите! С Лорой у нас давно покончено.

Эрнест Борисович. Может, Зоя?

Захар Алексеевич. Что я Зою не знаю!

Елизавета Семеновна (*задумчиво*). Кто же у нас еще рыженькая...

Захар Алексеевич. По-моему, это новая.

Мария Ивановна. Только новой нам не хватало!

Захар Алексеевич. Если я не перепутал, она собиралась сегодня утром сюда прийти.

Мария Ивановна. Сегодня утром?! Зачем?!

Захар Алексеевич. Мария Ивановна! Не волнуйтесь! На корабле женщина действительно всегда приносит несчастье, но в семейной жизни, говорят, бывают исключения. Поверьте моему опыту!

Эрнест Борисович. Да, да – поверьте его опыту.

Мария Ивановна. Ах, Захар Алексеевич! Если бы на месте Андрея были вы, честное слово, я бы не волновалась. Но он же совсем ребенок!

Захар Алексеевич. А я что, по-вашему, всегда был стариком?!

Мария Ивановна. Захар Алексеевич, я вас умоляю, скажите откровенно: какого мнения вы об этой новой рыжей?

Захар Алексеевич. Видите ли, если говорить откровенно...

Появляется Андрей. Захар Алексеевич его не замечает.

Елизавета Семеновна (*громко, не давая Захару Алексеевичу говорить*). Безобразия! Нам опять отключили воду!

Захар Алексеевич. Так вот, если откровенно...

Тимофей Кузьмич (*не давая Захару Алексеевичу говорить*). Отключили? Тогда что же это я целую ночь вычерпывал?

Эрнест Борисович. Это у нас холодильник тает. Света тоже нет.

Захар Алексеевич. Так вот, если откровенно...

Мария Ивановна (*не давая Захару Алексеевичу говорить*). Только без паники! Все в порядке. Видимо, нам меняют трубы и провода.

Тимофей Кузьмич (*не давая Захару Алексеевичу говорить*). Менять нужно весь дом!

Эрнест Борисович (*не давая Захару Алексеевичу говорить, пытаюсь привлечь его внимание к Андрею*). А этот балкон? Разве им можно пользоваться? Такие балконы падают, как бутерброд, – человеком вниз.

Андрей. Доброе утро!

Захар Алексеевич. Так вот, если откровенно...

Елизавета Семеновна (*громко*). Захар Алексеевич! Ребенок сказал «Доброе утро».

Захар Алексеевич (*оборачиваясь*). А, малыш! Доброе утро, доброе утро... Так вот, если говорить предельно откровенно... (*Все в ужасе.*) Лена Остапчук пошла на базар! (*Все облегченно издыхают.*)

Андрей. Елизавета Семеновна, вы ведь тоже собирались на базар за сливами?

Елизавета Семеновна. Мне кажется, после обеда они будут дешевле.

Андрей (*нервно*). Захар Алексеевич, газеты уже привезли, вы прозевааете «За рубежом».

Захар Алексеевич. Ничего. Одну неделю проживу без политики.

Андрей. У вас тут прямо общее собрание... Мама, разве тебе не нужно в ЖЭК?

Мария Ивановна. А что мне туда ходить? Требовать ремонта? Они опять скажут: «Ждите своей очереди. Нам сейчас не до старых домов, мы не успеваем отремонтировать новые».

Андрей (*с тревогой поглядывая в сторону улицы*). Не понимаю, что за удовольствие в такую погоду толочься в пыльном дворе.

Мария Ивановна. Андрей, ты от нас что-то скрываешь!

Андрей. Мама, ну что можно скрывать в нашем доме?

Мария Ивановна. Кто эта девушка?

Андрей. Какая девушка?

Мария Ивановна. С которой Захар Алексеевич встретился сегодня ночью?

Андрей. Наверно, девушка Захара Алексеевича.

Мария Ивановна. Перестань! Она же все равно сейчас придет сюда.

Андрей. Это моя девушка! Она придет ко мне!

Мария Ивановна. А наше мнение тебя не интересует?

Андрей. Оно ничего не изменит! Я на ней женюсь!

Мария Ивановна. Вы только послушайте, что он говорит!

Елизавета Семеновна. Подождите. Может быть, ребенок не хотел! Может быть, его научили хулиганы!

Появляется Лена с сумками.

Лена. Что случилось? Почему Стасик не играет?

Елизавета Семеновна. Лена, ты как раз вовремя. Здесь такое творится!

Лена. Он сломал руку? Скрипку? Что он сломал?

Появляется Стасик.

Елизавета Семеновна. При чем здесь Стасик? Наш Андрей только что чуть-чуть не женился!

Лена. Как! Не подождав, пока я вернусь с базара?!

Эрнест Борисович. Лена, тебе телеграмма.

Лена. Боже мой, что с Сеней?!

Захар Алексеевич. Не волнуйся. Мы все читали. Что с Сеней, неизвестно, но из Бразилии прислали его сандалии... (*Лена со слабым стоном оседает.*)

Тимофей Кузьмич (*подхватывая ее*). Лена, успокойся, ничего с твоим Сеней не произошло. Просто в Бразилии выбросили сандалии на Стасика. Так он спрашивает, брать или не брать.

Лена. Так он еще в Бразилии?! Это какой-то кошмар! Значит, их задержали еще на две недели! Вот она, судьба жены футболиста! Ну, скажите, почему я всегда одна? Он там гоняет мяч, а я всю жизнь одна.

Стасик. Мама, а я?

Лена. Играй, это тебя не касается!

Тимофей Кузьмич. Лена, главное, чтоб муж не пил.

Лена. Какая мне радость, если он не пьет в Бразилии!

Елизавета Семеновна. Захар Алексеевич, дело в том, что у Эрнеста в клубе медработников утренняя репетиция. Вы хорошо расслышали – эта девушка точно придет?

Андрей (возмущенно). Елизавета Семеновна! Тогда вы оставайтесь, а я уйду!

Появляется Галя.

Захар Алексеевич. Пожалуйста, вот она! Это я-то не расслышал? Да у меня был лучший слух на всем флоте!

Пауза. Весь двор молча уставился на Галю. Даже Андрей застыл с возмущенно поднятым руками. Далее на протяжении всей сцены Андрей волнуется, не знает, что делать, пытается остановить Галю.

Галя. Это Садовая, дом шестнадцать?

Елизавета Семеновна. Да.

Галя. И вы все – жильцы этого дома?

Елизавета Семеновна. Да. мы тут живем.

Галя. Вот и прекрасно. Значит, я к вам.

Эрнест Борисович. Вы, видимо, к Андрею?

Галя. Нет, нет, к вам. Ко всем вам... *(Пауза.)* Давайте знакомиться. Меня зовут Галя. А вы Мария Ивановна, мама Андрея, – ведь правда?

Мария Ивановна. Мальчик всегда походил на меня. Только на меня и на отца.

Галя переводит взгляд на Эрнеста Борисовича.

Эрнест Борисович. Эрнест Борисович.

Елизавета Семеновна. Руководитель художественной самодеятельности.

Эрнест Борисович. Художественный руководитель самодеятельности!.. Елизавета Семеновна, моя жена.

Галя. Очень рада.

Эрнест Борисович. Тимофей Кузьмич.

Галя. Вы, кажется, живете на первом этаже?

Тимофей Кузьмич. Нет, этажом ниже.

Эрнест Борисович. Лена Остапчук.

Галя. Очень рада.

Эрнест Борисович. Захар Алексеевич.

Галя. Очень приятно... А больше никто в вашем доме не живет? Тут все?

Захар Алексеевич. Без исключения!

Стасик. А я?

Лена. Иди, играй. Это тебя не касается!

Галя. Ну, раз все в сборе... Разрешите сразу к делу? Можно, Елизавета Семеновна?

Елизавета Семеновна. Пожалуйста!.. Но что вы, собственно, имеете в виду?

Галя. Дело в том, что я невеста вашего Андрея. Мы собираемся пожениться. Но, как выяснилось, в вашем дворе подобные вопросы решают сообща.

Эрнест Борисович. Это преувеличение.

Елизавета Семеновна. Мы только советуем, но не решаем.

Захар Алексеевич. Да, да – мы только советуем и решаем, а все остальное зависит от самого Андрея.

Галя. Андрей примерно так мне и изложил: я должна понравиться вам – это самое главное в наших с ним отношениях. Вот я и пришла узнать, что для этого нужно.

Эрнест Борисович *(негромко)*. Как минимум, чувство юмора. Но оно, кажется, есть.

Захар Алексеевич. У девушки светлая голова!

Эрнест Борисович. Не глупа – это уж точно.

Захар Алексеевич. Я имел в виду другое: она блондинка, а мне в молодости больше нравились темные шатенки.

Галя. В следующий раз я приду к вам шатенкой.

Елизавета Семеновна. Но в светлых волосах тоже есть своя прелесть... Скажите – вы учитесь в консерватории?

Галя. Увы – в строительном институте!

Елизавета Семеновна. Это, конечно, не главное, но я почему-то представляла себе жену Андрея пианисткой.

Лена. Если говорить откровенно, я против худых. Девушка должна быть представительной.

Тимофей Кузьмич. А мне почему-то всегда нравились миниатюрные. Узкая стопа, высокий подъем...

Галя. Это все, что от меня требуется?

Стасик. А я хочу, чтобы тетя была дрессировщицей.

Лена. Почему ты здесь? Немедленно иди за скрипкой!

Стасик. Я тоже хочу посмотреть на невесту Андрея!

Лена. Тебе еще рано смотреть на такие вещи!

Галя. Итак, чтобы всем вам понравиться, мне нужно стать пианисткой и дрессировщицей, крупной, но маленькой, ужать стопу и повысить подъем, превратиться в шатенку, но при этом обязательно остаться блондинкой.

Тимофей Кузьмич. Ну, не так буквально...

Галя. Ничего, ничего, я попробую выполнить все ваши пожелания. Но, к сожалению, на это уйдет уйма времени! Одна консерватория – минимум пять лет!

Тимофей Кузьмич. Маша, куда она клонит?

Мария Ивановна. Меня это тоже интересует...

Галя. А цирковое училище? Ведь нельзя же стать дрессировщицей заочно!.. Нет, мы с Андреем не можем так долго ждать!

Елизавета Семеновна. Тебе не кажется, что она над нами смеется?

Эрнест Борисович. Меня бы это не удивило.

Галя. Поэтому я решила понравиться вам всем сразу и – немедленно. Сейчас я вам скажу одну вещь, и вы сами убедитесь, что лучшей жены для Андрея вам не найти.

Тимофей Кузьмич. Вы уверены?

Галя. Абсолютно!.. Так вот что я вам хочу сказать. Я не просто студентка – у меня тут дипломная практика. В вашем квартале решено разбить сквер – это и будет моя дипломная работа. А место для сквера выбрала я сама. И выбрала я его удивительно удачно. Так что, мои дорогие, только не падайте в обморок от счастья – благодаря мне в ближайшие дни ваш дом снесут!

Елизавета Семеновна. То есть как снесут? А мы?

Галя. А вы получите новые, современные, отдельные квартиры. *(Торжествующе.)* Ну как, гожусь я в жены вашему Андрею? *(Пауза.)*

Мария Ивановна. Вот так подарок!..

Елизавета Семеновна. Подумать только, мы здесь прожили всю жизнь, а теперь переезжать неизвестно куда...

Лена. Почему неизвестно? Вы же знаете, где теперь селят!

Галя *(еще уверенно).* Товарищи, вас поселят в прекрасных новых районах. Одних – на юго-западе, других – на северо-востоке, третьих еще где-нибудь... Там дома со всеми удобствами!

Лена. Там за хлебом ближе ходить в соседнюю область!

Елизавета Семеновна. При чем здесь это?! *(Гале.)* Вы когда-нибудь жили в новом доме?!

Галя. Да. Я всю жизнь в нем прожила. По-моему, ничего страшного.

Елизавета Семеновна. Бедняжка! Ничего страшного? Да это же какой-то ужас! Там же все отдельно: у каждого своя квартира, своя кухня, свой балкон! И никто ничего не знает! Ты ешь, ты спишь, ты варишь, ты стираешь – никого это не волнует! Я лично так жить не могу!

Ропот, гул возмущения.

Галя. Да подождите! Минуточку... Вы просто не понимаете!

Эрнест Борисович *(перебивая).* Да что говорить! Там соседей видишь только в лифте. Не успеешь сказать двух слов – уже приехали...

Ропот.

Галя. Пойдите! О чем вы? (*Тимофею Кузьмичу.*) Но вы-то, вы-то чем недовольны? Неужели вы не мечтаете выбраться из своего подвала?

Тимофей Кузьмич. Нет.

Галя. Почему?

Тимофей Кузьмич (*отшучиваясь*). Хотя бы потому, что я сапожник. Я должен видеть, что сегодня носят. Пока я живу в подвале, у меня вся обувь на уровне глаз. Разве там мне создадут такие условия?

Захар Алексеевич. А мне?! Здесь же у меня не квартира, а каюта! Я сделал ее своими руками! И между прочим, из обломков 25 кораблекрушений, в которых лично принимал участие. Понимаете, лично! (*Поет.*) «Наверх вы, товарищи, все по местам!..» Понимаете?

Галя (*растерянно*). Вы что, издеваетесь? Андрей, они что, издеваются надо мной?! (*Андрей хватается за голову.*) Послушайте, да все нормальные люди только и мечтают о новых квартирах!

Мария Ивановна (*скрестив руки*). Ага... Значит мы, по-вашему, ненормальные?..

Галя (*растерянно*). Да нет, я вовсе...

Мария Ивановна. Да, сынок... ну и невесту ты себе нашел!.. Теперь я понимаю, почему ты не хотел нам ее показывать...

Андрей. Нет, нет, мама!.. Понимаешь... она хотела...

Лена. Ну, хватит! Мне, например, уже давно ясно, чего она хотела!.. Хорошо придумала, практикантка... Ей просто нужен жених-аварийщик! (*Всем.*) Понимаете? Она сносит наш дом и одним ударом получает все: диплом, квартиру и мужа со всеми удобствами!

Андрей. Лена!

Галя. Боже, какая чушь! (*Марии Ивановне.*) Но я надеюсь, вы-то понимаете, что...

Мария Ивановна. Нам не о чем больше разговаривать. (*Отворачивается. Все следуют ее примеру.*)

Андрей. Мама!

Мария Ивановна. Ступай в дом!

Галя. Ну, ладно! Я думала, что вы просто чудаковатые пожилые люди, с завихрениями, но хотя бы добрые. А тут какое-то осиное гнездо! Да вас надо так расселить, чтобы и дорогу друг к другу забыли! Нет! Хватит! Все! (*Идет прочь, потом останавливается.*) Ломать! Только ломать! До основания!

Уходит. Захар Алексеевич и Лена улюлюкают вслед. Андрей пытается бежать за ней.

Мария Ивановна. Андрей!.. (*Андрей останавливается.*) И это ты называл своей невестой?

Андрей. Но ведь она...

Захар Алексеевич (*перебивая*). Ничего страшного, я тоже не сразу стал разбираться в женщинах.

Мария Ивановна. Но это же какая-то фурия! «Ломать! Ломать!» Ей бы только ломать!

Эрнест Борисович. Странно, откуда в женщине, самой природой призванной созидать, такая пагубная страсть к разрушению?

Елизавета Семеновна. У нее даже прическа уголовная.

Мария Ивановна. Где она тебя поймала?

Андрей. Да она вовсе...

Захар Алексеевич. Ничего страшного, в свое время я тоже знакомился с девушками на улице. И иногда об этом не жалел.

Тимофей Кузьмич. Между прочим, она грозилась сломать наш дом.

Мария Ивановна. Эта девчонка? Да кто ее послушает!

Эрнест Борисович. Я бы все-таки принял меры. Она практикантка, а вы знаете, на что способен во имя диплома энергичный практикант? Практиканты приезжают в цветущие города и оставляют за собой пустыню!

Елизавета Семеновна. Какой ужас!

Захар Алексеевич. Нет, нет, наш дом ломать нельзя!

Эрнест Борисович. Захар Алексеевич, меня вы уже уговорили.

Захар Алексеевич. Но что мы должны предпринять?

Эрнест Борисович (*неожиданно*). Ремонт!!! Нужно добиться, чтобы у нас немедленно начали ремонт. Какой угодно, лишь бы дом попал в план ремонтной конторы. Тогда его не снесут, пока не окончится ремонт. Во всяком случае, на ближайшие 5–6 лет мы будем застрахованы от всяких неожиданностей.

Тимофей Кузьмич. Очень разумная идея.

Захар Алексеевич. Я сам пойду туда! И если они сегодня же не начнут нас ремонтировать, я им устрою такое, что завтра им уже придется ремонтировать себя!

Уходит, Андрей пытается улизнуть следом.

Мария Ивановна. Ты куда?

Андрей. Ну, мама, в конце концов...

Мария Ивановна. Только не уходи далеко от дома, а то эта авантюристка тебя снова выследит.

Андрей. Да она...

Тимофей Кузьмич. А может быть, мы зря отвергли Лору?

Елизавета Семеновна. Ну, что вы! Вот я знала здесь одну – она бы Андрею действительно подошла! Красавица! Музыкантша!

Эрнест Борисович. Так в чем же дело?

Елизавета Семеновна. Дело в том, что я не знаю, жива ли она еще...

Андрей бросается в ту сторону, куда ушла Галя. Тем временем двор пустеет. Тимофей Кузьмич спускается в подвал, начинает заниматься сапожным делом. Одна Мария Ивановна остается во дворе. Появляется Стасик с большими клещами и начинает возиться возле стены.

Стасик. Мария Ивановна, у вас нет какого-нибудь ненужного самовара?

Мария Ивановна. У меня нет даже нужного. А зачем тебе?

Стасик. Как зачем? В металлолом! Весь отряд сдает, а я...

Мария Ивановна. Стой! Что ты там тащишь?

Стасик. Гвоздь, что же еще!

Мария Ивановна. Зачем?

Стасик. Все-таки тоже железный.

Мария Ивановна. Немедленно оставь его в покое! Ты хочешь, чтобы дом развалился? Тебе нужен именно этот гвоздь?

Стасик. А где я найду другой?

Мария Ивановна. Откуда я знаю?.. Поищи в соседнем доме!

Уходит в дом. Стасик убегает и сталкивается с Сухоруковым.

Сухоруков. Осторожней, молодой человек, не споткнитесь о бульдозер. Недавно один вот так же налетел – пришлось потом гусеницу менять... Ну, я веселый!.. *(Осматривается.)* Вроде никого... отселились... Ну и жилфонд! Я бы тут и без бульдозера справился! *(Замечает Тимофея Кузьмича, удивляется.)* Эй, батя, что ты там делаешь в подвале?!

Тимофей Кузьмич *(появляясь)*. Как что? Живу. Коротая обеспеченную старость... А вы, молодой человек, к кому?

Сухоруков. Да вроде, к вам...

Тимофей Кузьмич. Мария Ивановна, Мария Ивановна!

Мария Ивановна *(появляясь)*. Да, да!

Тимофей Кузьмич. Тут вот человек приехал.

Мария Ивановна. На лето?

Сухоруков. Да нет, думаю, за день управлюсь.

Мария Ивановна. Так вы не отдыхать?

Сухоруков. Нет, я строитель из СМУ-5.

Мария Ивановна. Строитель? Тимофей, ты слышишь?! Лена! Лиза! *(Все мгновенно появляются.)* Строитель пришел! Вот тебе и Захар Алексеевич! Морская хватка! Пошел и добился!.. Ну что ж, молодой человек, начинайте!

Сухоруков. То есть, как это – начинайте?

Мария Ивановна. А как вы обычно начинаете?

Сухоруков. Обычно с угла...

Лена. Вот и прекрасно. Как раз моя квартира.

Сухоруков. Но ведь люди в доме, дети?

Лена. Ну и что, что дети? Вы же один, без напарника, значит, молча работать будете. Детям и слушать нечего.

Елизавета Семеновна. Начинайте, начинайте, молодой человек.

Эрнест Борисович. Вы только начните, а потом можете не торопиться. Мы уже двадцать лет ждем ремонта – подождем еще.

Сухоруков. Граждане, протрите глаза! Вон бульдозер стоит!

Захар Алексеевич *(он вернулся ни с чем)*. Ну и что?

Сухоруков. А где вы видели, чтобы бульдозером дом ремонтировали? Я сносить вас приехал, понимаете? Сносить! Через неделю на этом месте уже должна быть клумба!

Мария Ивановна. Сносить? Так быстро? Ну и темпы у этой практикантки!

Сухоруков. Почему не отселились? Вам же еще месяц назад послали повестки.

Мария Ивановна. Какие повестки? *(Жильцам.)* Разве мы что-нибудь получали?

Захар Алексеевич. Какие-то бумажки приходили...

Мария Ивановна. Почему же вы нам не сказали?

Захар Алексеевич. Зачем?

Мария Ивановна. Неужели вы не понимаете, что если мы получили повестки, значит, нас сносят!

Захар Алексеевич. Мы уже три года получаем квитанции за телефонные переговоры, но это же не значит, что в нашем доме есть телефон.

Сухоруков. Значит, вы и ордера не получили?!

Мария Ивановна. Нет.

Сухоруков. Так они же в горсовете лежат! Вас дожидаются! Кто у вас тут самый молодой? Пусть сбегает, заберет, пока другие не расхватали.

Тимофей Кузьмич. Может быть, это все-таки ошибка?!

Сухоруков. Какая ошибка, папаша? Ошибки у нас бывают только при строительстве, при сносе – никогда. Поздравляю, отмучились! В новые дома переезжаете. Выносите вещи, а я пошел заводиться. Учтите – ждать не буду. Скоро двенадцать, а я еще не обедал.

Мария Ивановна. Не обедал?! Лена, чего же ты стоишь? Голодный человек, злой, с бульдозером – естественно, ему хочется что-нибудь сломать!.. Молодой человек, как вас зовут?

Сухоруков. Степан Сухоруков.

Лена. Степочка, позвольте мне вас так называть – мы немедленно идем обедать!

Сухоруков. Да ну... Как-то неудобно...

Елизавета Семеновна. Ну, что вы? Мы сами еще не обедали, ждали только вас!

Сухорукова ведут к столу.

Стасик (появляясь). Мария Ивановна, ну хоть кастрюля ржавая у вас есть? Никому не нужная?

Мария Ивановна. Ты что, не видишь, что творится? У этого ребенка на уме только железо!.. Железо... железо... Тебе нужно железо? Вон там за углом стоит прекрасный железный механизм.

Стасик (с надеждой). А он никому не нужен?

Мария Ивановна. Насколько я знаю, в нашем доме он не нужен никому!

Стасик. Сейчас, я только за ребятами сбегаю! *(Убегает.)*

Жильцы дома, кто чем может, угощают Степана Сухорукова. Бутылки вновь и вновь наклоняются над его стаканом. Сухоруков на глазах хмелеет и даже обилие закусок не может остановить этот процесс. В это время появляется Стасик. В руках у него руль бульдозера.

Лена. Стасик, зачем ты его притащил?

Стасик. А он пластмассовый. Его в металлолом не берут.

Сухоруков (заплетающимся языком). Это же мой руль!.. А где все остальное?

Захар Алексеевич (подняв глаза к небу). Все там будем!

Захмелевшего Степана Сухорукова укладывают здесь же во дворе спать.

Картина третья

Сцена затемнена. Высвечивается лишь боковая ее часть, где встречаются Андрей и Галя. Они выбегают с разных сторон и почти сталкиваются. Обнимаются.

Андрей. Я ищу тебя по всему городу!

Галя. Думала – никогда больше сюда не вернусь! А потом испугалась за тебя. Мало ли что взбредет в голову этим мракобесам, а ты как раз под рукой.

Андрей. Да нет, они вовсе...

Галя (перебивая). Да брось ты! Я же их видела! Ну, думаю, всё! Еще момент – и пойдут на меня с табуретками.

Андрей. Галя, понимаешь...

Галя. Да ладно, не огорчайся! Теперь все будет в порядке! Просто ты попал в жуткую компанию. Какие-то пожилые хулиганы... Ну, ничего. Я тебя из этого болота вытащу. Этот сумасшедший дом так разнесут – щепки на

память не останется! «Ей нужен жених-аварийщик!» Это надо же? Какая дремучая психология!

Андрей. Так ведь это Лена!.. Она у нас недавно живет. Ее вообще нельзя принимать всерьез.

Галя. А остальных можно...

Андрей. Остальных можно...

Галя. Да что с ними сделается?! Переедут в новые дома и станут жить по-человечески.

Андрей. Они этого не вынесут.

Галя. Не говори глупости! Другие мечтают о таком счастье!

Андрей. Для счастья горячей воды и мусоропровода мало...

Галя. Ну, знаешь! Я думала – ты нормальный человек, вспоминаешь обо мне, скучаешь... А тебя волнуют только твои соседи. Мы должны быть счастливы, понимаешь, мы!

Андрей. А как же они?..

Галя. Да что ты все время печешься о них? Мать ведь будет с тобой! А они тебе что – отцы родные?

Андрей. Отцы?.. Ты знаешь, в общем, так получается...

Галя. Да объясни ты, наконец! Хватит этих загадок!

Андрей. Ну что объяснять... Обычная история... Отец с матерью после войны поженились. Он только с фронта пришел... Молодой совсем... Пожил несколько лет и умер. Осколок какой-то... Матери было очень трудно... И если бы не они, меня бы, наверно, и в живых не было... Тогда ведь голод был, сразу после войны... Понимаешь, нельзя их расселять: у них никого, кроме друг друга и меня. Они-то, конечно, храбрятся, но в сущности совершенно незащитные старики...

Пауза.

Галя. Что ж ты раньше-то не говорил?

Андрей. Да я собирался...

Галя. Собирался... теперь-то что толку?

Андрей. Почему?

Галя. Дома-то наверняка уже нет.

Андрей. Как нет? Я же утром уходил...

Галя (перебивая). Так то утром!.. Сносить его послали Сухорукова. А он у нас с утра всегда передовик: готов работать за троих, лишь бы после обеда бездельничать.

Андрей. Да нет... Быть не может!

Галя. А – ладно! Бежим! Вдруг успеем!

Картина четвертая

Высвечивается двор дома. Вбегают Галя и Андрей. Спотыкаются о нечто, прикрытое простыней.

Галя (в ужасе отскакивая). Там... Там... Не отходи от меня! Там человек!

Андрей. А может, просто....

Галя. Не отходи от меня!.. Я же говорю тебе – труп!

Андрей. Ну-ка, постой секунду.

Галя. Боюсь.

Андрей. Секунду всего! (*Приподнимает простыню.*) Хм...
Действительно, человек.

Галя. Это он! Это Сухоруков! Они его убили!

Андрей. Как убили?

Галя. Смотри, он же не дышит!

Андрей. А ну-ка, дыхни! (*Пытается пошевелить тело.*) Хм...
Действительно.

Галя. Его убили!

Сухоруков. Кого? (*Садится и тут же вновь падает.*)

Андрей. Да нет, вроде живой.

Галя. Степа, что они с тобой сделали? (*Пытается его поднять.*)

Сухоруков. Всё...

Галя. Это они... Они!

Андрей. Кто они?

Галя. Твои беззащитные старички! Узнаю их бандитский почерк – заманили, а потом набросились все разом... Степа, что у тебя болит?..

Сухоруков. Всё...

Галя. Ну соберись с силами!.. Скажи, что здесь произошло?

Сухоруков. Всё...

Галя. Что все?

Сухоруков (*поет*). «Все могут короли, все могут короли... и судьбы всей земли вершат они порой...»

Андрей. Для покойника он слишком пьян.

Галя. Не пьян, а злостно одурманен алкоголем! Алкоголь – яд! Неужели ты сам не понимаешь, что его отравили?

Андрей. Галя, да кому это надо?

Галя. Кому? Ты еще спрашиваешь «кому»? Вот – посмотри! Полюбуйся на них!

Перед домом выстроилась монолитная когорта жильцов.

Андрей. Галя, он просто пьян, его надо увести.

Галя. Степа, а что это у тебя в руках?

Сухоруков. Руль.

Галя. Где твой бульдозер?

Сухоруков. Они... вот, они... сдали его в металлолом. А меня не приняли, говорят – пластмассовый. (*Плачет.*)

Галя (*жильцам*). Как вам не стыдно!

Захар Алексеевич. В наш дом...

Жильцы. Через наш труп!

Галя (*Андрею*). Ты слепой! Это же просто мафия! Банда озверелых пенсионеров!

Захар Алексеевич. Строительно-монтажному управлению с его прорабом...

Жильцы. Нет!

Захар Алексеевич. Степану Сухорукову с его бульдозером...

Елизавета Семеновна. С его бывшим бульдозером.

Жильцы (*хором*). Нет!

Галя. Пошли, пошли, Степа...

Сухоруков. Сейчас... (*Держит руль, делает вид, что заводит бульдозер, поет.*) «Но что ни говори, жениться по любви не может ни один, ни один король!..» (*Уезжает.*)

Эрнест Борисович. Еще напор – и враг бежит!

Галя. Ну погодите, вы об этом еще пожалеете! (*Уходит. Андрей уходит вслед за ней.*)

Мария Ивановна. Жильцы! Сейчас главное не терять бдительности! Захар Алексеевич, вы назначаетесь начальником охраны, у вас все равно бессонница.

Эрнест Борисович. Неплохо бы возвести перед домом какое-нибудь оборонительное сооружение.

Елизавета Семеновна. На баррикады!

Жильцы. На баррикады!

Захар Алексеевич. В наш дом...

Жильцы. Через наш труп!

Жильцы строят баррикаду. В дело идут старые кровати, кресла, фикусы, табуретки, кастрюли, словом, все, чем богаты кладовые любого старого дома.

Конец 1-го действия

Действие второе

Картина пятая

Декорация та же, что и в первом акте, только теперь перед домом выросла полоса препятствий – баррикада. Ранний вечер. Появляется Захар Алексеевич. Он осматривает в бинокль окрестности. Что-то привлекает его внимание. Он уходит. Дом затемняется, высвечивается часть улицы возле дома. Там Галя, она смотрит на часы, нервничает. Появляется Сухоруков, в руках у него руль.

Сухоруков. Галочка!

Галя (*разочарованно*). Ах, это вы, Степа.

Сухоруков. Галочка, у вас лирическое лицо, а для меня жизнь потеряла все свои яркие краски. Этот руль стучит в мое сердце. Я не знаю, о чем вы думаете, но я уверен – вы думаете не о том.

Галя. Степа, я ничего не понимаю. Ведь новый дом лучше старого! Район? Район, в конце концов, можно выбрать. Ну, что они так уперлись? Я пыталась понять их психологию – и не могу!

Сухоруков. Когда я смотрю на этот дом, мне хочется думать не о психологии, а о кувалде. Галочка, возьмите себя в руки! Вы – мой начальник, так будьте начальником!

Галя. Степа, а что я могу тебе приказать? Бульдозера-то больше нет.

Сухоруков. Если бы дело было только в этом, я бы уже сегодня после обеда спал спокойно. Я владею всеми механизмами, начиная с мясорубки и кончая реактивным самолетом. Но я не могу получить фронт работ! У меня нет возможности выйти на объект – они дежурят даже ночью! А применять силу я не могу: в этом доме не с кем подраться – один-единственный молодой человек, и тот ваш жених...

Галя. А что могу сделать я?

Сухоруков. Одну минуточку!.. Кажется, есть вариант. То есть даже наверняка есть! М-да, мы еще посмотрим, кому место в утильсырье. Сухоруков справедлив, но суров! А этот руль я, как вещий Олег, прибью на дверях нового дома... Так, Галочка, мне нужно подготовиться к операции. А вас я очень прошу быть здесь, мне может понадобится помощь. Обещаете?

Галя (*рассеянно*). Да, да, Степа, я буду здесь...

Сухоруков (*уходя*). Думаете придет?.. Сомневаюсь...

Галя (*рассеянно*). Почему?

Сухоруков. Извините, Галочка, но по-моему, ваш жених нуждается только в родительской ласке...

Галя (*рассеянно, нервно*). Ну это мы еще посмотрим!.. (*Вспыхивает.*) А вообще, это не ваше дело!..

Сухоруков. Ну, хорошо, хорошо... Я пошел... (*Уходит.*)

Галя. Неужели он действительно не придет?..

Картина шестая

Поздний вечер. На сцене дом. На баррикаде дежурит Андрей. Он нервничает, смотрит на часы. Появляется Захар Алексеевич.

Захар Алексеевич. Андрей, ты почему пароль не спрашиваешь?

Андрей. Но я же вижу, что это вы.

Захар Алексеевич. Запомни, Андрей, враг коварен! Он может принять любое обличье, даже мое. Поэтому бдительность и еще раз бдительность!

Андрей. Захар Алексеевич, мне очень нужно уйти.

Захар Алексеевич. Часовой имеет право покинуть пост только в том случае, когда его сменят.

Андрей. А раньше никак нельзя?

Захар Алексеевич. Только по распоряжению старшего по званию, то есть Марии Ивановны.

Андрей (*машет рукой*). Ну, тогда это бесполезно!..

Мария Ивановна (*появляясь*). Захар Алексеевич, вы проверили караулы?

Захар Алексеевич. Можете быть спокойны! Муха не пролетит.

Мария Ивановна. А кто дежурит ночью?

Захар Алексеевич. Эрнест Борисович и Тимофей.

Мария Ивановна. А где они?

Захар Алексеевич. Тимофей спит.

Мария Ивановна. А его напарник?

Захар Алексеевич. Перед уходом на дежурство прощается с женой.

Захар Алексеевич и Мария Ивановна уходят. Высвечивается балкон – там Елизавета Семеновна и Эрнест Борисович.

Елизавета Семеновна (*подавая ему вещевой мешок*). Эрнест, здесь теплое белье, сухари; бутылка кефира.

Эрнест Борисович. Спасибо, Лиза.

Елизавета Семеновна. Валидол и перцовый пластырь – в кармашке.

Эрнест Борисович. Спасибо, Лиза!

Елизавета Семеновна. Я буду ждать тебя, Эрнест.

Эрнест Борисович (*неожиданно, как бы поняв что-то*). Ты всю жизнь меня ждешь... Тебе не надоело?

Елизавета Семеновна. Я привыкла, Эрнест.

Эрнест Борисович. Лиза, скажи... Почему ты не бросила меня?

Елизавета Семеновна. Просто это мне никогда не приходило в голову...

Эрнест Борисович. Не может быть... Ты же была молодая, красивая. И все это видели, кроме меня!

Елизавета Семеновна. Неправда. Ты это тоже замечал. Ты говорил мне об этом по утрам, когда я завязывала тебе галстук.

Эрнест Борисович. И тебе этого было достаточно?

Елизавета Семеновна. Что поделаешь? Ты был занят в театре. Ты все вечера отдавал искусству.

Эрнест Борисович. Искусству? Ты так думаешь только потому, что я возвращался домой всегда поздно и не всегда трезвым?

Елизавета Семеновна. Ну и что? Ты – творческая натура, тебе нужна была разрядка! Зато я гордилась тобой, твоими успехами.

Эрнест Борисович. А мои провалы? Думаешь, я не знаю, кто присылал мне после них цветы и даже писал любовные записки под разными именами, но одним почерком?!

Елизавета Семеновна. А почему нет? У каждого актера должен быть свой зритель. Хотя бы один. И ничего страшного, если это его жена.

Эрнест Борисович. А мой характер? Его не мог выдержать ни один театр города, даже кукольный.

Елизавета Семеновна. Тебя просто не понимали. А в самодеятельности ты раскрылся! Начал ставить спектакли. Пришел успех. В доме появились грамоты, кубки.

Эрнест Борисович. Еще бы! Тридцать лет я не выходил из клуба медработников! Я отдал этим медработникам все свое здоровье!

Елизавета Семеновна. Зато твой «Живой труп» был украшением всех смотров и фестивалей!..

Эрнест Борисович. Но тебе? Что я дал тебе?! Одинокие вечера в двадцать лет?! Седину в тридцать?! Свою гипертонию в пятьдесят пять?! Почему ты не бросила меня?!

Елизавета Семеновна. Эрнест, тебе нельзя волноваться!

Эрнест Борисович. А-а-а-а! Я понял! Ты думала – я без тебя пропаду? Ты меня просто жалела?!

Елизавета Семеновна. Нет, Эрнест. Я тебя просто любила...

Эрнест Борисович (*растроганно обнимая ее*). Ну, прощай, Лиза!

Елизавета Семеновна. Нет, Эрнест, до свидания... (*Вслед ему*.) Эрнест! Я всегда гордилась тобой! Береги себя!

Эрнест Борисович спускается во двор, появляется Тимофей Кузьмич. Тут же Захар Алексеевич и Андрей.

Эрнест Борисович и Тимофей Кузьмич (*хором*). Товарищ начальник охраны! Разрешите доложить! На дежурство прибыли!

Захар Алексеевич. Отлично! Андрей, можешь быть свободен.

Андрей. Ну, я пошел. (*Хочет уйти.*)

Мария Ивановна (*появляясь*). Ты куда?! А ну немедленно спать!

Андрей. Ну, мама!

Мария Ивановна. Нет, нет! Ложись, тебе через два часа сменять Эрнеста Борисовича и Тимофея Кузьмича!

Андрей (нервно). Но два часа я могу подышать?!

Мария Ивановна. Конечно. А кто тебе запрещает дышать?.. Ложись в постель и дыши. Я же не требую, чтобы ты укрывался с головой!

Андрей, махнув рукой, повинуется.

Захар Алексеевич. Так. Я на всякий случай буду сидеть на балконе. Мне все равно не заснуть. А вы при появлении подозрительных лиц и механизмов подавайте условные сигналы. Кстати, вы умеете кому-нибудь подражать?

Эрнест Борисович. Да, Магомаеву.

Захар Алексеевич. А из животных?

Эрнест Борисович. Петух вас устроит?

Захар Алексеевич. Вполне. Кукарекайте во весь голос! (*Поднимается и устраивается на балконе.*)

Эрнест Борисович (*укладываясь на столе для собраний жильцов*). Тимофей, ложись! Нам скоро сменяться...

Ложатся и засыпают. Дом затемняется. Высвечивается часть улицы, где стоит грустная Галя. Появляется Сухоруков. Он в плаще и темных очках, с портфелем. Из портфеля торчат цветы. Он подходит к Гале, та пугается. Он прикладывает палец к губам, открывает портфель и достает букет. Оказывается, он прикреплен к ручке кувалды. Он берет Галю за руку и ведет к дому. Дом высвечивается, Эрнест Борисович и Тимофей Кузьмич спят.

Сухоруков. Кажется, спят.

Галя (разочарованно). Да – никого не видно.

Сухоруков. Галочка, о чем вы думаете? Я вас умоляю, напрягитесь!

Галя (рассеянно). Да, да, Степа.

Сухоруков. Видите ли, Галочка, в принципе я не мыслитель, я – болельщик. Но вчера меня как будто подменили – я целый день думал. И знаете, я понял, на чем держится дом.

Галя (рассеянно). На чем же, Степа?

Сухоруков. Он висит на водосточной трубе.

Галя. То есть как?

Сухоруков. Вы посмотрите на эту трубу! Еще та, прошлого века, из вот такого железа! Когда дом осел от старости, она уткнулась в землю, как хороший столб. И теперь дом на ней висит. А если залезть на крышу и дать пару раз кувалдой по крюкам, дом отцепится и упадет. Так сказать, с помощью малой механизации...

Галя (рассеянно). Да, да, Степа, я слушаю.

Сухоруков. Забраться на крышу – это не вопрос, есть пожарная лестница. Но она идет мимо всех окон – увы!.. Галочка, я вас прошу!

Галя. Да, да, Степа, я все поняла, если вы полезете по лестнице, они соберутся у форточек и сбросят вас в бездну.

Сухоруков. Вот именно! Мне же будет нечем обороняться: руки заняты лестницей, кувалда в зубах... Но!

Галя. Да, да, Степа...

Сухоруков. Но вы их должны отвлечь. В должны сделать так, чтобы вся их бдительность была привлечена к баррикаде. Тогда зайду с тыла.

Галя. А как мне их отвлечь?

Сухоруков. Галочка, вы же инженер! Ну, кидайте в них камни. Это очень отвлекает. Или есть еще способ: встаньте перед баррикадой и оскорбляйте их цензурными словами.

Галя. А если они меня избьют?

Сухоруков. Ну что вы, Галочка, они же люди старомодные, они женщин не бьют... Значит, давайте так: вы проследите, чтобы все вышли из дому, сделайте мне знак рукой, и я долбану по трубе.

Галя. Да, да, Степа, хорошо...

Сухоруков осторожно, чтобы не задеть баррикаду, пробирается во двор. Появляется сонный Стасик со скрипкой.

Лена (из комнаты). Стасик, играй! И помни: я сплю, но я все слышу! (*Стасик начинает играть.*)

Галя (шепотом). Мальчик, мальчик! Ты не мог бы позвать Андрея?

Стасик. Нет.

Галя. Почему?

Стасик. Я должен заниматься...

Галя. Ночью?

Стасик. Если бы только ночью... Днем тоже.

Галя. Так сделай перерыв.

Стасик. Мне не разрешают!

Галя. Но все же спят!

Стасик. Если я перестану играть, они проснутся.

Галя. Он мне очень нужен!.. Может быть, я за тебя поиграю?

Стасик (с радостью). А вы умеете?

Галя. Умею! Умею! Иди... (*Берет у Стасика скрипку.*)

Лена (из квартиры). Стасик, почему ты не играешь?

Стасик. Начинайте!

Галя вертит скрипку в руках.

Лена. Играй, или я сейчас встану!

Стасик. Тетя, играйте, ну что же вы!..

Галя извлекает из скрипки душераздирающие звуки.

Лена (из комнаты). Молодец, Стасик! Вот видишь, когда хочешь – можешь. Ложись, детка, и помни, тебе через час вставать.

Галя продолжает играть.

Андрей (появляясь). Стасик, перестань мучить кошку!

Галя (негромко). Андрей, это я. (Отдает Стасику скрипку.)

Андрей. Галя? (Быстро сбегает вниз. Обнимаются.)

Галя. Почему ты сегодня не пришел?

Андрей. Заставили дежурить на баррикаде.

Галя (указывая на Эрнеста Борисовича и Тимофея Кузьмича). А почему они спят на столе?

Андрей. Они не просто спят, они дом охраняют. Лезь сюда, здесь удобней.

Вдвоем, обнявшись, устраиваются в кресле.

Андрей. Это правда ты?! (Целует Галю несколько раз.)

Галя. Что с тобой?!

Андрей. Я так боялся, что больше тебя не увижу.

Галя (испуганно). А что, они хотели тебя?..

Андрей. Да нет... Но я думал, что после вчерашнего... И вообще, зачем я тебе... такой рохля?

Галя (обнимая его). Глупенький!.. Просто ты себе цены не знаешь... Ты же у меня – редкость!

Андрей. Да?

Галя. Между прочим, даже профессия твоя мне нравится!..

Андрей. Правда?!

Галя. Конечно... В конце концов, мы же самая читающая страна в мире! И в этом смысле библиотекарь...

Андрей. Видишь ли, Галя... К сожалению, мы самая не то читающая страна в мире!

Галя. То есть?..

Андрей (увлеченно). Но ничего, ничего!.. Ты знаешь, за то время, что я работаю, половина моих читателей уже почти отказалась от детективов!..

Галя. Да?

Андрей. ...А на прошлой неделе пришел один и, представляешь, просто так, среди бела дня попросил дать ему «Дон Кихота»!.. Я потом целую ночь не спал, все думал: как он там? Нравится ему? Не нравится?!

Галя. Нет, ты у меня действительно редкость!.. Тебя бы еще в хорошие руки!.. Ну, ладно, это я беру на себя! (Целует его.) Слушай, это какое-то изуверство! Чтобы два человека в одном городе могли целый день не видеться. Чтобы мы с тобой... (Целуются.)

Тимофей Кузьмич. А? Что? (Просыпается.) Кх, кх... Я прошу прощения. Андрей, почему ты не кукарекаешь?

Андрей. Тимофей Кузьмич, тише, пожалуйста. Она же одна, без бульдозера. По сугубо личному делу. На минуточку. Она сейчас уйдет.

Галя. Я не собираюсь никуда уходить.

Андрей. Ну, Галя...

Галя. Что, Галя?.. В конце концов, мне надоело! Стоит появиться кому-нибудь из этих, и ты сразу теряешь человеческий облик.

Андрей. Ну, Галя...

Тимофей Кузьмич. Девушка, можно одному из «этих» задать вам вопрос?

Галя. Пожалуйста.

Тимофей Кузьмич. Если вы хорошо относитесь к Андрею, почему вы так агрессивны к тем, к кому хорошо относится он?

Галя (*искренне удивляясь*). Я агрессивна? Да я, если хотите знать, уже сутки ломаю голову, пытаюсь понять: ну чего вам надо?

Тимофей Кузьмич. А вы спросите – может, я вам смогу помочь.

Галя. Ну вот, скажите – только честно, новые дома лучше старых или нет?

Тимофей Кузьмич. Мне кажется, лучше.

Галя. Тогда почему же, когда я прихожу и предлагаю людям переселиться в новые дома, они вместо естественной благодарности возмущаются?

Тимофей Кузьмич. Мне кажется, потому что хотят остаться.

Галя. А мне что прикажете в этом случае делать?

Тимофей Кузьмич. Мне кажется, уступить.

Галя. Но ведь это какое-то непотворение злу.

Тимофей Кузьмич. Раньше это называли просто вежливостью.

Галя. Когда котенок добровольно не пьет молока, его берут за шиворот и тычут в блюдце носом.

Тимофей Кузьмич. Милая девушка, но вы же имеете дело с людьми.

Галя. Но тогда люди пусть ведут себя, как люди!.. Неужели вы не понимаете? Дом же все равно снесут.

Тимофей Кузьмич. Ну вот, опять вы о доме. При чем здесь он? Если бы ему еще можно было чем-то помочь, я бы сам пошел к председателю горисполкома. Между прочим, прекрасный человек! Я чинил обувь его папе. Он, конечно, может меня не послушаться... Но папу же он послушается!.. И что это даст? Допустим, они даже запретят этот дом сносить. Но кто может запретить ему падать?

Галя. Вы это понимаете?.. Почему же тогда вы все так странно себя ведете?

Андрей. Но они...

Тимофей Кузьмич (*перебивая*). Погоди... Милая девушка, я не хочу вас обидеть, но лучше вам расстаться с Андреем сейчас.

Андрей. Но я...

Галя (*перебивая*). Погоди... Интересно, почему?

Тимофей Кузьмич. Мне кажется, ничего хорошего у вас все равно не получится. Ему нужна совсем не такая жена.

Андрей. Но она...

Галя (*перебивая*). Погоди... Но ведь я люблю его!

Тимофей Кузьмич. Ну что ж, я вас понимаю. Его есть за что любить. Но поверьте, вы еще так молоды, у вас все впереди. Вот если бы вы полюбили в моем возрасте, – это была бы действительно любовь до гроба.

Андрей. Но мы...

Галя (*перебивая*). Погоди... Я, конечно, уважаю вашу старость, но мне все-таки непонятно, почему вы так бесцеремонно вторгаетесь в чужие отношения.

Андрей. Но ведь он...

Тимофей Кузьмич (*перебивая*). Погоди... Потому что люди в моем возрасте видят достаточно далеко.

Галя. Может быть, в других вопросах вы и дальнорезки, как горный орел, но о любви судите, извините, как сапожник.

Тимофей Кузьмич. Ничего удивительного, я и есть сапожник.

Галя. Ой, извините!.. Я вовсе не хотела... Я забыла... Это какой-то ужас! Иногда я ненавижу собственный язык. Хочу, как лучше, а получается...

Мария Ивановна (*появляясь на балконе*). Тимофей, с кем это ты разговариваешь?

Тимофей Кузьмич показывает знаками Гале и Андрею, чтобы они ушли. Они уходят.

Тимофей Кузьмич. Ни с кем, тебе показалось.

Мария Ивановна. Душно что-то... И на душе как-то беспокойно... (*Всматривается.*)

Тимофей Кузьмич (*стараясь ее отвлечь*). Брось, Маша... Посмотри лучше, какие звезды!.. Блестят... Как спелые вишни... Вон та, над горисполкомом... Или эта – над поликлиникой. Красавица! Умирать не хочется... Ты знаешь, говорят, там тоже есть жизнь... (*Мария Ивановна молчит, думая о своем.*) А что, может быть. Люди везде устраиваются...

Мария Ивановна. Тимофей, неужели эта девчонка станет женой Андрея?

Тимофей Кузьмич. А почему нет, Маша? Может, у них любовь?

Мария Ивановна. Любовь?! Ну, допустим, любовь, она слепа. Но ты же, слава богу, зрячий. Разве мы о такой мечтали?

Тимофей Кузьмич. Не волнуйся, еще ничего не известно.

Мария Ивановна. В нем-то я уверена!.. Но она! Такая ни перед чем не остановится!.. Чему ты улыбаешься?

Тимофей Кузьмич. Так, вспомнил одну свою знакомую. Мы дружили с детства. И вот однажды она пришла ко мне и сказала: «Тима, я влюбилась! Его зовут Коля, и пока он не обращает на меня никакого внимания. Но запомни, ровно через месяц у нас свадьба!».

Мария Ивановна. Ах, вот ты о чем?.. Как я была счастлива тогда! Помнишь? Все дарили мне цветы, а ты принес белые свадебные туфли.

Тимофей Кузьмич. Это была моя первая самостоятельная работа.

Мария Ивановна. Сколько я танцевала в тот вечер!

Тимофей Кузьмич. А я сидел и волновался: только бы эти туфли не развалились.

Мария Ивановна. Ах. Тимофей, Тимофей! Ты всю жизнь не о том думал. Если хочешь знать, ты и не женился поэтому. А ты, я помню, многим нравился.

Тимофей Кузьмич. Да?.. Но, к сожалению, кроме той, которая нравилась мне.

Мария Ивановна (*удивленно*). А что, была такая?! Так чего же ты ждал?! Нужно было действовать, бороться за свое счастье!

Тимофей Кузьмич. Ты так думаешь?

Мария Ивановна. Конечно!

Тимофей Кузьмич. Почему же тебе в таком случае не нравится эта девушка?

Мария Ивановна. Что?!! Да что в ней может нравиться?! Эх ты! Прожил всю жизнь, а о женщинах судишь, извини, как сапожник!.. (*Уходит.*)

Тимофей Кузьмич (*грустно улыбаясь*). Сапожник... сапожник... Вот уж действительно – все женщины одинаковы...

Елизавета Семеновна (*появляясь*). У вас все спокойно? Мне кажется, кто-то ходит по крыше.

Тимофей Кузьмич. Не может быть. Эрнест! (*Будит его.*) Где твой фонарик?

Эрнест Борисович (*просыпаясь*). А? Что? Где?

Тимофей Кузьмич. Ну-ка, посвети на крышу.

Эрнест Борисович направляет фонарь на крышу. Там, подбоченившись и опершись на кувалду, стоит Сухоруков.

Эрнест Борисович. Кукареку!

Тимофей Кузьмич. Раньше надо было кукарекать! Мария Ивановна! Захар! Тревога!

Появляется Мария Ивановна.

Елизавета Семеновна. Дорогие мои! Там, на крыше, этот голодный молодой человек. Почему все стоят? Пусть кто-нибудь сделает что-нибудь!

Мария Ивановна. Немедленно слезайте с крыши! Захар Алексеевич! Захар Алексеевич! (*Будит его.*) Проснитесь! Прогоните его! (*Удивленно.*) Не может быть! Спит!..

Сухоруков (*поет*). «Все могут короли, все могут короли! И судьбы всей земли вершат они порой...»

Тимофей Кузьмич. И этому человеку доверяли такую умную машину, как бульдозер!

Лена (*появляясь*). Что случилось? Почему никто не спит?! Почему Стасик не играет?!

Появляется Галя и Андрей. Андрей тянет ее за руку.

Андрей. Пойдем, пойдем!.. Я им все объясню...

Галя. Нет, нет... Не сейчас!.. Лучше давай еще погуляем...

Сухоруков. А-а, Галочка! Где же вы? Моя кувалда дрожит от нетерпения. Один удар по трубе – и это забытое богом жилище отправится догонять мой бульдозер.

Лена. Нет!!! Мои нервы этого не выдержат! Мне нужно побыть одной, я пошла на базар...

Сухоруков. Галочка, где же знак?

Андрей. О чем он? Какой знак?

Сухоруков. Кажется, с этого дня я начну уважать женщин. Должен сказать, вы их отвлекли по-гроссмейстерски. Я рассчитывал только на скандал, но, оказывается, лирика и принципиальная дискуссия действуют надежней.

Андрей. Так ты что – это ты меня отвлекала?

Галя. Но я просто...

Андрей. Как ты могла?

Галя. Но я даже...

Елизавета Семеновна. Это она, это все она!

Лена. Ее как порядочную девушку пустили на баррикаду, а она...

Андрей. Как тебе не стыдно?

Галя. Мне? Это тебе должно быть стыдно. Вместо того чтобы верить мне, ты всегда слушаешь эту ораву.

Андрей. Я запрещаю тебе так о них говорить!

Галя. Ого! Это уже речь не мальчика, но мужа! Так вот, станешь мужем – будешь запрещать.

Андрей. Ну, уж этого-то, слава богу, не будет. Какое счастье, что я узнал тебя до свадьбы, а не после!

Галя. Просто ты меня никогда не любил.

Андрей. Еще как любил! Потому, что был дурак!

Галя. Был? Да ты и сейчас в своей лучшей форме.

Андрей. Знаешь, ты действительно фурия! Бульдозер в юбке!..

Галя. А ты маменькин сынок! Коммунальный пудель с кисточкой!

Сухоруков. Галочка, слов много, но где жест? В конце концов, я ваш подчиненный и жду указаний.

Галя. Степа!!!

Все бросаются поддерживать дом.

Захар Алексеевич (*проснувшись от этого койка*). А? Что?

Мария Ивановна. Эх вы! Заснули на посту! А еще хвастались своей бессонницей!

Захар Алексеевич (*потягиваясь*). Неужели заснул?.. Что значит свежий воздух!.. (*Заметив все происходящее.*) А что здесь происходит?! Кукареку!!!

Елизавета Семеновна. Поздно, Захар Алексеевич! Он сейчас ударит наш дом!

Захар Алексеевич. Нет! (*Сбегаем по лестнице.*) Молодой человек! Стоп!.. Секунду! Не совершайте непоправимое! Этот дом нельзя трогать! Он... он... охраняется законом! В этом доме одно время жил... всемирно известный... и всеми нами любимый...

Галя. Ну, ну?!

Захар Алексеевич. Молодые люди, согласно последним данным, здесь жил Пушкин!

Сухоруков. Ясно, папаша. Я сношу дома уже седьмой год, и должен сказать, что из пяти хибар одна непременно историческая. В доме сорок два по вашей улице жил Гоголь, а в пятьдесят первом – Мамин-Сибиряк со своей мамой Ариной Родионовной.

Лена (*перебивая*). Степочка, опустите кувалду, я вам что-то скажу. Ну, почему вы так раздражены? Неужели из-за бульдозера? Но ведь это же поправимо! Он сдан в металлолом! Из него сделают хороший металл, а из металла – новый бульдозер, точно такой.

Сухоруков. А если пустят на скрепки?

Елизавета Семеновна. Нет, нет, этого не может быть! Наш друг, директор книжного магазина, нам рассказывал: когда книгу никто не берет, ее сдают в макулатуру, из макулатуры делают бумагу, а на бумаге снова печатают ту же самую книгу. У них такой порядок! Почему бульдозер должен быть хуже книги?

Сухоруков. Галочка, я вас умоляю! Сколько можно! Они мне еще про бульдозер!

Галя. Степа, давай!

Сухоруков радостно крикает – и замирает с поднятой кувалдой, уставившись куда-то за кулисы.

Галя. Ну, что же ты?

Сухоруков. Одну секундочку, мне надо проверить свои глаза.

Стасик. Папа приехал!

Появляется Сеня Остапчук. Он на костылях, одна нога в гипсе.

Лена. Ой, Сеня! *(Падает в обморок.)*

Сеня. Физкульт-привет!

Сухоруков *(Тимофею Кузьмичу).* Эй, батя! Вот этот, на костылях, случайно не Сеня?

Тимофей Кузьмич. Сеня.

Сухоруков. Тот Сеня?

Тимофей Кузьмич. Вы же видите!

Сухоруков. Сеня Остапчук?!

Тимофей Кузьмич. Это Сеня Остапчук, это – Лена Остапчук. Это – Стасик Остапчук. Первый этаж, квартира два. Все ясно?

Сухоруков. Сеня, привет! Ты должен меня помнить! Я Степа с восточной трибуны! Узнаешь?.. Сейчас узнаешь! *(Кричит.)* Сеня, дава-ва-ва-вай!

Сеня. Вот теперь узнаю.

Сухоруков *(спустившись с крыши).* Что у тебя с ногой?

Сеня. Понимаешь, в Сан-Пауло во втором тайме вышел один на один с воротами. Удар! В штангу! Еще удар! Опять в штангу! Третьего удара нога не выдержала.

Лена *(приходя в себя).* Ну почему, почему обязательно в штангу, когда все бьют мимо?

Сеня *(Сухорукову).* Вот видишь, как меня понимают в собственном доме?

Сухоруков *(глядя на ногу Сени).* Но играть сможешь?

Сеня. Конечно! Под гетрами ж не видно.

Лена. Нет! Говорила и буду говорить – хватит футбола! Жена заброшена, сын растет беспризорником, сегодня опять полночи не играл. Вот оно, твое воспитание!

Сеня. При чем тут я? Я его вообще вижу третий раз в жизни!

Лена. Разве это – муж? Разве это отец? Хочешь играть – пожалуйста! Но подумай, как ребенок может уважать отца, которого видит один раз в месяц по телевизору, и то в трусах?

Сеня *(Сухорукову).* Понял? *(Лене.)* Все! Хватит! Надоело! Я ухожу от тебя! В «Арарат»!

Лена. Сеня! Ты не сделаешь этого! Мы же прожили вместе тринадцать сезонов!..

Стасик. А я?

Лена. Это тебя не касается.

Сеня. Мало того, что каждый защитник норовит тебя кувалдой по ногам. Имеет человек хотя бы дома право на понимание?

Лена. Имеет, Сеня, имеет. (*Ведет Сеню в дом.*) Конечно, я тебя пойму. Особенно сейчас, когда так удачно вышло с ногой, и мы, наконец, будем вместе...

Уходят в дом. Сухоруков несет за ними чемоданы. Лена их у него отнимает.

Сеня (*Сухорукову*). Привет!

Сухоруков. Физкульт!

Сеня. Носи! (*Отдает Сухорукову костыль, уходит.*)

Сухоруков. Галочка, как хорошо, что вы не поторопились с жестом! (*Жильцам.*) Пушкин! Пушкин!.. Представить только: снести дом, в котором живет Сеня Остапчук! Да меня потомки проклянут! Хватит того, что его каждый день сносят на работе, – пусть он хоть дома чувствует себя спокойно. (*Вслед Сене.*) Привет, Сеня! Пойду расскажу ребятам, что ты в хорошей спортивной форме!

Уходит. Галя и Андрей молча стоят в нескольких метрах друг от друга. Потом оба начинают пятиться в разные стороны: Андрей – к дому, Галя – от дома. Каждый ждет, что другой окликнет. Галя уходит. Андрей скрывается в доме.

Захар Алексеевич. Ура! Это виктория! Виктория!

Елизавета Семеновна. Господи, какая еще Виктория?.. По-моему, ее звали Галя?!

Захар Алексеевич. Я говорю: виктория, победа! Полная победа! Наш дом спасен!

Эрнест Борисович. Послушайте! Да вы здесь все с ума сошли с этой старой рухлядью! Вы что, не понимаете, что сейчас произошло?!

Захар Алексеевич. А что произошло?

Эрнест Борисович. Они же расстались!

Захар Алексеевич. Ну и что?

Эрнест Борисович. А то, что они любят друг друга. Да что там! Они просто созданы друг для друга!

Лена. Эрнест Борисович, вы всерьез считаете, что она и Андрей...

Эрнест Борисович. Я – артист! Я столько раз видел на сцене искусственную страсть, что научился угадывать настоящую... Тимофей, что ты молчишь?! Ты же видел эту сцену под балконом?!

Тимофей Кузьмич. Да... Во всяком случае, ругались они так, будто уже много лет женаты.

Эрнест Борисович. Подумайте! Она приходила к нему ночью, под балкон, как Ромео к Джульетте. Сколько страсти! Они чуть не убили друг друга. И тоже, между прочим, из-за родителей. Мы стоим на пути к их счастью!

Елизавета Семеновна. Эрнест, если ты имеешь в виду эту девчонку, значит, мы правильно стоим!

Эрнест Борисович. Замолчи! Мы совершаем преступление!

Мария Ивановна. Эрнест Борисович! Ну что вы из всего делаете трагедию? Вы же не Шекспир.

Эрнест Борисович. Извините, Мария Ивановна! Может быть, я и не Шекспир, но вы – не мать! *(Все в ужасе.)* Да, да! Если вы можете спокойно смотреть, как на ваших глазах рушится счастье сына, то знаете!.. Он еще золотой ребенок! Другой на его месте давным-давно бы плюнул на вас и уже имел бы внуков!.. Я бы вам советовал...

Мария Ивановна *(взрываясь)*. Да замолчите вы в конце концов! С ума можно сойти в этом доме. Все дают советы! Какой-то дом советов, честное слово! Я сама знаю, что мне нужно делать! *(Уходит в дом.)*

Эрнест Борисович *(вслед Марии Ивановне)*. Салтычиха!!! *(Хватается за сердце.)* Какой позор!..

Елизавета Семеновна *(обнимая его)*. У тебя же давление! Тебе нельзя нервничать! Успокойся!.. Сейчас пойдем домой... Поставим чайник, вскипятим шприц... *(Уводит его.)*

Эрнест Борисович *(оборачиваясь)*. Преступники! Убийцы!.. И Андрей тоже хорош! Нет, я понял, кто он – он не Ромео! Он – Отелло! Собственными руками душить свою любовь. Но ничего! Эта девочка вам не Дездемона! Вы от нее так просто не отделаетесь... Недаром говорят, что любовь сокрушает все стены. Запомните! Эти стены обречены! *(Уходит.)*

Тимофей Кузьмич. Ну, Захар, а ты что по этому поводу думаешь?

Захар Алексеевич. Я думаю, что в таких случаях нужно как раз поменьше думать... Я вот тоже в молодости каждый раз размышлял: ну, как это жениться?!. Значит, я уйду в море, а женщина, которую я люблю, будет меня ждать?.. Тоже мне счастье!.. Словом, думал-думал и в результате сделал несчастным и себя и, как минимум, шестерых женщин... Ну ладно, мое дело солдатское. На всякий случай буду дежурить...

Ложится, засыпает. Тимофей Кузьмич уходит.

Картина седьмая

Раннее утро. По улице идет Галя с чемоданом. Появляется Мария Ивановна. Она нарядно одета. На груди – медаль.

Галя *(растерянно)*. Вы?!

Мария Ивановна. Что, не ждала? По-моему, нам есть о чем поговорить.

Галя. А о чем говорить? Все ясно! Вы что, не видите: я уезжаю. Вашему дому больше ничего не грозит. Во всяком случае – некоторое время. Так что все прекрасно. А сейчас, извините, я очень спешу. У меня поезд.

Мария Ивановна. Ну, в таком случае присядем на дорожку. (*Берет у нее чемодан, садится.*) Закурить не найдется?

Галя. Бросила.

Мария Ивановна. Правильно... я вот тоже бросила. Сразу после войны.

Галя. А я сразу после школы.

Пауза.

Мария Ивановна. Так что?!. Вот так просто и уедешь?.. А как же?..

Галя (*резко*). Что?!

Мария Ивановна. Ну... твой диплом?

Галя. Ничего. Были бы руки, диплом приложится.

Мария Ивановна. Тоже верно... Женщине вообще диплом не очень-то и нужен. Вот я, к примеру, и жизнь прожила, и в почете, и сына воспитала. И все без диплома.

Галя. Да уж, воспитали!..

Мария Ивановна. А чем это он тебе не нравится?

Галя. Теперь это уже не имеет никакого значения. (*Отворачивается.*)

Мария Ивановна. Легко ты от него отказываешься!

Галя (*резко поворачивается*). Легко?! По-вашему мало вы надо мной издевались? Может быть, вы забыли, как гнали меня всем двором и еще улюлюкали вслед!

Мария Ивановна. Ну, знаешь, милая! Хотелось бы мне посмотреть, как ты станешь себя вести, когда невеста твоего сына будет выгонять тебя из родного дома. Да еще при помощи бульдозера.

Галя. Я выгоняла?! Да я вас столько уговаривала! Я уже не знала, с чем к вам подойти.

Мария Ивановна. Вот, вот. И поэтому подошла с кувалдой?!

Галя. Потому что вы меня довели! Вместе с вашим уникальным сыном!

Мария Ивановна (*теряя самообладание*). Да, он действительно необычный мальчик! И с этим нужно считаться! Если хочешь знать, для него наши соседи...

Галя (*выходя из себя*). Знаю, знаю я эту героическую историю, как вы всем двором воспитывали одного ребенка! Вы лучше посмотрите, что из этого получилось! Он же без вас шагу ступить не может! А ведь ему уже скоро 30 лет!

Мария Ивановна (*опешив*). Так что... по-твоему, он уже взрослый?.. (*Задумывается.*) Действительно, тридцать... А мне кажется, что он только вчера появился в нашем доме... Он был такой хорошенький, такой веселый...

И все обязательно хотели поддержать его на руках... шутка ли? Первый ребенок, родившийся в нашем доме после войны... Конечно, мы хотели, чтобы он видел в жизни только хорошее... И так с первых дней: он плачет, все на меня: «Вы что, не слышите? У вас ребенок голодный! – Он же ест семь раз в день! – Так кормите его четырнадцать! И потом, что это за еда – одно молоко? Мужчина должен есть мясо!» И все – ему! На базаре первая черешня – ему, кто-то достал кусочек сахара – конечно, для него, воблу сушеную... – Не ест? Хорошо! Пусть не ест, пусть играет... А потом он подрос и появилась новая опасность: влияние улицы. На всякий случай он почти все время сидел дома. И правильно! Зачем ему нужна была улица? Играть в футбол? Бить стекла? Жечь костер? Так он все это делал в комнате у Захара Алексеевича. Помню, возвращаюсь я однажды со смены, а ребенок встречает меня верхом на Эрнесте Борисовиче. «Эрнест Борисович, что вы делаете? Вам же тяжело! – А что, лучше, чтобы он играл со своими сверстниками? У них же у всех корь! У меня, правда, тоже гипертония. Но она, по крайней мере, не заразная». И в школу мы пошли всем двором: Захар Алексеевич – география, Тимофей Кузьмич – арифметика, Эрнест Борисович – литература. А что оставалось мне... Самое трудное – поведение. А как мы ссорились, когда выбирали ему дорогу!.. Ты знаешь, он с детства любил книги и хотел стать писателем. Но чтобы попасть в университет, нужно было каждый день три раза переходить через оживленный перекресток. А библиотечный техникум был рядом. И потом мы рассудили, что писать книги – это все-таки риск, а выдавать их – это всегда верный кусок хлеба... И невесту для него мы хотели только самую лучшую... Что ж, может быть, ты и права, может быть, мы слишком часто навязывали ему свою волю... Но пойми, мы желали ему добра...

Галя. Вы желали добра Андрею, я желала добра вам, видите, как у нас все хорошо получается...

Мария Ивановна. Что делать, люди слишком часто любят творить добро с помощью кувалды. *(Пауза.)* Ну, в общем, Галя, как говорится, кто старое помянет... Раз уж вы так любите друг друга, пошли...

Галя. Куда?

Мария Ивановна. Как куда? К нам, к Андрею. А то, небось, уже места себе не находит.

Галя. Вы думаете?

Мария Ивановна. Я своего сына знаю... Ну, давай. Предупреди там, что ты никуда не уезжаешь, а то комнату в общежитии займут. И – пойдём...

Галя уходит и тут же возвращается с чемоданом.

Мария Ивановна. Готова? *(Удивленно смотрит на чемодан.)*

Галя. Нет, Мария Ивановна, никуда мы с вами не пойдём...

Мария Ивановна (*растерянно*). То есть как?.. Мы ведь обо всем договорились... И потом, я же... я же сама пришла к тебе! Неужели тебе этого мало?

Галя. В том-то и дело, что пришли вы, а не ваш сын. Так что, извините. И... спасибо!

Мария Ивановна. За что?

Галя. За то, что говорили со мной по-человечески... До свиданья. У меня через полчаса поезд.

Мария Ивановна. Но Андрей же об этом не знает!..

Галя. Ничего... Если любит, почувствует. (*Уходит.*)

Мария Ивановна (*вслед*). Ну и характер же у тебя!.. Просто ужасный! (*Удивленно.*) Просто мой характер, честное слово!..

Картина восьмая

Двор. Из окон квартиры Эрнеста Борисовича вылетают вещи. Выбегает Елизавета Семеновна в полной растерянности.

Елизавета Семеновна. Нет, я этого не выдержу!

Появляются все: Тимофей Кузьмич, Стасик, Лена, Захар Алексеевич.

Захар Алексеевич. Что случилось?

Елизавета Семеновна (*плача*). Эрнест!.. Он собирает вещи!.. Он говорит, что если Андрею не разрешат жениться на этой практикантке, он не останется здесь ни минуты! (*Бежит к двери Марии Ивановны.*) Мария Ивановна! Мария Ивановна! Я вас умоляю! Пусть они поженятся! Она же хорошая девочка! Красивая, серьезная. Да, она еще молоденькая! Так она перерастет!.. (*Всем.*) Ну скажите ей!..

Эрнест Борисович (*выходя во двор*). Не нужно, Лиза... Не унижайся! Что они могут понять, эти люди? У них же вместо сердец – старые камни! Они забыли, что такое любовь! И я – слепец – тридцать лет не замечал этого! Нет, мне не о чем с ними разговаривать! Идем, Лиза, собирайся... Мы уходим из этого дома...

Елизавета Семеновна. Но куда, Эрнест?

Эрнест Борисович. Неважно! Я согласен жить где угодно, только не здесь!

Елизавета Семеновна. Вот видишь, а нам, между прочим, предлагали чудный обмен. И не очень сложный, восьмерной... Помнишь? Мы со своих четырнадцати идем на его одиннадцать. Он перебирается в Харьков к брату, который уехал на Север, а те трое оформляют развод и едут сюда. В это время в Симферополе двое и бабушка, которая хочет жить отдельно, переезжает к брату, но не в Харьков, а в Нижний Тагил, где есть

возможность вступить в кооператив. В общем, что там говорить, если бы мы тогда согласились, то уже давным-давно жили бы на втором этаже в Семипалатинске и горя не знали!..

Эрнест Борисович. Запомни, Лиза! Человеку нигде не может быть лучше, чем дома. Даже в Семипалатинске.

Елизавета Семеновна. Так почему же ты сейчас уходишь?!

Эрнест Борисович (*гордо*). Потому что я не могу жить с этими людьми в одном доме!!!

Елизавета Семеновна. Нет! Нет! Это невозможно! Мария Ивановна!

Бросается по лестнице наверх, вбегает в квартиру Марии Ивановны, откуда тут же слышится душераздирающий крик. Все выбегают во двор.

Елизавета Семеновна (*появляясь*). Там... там...

Лена. Что там?

Елизавета Семеновна. Там... никого нет.

Лена. Ну и что?!

Елизавета Семеновна. Вот... (*Протягивает всем лист бумаги.*)

Тимофей Кузьмич. Что это?

Елизавета Семеновна. Нет, я не могу... Читайте...

Тимофей Кузьмич (*читает*). «Дорогая мама. Я знаю, что мой поступок причинит тебе боль, но, прости, я не могу иначе. Все ваши несчастья из-за меня. А вчера я потерял свою первую и последнюю любовь, и теперь уже ничто не связывает меня с этой жизнью...»

Все (*в ужасе*). Ой!

Тимофей Кузьмич (*продолжает*). «И поэтому я решил начать новую...»

Все облегченно вздыхают.

Елизавета Семеновна. Слава богу!

Тимофей Кузьмич (*продолжает*). «Пойми, я должен попробовать жить самостоятельно. Искать меня не надо. Все силы с этого дня я решил отдать любимому библиотечному делу. Так что вы обо мне еще услышите. Не волнуйтесь. Все необходимое я взял с собой. Целую тебя и всех соседей. Устроюсь, напишу. Андрей». Вот так, так!..

Елизавета Семеновна. Нет, Мария Ивановна этого не вынесет!..

Тимофей Кузьмич. А где она? Может быть, она уже все знает?

Лена. Ничего она не знает! Я ее встретила рано утром. Она шла куда-то. Такая нарядная, с медалью. Видимо, в ЖЭК. Еще сказала: проснется Андрей – напоите его чаем.

Захар Алексеевич. Ах, Андрей, Андрей! Дезертировать в такой момент, когда победа, можно сказать, уже у нас в кармане...

Эрнест Борисович. Вот! А что я говорил! Довели!

Появляется Мария Ивановна. Она спешит.

Елизавета Семеновна (*шепотом*). Тише! Мария Ивановна! Нужно ее как-то подготовить...

Мария Ивановна (*запыхавшись*). Андрей уже встал? Он мне срочно нужен!

Лена. Ой, Мария Ивановна, у вас такое горе!.. Но подождите, мы вас сперва подготовим.

Мария Ивановна (*хватается за сердце*). В чем дело?

Тимофей Кузьмич. Вот. (*Протягивает ей письмо.*)

Мария Ивановна. Что это? (*Читает. Все сочувственно смотря на нее.*) Где это вы нашли?..

Елизавета Семеновна. В вашей кухне. На холодильнике.

Мария Ивановна медленно, поникнув, поднимается к себе. Елизавета Семеновна хочет пойти с ней.

Эрнест Борисович (*останавливая Елизавету Семеновну*). Сейчас ей нужно побыть одной.

Появляется Захар Алексеевич. Он тащит Галю за руку, в другой руке у него чемодан.

Захар Алексеевич. Вот!.. Попалась, голубушка!

Галя. Отпустите, отпустите меня немедленно!

Захар Алексеевич. Чувствовал я, что она от нашего дома так просто не откажется! Ходит вокруг, высматривает... А в чемодане, видимо, динамит.

Галя. Ничего я не высматривала!.. Просто шла на вокзал и вот решила зайти, попрощаться.

Эрнест Борисович. Так вы что... уезжаете?

Галя. Да. Через 15 минут мой поезд.

Елизавета Семеновна (*имея в виду Андрея*). А как же?.. (*Эрнест Борисович ее останавливает.*) А как же наш дом? Вы что, тоже решили, что его нельзя ломать?

Галя (*мягко*). Его обязательно надо ломать! И вам обязательно нужны новые квартиры. Но ваша жизнь – это ваша жизнь. И вы заслужили такую старость, какой вы ее хотите видеть. Вы, а не я. Вот и все... Ну, мне пора... А Андрея что – нет?

Елизавета Семеновна. Ну, почему же?..

Эрнест Борисович. Подожди, Лиза. (*Подходит к Гале.*) Видите ли, деточка... Он... уехал. Да, вот взял и выкинул такой номер. Мы даже не знаем, куда...

Елизавета Семеновна. А какой это удар для матери. Я так боюсь за нее... (*Всхлипывает. В это время Мария Ивановна появляется на галерее, весело напевая.*) Вот! Я же говорила – она этого не перенесет!..

Мария Ивановна (*весело, увидев Галю*). Пришла все-таки! Ну и умница! Заходи! Андрей сейчас придет.

Елизавета Семеновна. Какой ужас!

Эрнест Борисович (*Гале*). К сожалению, не придет...

Мария Ивановна. Не придет?! Ха-ха-ха! Прибежит! Вот, пожалуйста!

Во двор с чемоданом вбегают Андрей. Он ничего не замечает, поднимается к себе, выбегает обратно.

Андрей. Мама, ты не видела?.. (*Замечает Галю.*)

Мария Ивановна. Посмотрите на него! Он решил начать самостоятельную жизнь! Он решил стать другим человеком! Он даже надел новый костюм! Только билет, паспорт и деньги он оставил в старом. Позор! Даже из дому убежать без маминой помощи он не может! И вообще, как ты мог бросить такую девушку! Таких родителей? Нет, видно, мы действительно что-то упустили в его воспитании.

Андрей. Галя! Но я...

Галя резко поворачивается и уходит. Андрей бросается за ней.

Тимофей Кузьмич. Маша, что произошло? Ты же говорила, что она тебе совсем не нравится. Что она нас совершенно не понимает.

Мария Ивановна. А кто сказал, что молодые должны обязательно понимать стариков? У них, слава богу, достаточно своих проблем...

Елизавета Семеновна. Ну, что ж... Наш дом невелик, но если потесниться, то можно выкроить и комнатку для молодоженов. А когда родится маленький...

Эрнест Борисович. Нет, Лиза, в этом доме можно заканчивать жизнь, но начинать ее... Теперь другое время. Маленькому нужна зелень за окнами, тишина и много солнца... Собирайся.

Елизавета Семеновна. Куда, Эрнест? Мы даже не знаем, где этот новый дом.

Эрнест Борисович. Какая разница! Они все одинаковые.

Тимофей Кузьмич. Ну, а ты, Захар, что на это скажешь?

Захар Алексеевич (*достаёт из кармана бумагу*). Вот...

Мария Ивановна. Что это?

Захар Алексеевич. Повестки. Вот: «Явиться для получения ордера». Для всех. Пришли месяц назад... Я их спрятал... Глупо, конечно. Но я представил себе: нас расселяют, я остаюсь один, а что дальше? Дальше я уже представить себе не мог. А так – приезжают сносить, а мы ничего не знаем! Пока будут выяснять, разбираться, ну, вы же знаете, как у нас это делается, пройдет год. А мне, может быть, больше и не надо... (*Грустит, а потом вдруг улыбается.*) Но если ради того, чтобы я, наконец, стал дедушкой, нужно снести дом, значит, нужно снести дом! Хотелось бы, правда, чтобы нам всем дали квартиры в одном подъезде...

Лена. Или хотя бы в одном квартале...

Елизавета Семеновна. Или в разных, но так, чтобы одним трамваем, без пересадок...

Мария Ивановна. Если бы... Пока что давайте собираться...

Лена. Так, тахту и сервант я вынесу сама, а холодильник и Сеню пусть вынесут мужчины (*Уходит к себе.*)

Елизавета Семеновна. Лена, если в этом доме кому-то и нужны мужчины, так это мне. У тебя Сеня на одной ноге, а у меня рояль в таком же состоянии... (*Уходит к себе.*)

Мария Ивановна (*грустно*). Двадцать лет пыталась отремонтировать этот дом... Может быть, это глупо, но я хотела, чтобы он стоял вечно. Мы жили здесь... Росли, влюблялись, играли свадьбы, нянчили детей... На этой галерее мечтали о будущем, через этот подъезд возвращались с работы, со свидания, из плавания. И все, что происходило здесь, мы всегда делили поровну...

Елизавета Семеновна (*выносит фотографию*). Эрнест, посмотри, что я нашла! Ты разговариваешь со Станиславским!

Эрнест Борисович. Лиза, это же Немирович-Данченко.

Елизавета Семеновна (*удивленно*). Так это ты разговариваешь с Немировичем-Данченко?

Эрнест Борисович. Нет, Лиза, это он разговаривает со Станиславским.

Елизавета Семеновна. Конечно... Я вспомнила! Это Станиславский и Немирович-Данченко разговаривают о тебе!

Появляется Стасик с чем-то железным в руках.

Лена. Стасик, а ты куда? Тебе еще целый час играть!

Стасик. Но дом же сносят.

Лена. Это тебя не касается! Вечно он ищет какие-то отговорки!

Тимофей Кузьмич (*появляясь*). А вывеску я все же возьму. Какая ни есть, а все-таки реклама... А что? Прибью ее на фасаде, где-нибудь повыше, чтобы все видели... Клиент, конечно, не придет. Но управдом же обязательно появится! Скажет: «Немедленно снимите это безобразие!». Так хоть будет с кем поговорить...

Занавес.

Здесь жил Пушкин

Премьера нашей первой комедии «Старые дома» состоялась в Одессе двадцать лет назад. Сюжет ее строился на том, что жильцы некоего

одесского дома, подлежащего сносу, категорически против этого возражали. Поскольку не представляли себе жизни друг без друга. В пьесе рассматривались разные варианты спасения дома. Некоторые в окончательную редакцию пьесы не вошли. Предлагаем вниманию читателей один из них.

В сцене действуют:

Галя — представитель строительной конторы, сносящей дом. Она сочувствует жильцам и пытается им помочь.

Жильцы дома:

Тимофей Кузьмич — старый сапожник.

Эрнест Борисович — бывший актер.

Елизавета Семеновна — его жена.

Лена — женщина лет тридцати пяти.

Старый одесский двор. Идет обсуждение вариантов спасения дома.

Галя. Может быть, у вас жил кто-нибудь из великих людей? Тогда не снесут!

Тимофей Кузьмич. Может быть. В нашем городе вообще жили все великие люди. Вполне возможно, что кто-нибудь из них жил в нашем доме.

Галя. Кто же?

Тимофей Кузьмич. Сейчас выясним. Значит, так. Гоголь жил на Гоголя, Некрасов — на Некрасова, Котовский так вообще в кинотеатре. Единственный, кто жил неизвестно где — это Дюк де Ришелье. (Гале.) Может быть, он?

Галя. Осталось только объяснить, почему памятник ему стоит на Приморском бульваре, а не у вас в палисаднике.

Тимофей Кузьмич. Ну это совсем просто. Он приехал летом, поселился в нашем доме, а через два дня уже получил первую телеграмму.

Галя. Какую телеграмму?

Тимофей Кузьмич. Ну какую телеграмму можно получить в нашем городе летом? «Встречай морвокзале. Едем отдыхать. Целуем, родственники».

Галя. Какие родственники?

Тимофей Кузьмич. Вот и он думал: какие родственники? Потом пошел на морвокзал встречать, увидел, сколько их приехало, и окаменел. Так и стоит теперь на бульваре с телеграммой в руке...

Галя. Ну тогда все в порядке. Расскажите эту историю в горисполкоме, и ваш памятник немедленно вернут по месту жительства.

Эрнест Борисович. Правильно, девушка! В нашем доме жил совершенно другой человек, и я даже вспомнил, кто.

Галя. Кто же?

Эрнест Борисович. Пушкин!

Галя. Пушкин?!

Эрнест Борисович. Ну, может быть, он здесь и не жил, но то, что он здесь бывал, и неоднократно — это точно!

Галя. Почему вы так уверены?

Эрнест Борисович. Почему?! Вы видите этот балкон?

Галя. Да.

Эрнест Борисович. А этот платан?

Галя. Да.

Эрнест Борисович. Так вот, я утверждаю, что сто пятьдесят лет назад Александр Сергеевич Пушкин, солнце русской поэзии, влезал по этому платану на этот балкон!

Лена. Зачем?

Эрнест Борисович. Лена, вот от тебя я этого не ожидал!

Елизавета Семеновна. Эрнест, ну сколько можно? Если ты в курсе дела, расскажи всем, как это было.

Эрнест Борисович. Хорошо. *(Гале.)* Представьте себе *(в образе)*: «Но поздно. Тихо спит Одесса; и бездыханна и тепла немая ночь. Луна взошла...» — и тут к нам во двор входит Пушкин. Представляете?

Галя. Как-то не очень...

Эрнест Борисович. О Господи! Но то, что я Пушкин — хотя бы это вы можете себе представить?

Галя. Ну ладно, представляю.

Эрнест Борисович. Так, Лена — быстро на балкон! Ты — красавица, ждешь меня, я сейчас...

Лена *(смущенно)*. Ну какая же я красавица?..

Эрнест Борисович. Такая же, как я Пушкин. Иди!

Елизавета Семеновна. А мы кто?

Эрнест Борисович. Вы — соседи красавицы. Вас это все вроде бы не интересует. Начали! Итак, Пушкин, входя *(в образе)*: «Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь. Его лошадка, снег почуя...» Простите, это шестнадцатый номер?

Тимофей Кузьмич. Шестнадцатый, шестнадцатый! Второй этаж налево, квартира пять... Лена! К тебе Пушкин!.. Присаживайтесь, она сейчас выйдет. Вы по какому делу, товарищ?

Эрнест Борисович. Я, господа, на тайное свиданье!

Елизавета Семеновна. А-а! Понятно... Лена! Ну сколько можно возиться, человек же ждет! *(Эрнесту.)* Может, пока компоту холодненького?

Эрнест Борисович. Меня сейчас иная жажда мучит! Огонь любви компотом не залить!

Лена *(появляясь на балконе)*. Эрнест Борисович, ну я не знаю, что я должна делать?

Эрнест Борисович. Лена, запомни раз и навсегда, Пушкина зовут Александр Сергеевич, а не Эрнест Борисович!.. Делай что-нибудь романтическое — вздыхай, вышивай гладью!

Лена. А можно, я буду вешать белье? Сегодня как раз моя очередь на веревку.

Эрнест Борисович. Так и быть! А я поднимаюсь к тебе. *(В образе.)* Ужели через миг я упаду к ногам?..

Галя. Вы раньше упадете! Здесь лестница аварийная...

Эрнест Борисович. О, пустяки! Любовь преград не знает! Вот дерево — я по нему и влезу! Привет, зеленый друг! Дай обниму тебя!

Елизавета Семеновна. Эрнест, не делай этого! Мы уже верим, правда, девушка?

Галя. Да, безусловно.

Елизавета Семеновна. Слышишь, не смей!

Эрнест Борисович *(указывая на свою жену)*. А эта дама кто — ее не знаю я! Эй, помогите, есть здесь кто-нибудь?

Жильцы подсаживают его на дерево.

Эрнест Борисович *(Лене)*. Красавица, богиня, ангел! *(Пытается перебраться на балкон.)*

Лена. Александр Сергеевич, Эрнест Борисович, я вас умоляю, сюда нельзя! Балкон двоих не выдержит!

Эрнест Борисович перелезает на балкон. Перила обрушиваются. Он стоит на балконе в гордой позе.

Эрнест Борисович *(Гале)*. Теперь вы видите, что этот дом нельзя даже пальцем тронуть?

Галя. Да. Еще две-три репетиции — и вопрос о его сносе может отпасть сам собой.

Эрнест Борисович *(сходя вниз)*. Приятно видеть человека, который так тонко разбирается в искусстве...

КАБАРЕ БЕНИ КРИКА

ПИКАНТНЫЕ ИСТОРИИ ИЗ ОДЕССКОЙ ИСТОРИИ

Музыка разных стран и народов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шут, он же **Дух кабаре**.

Беня.

Соня.

Маруся, Роза, Рая, Василий Шмаровоз — их дети.

Сашка Музыкант, руководитель оркестра, роль бессловесная.

Остальные действующие лица появляются и представляются по ходу спектакля.

На сцене интерьер кабаре, вывеска «Кабаре “Одесса”». Звучит музыкальное вступление. Появляются все участники спектакля в соответствующих костюмах артистов кабаре. Поют.

Мадам, месье, бон суар, панове, здрасьте!
Вас поразвлечь имеем мы в виду.
Вокруг Одессы вновь бушуют страсти,
Как в том далеком девятнадцатом году.

Опять пальба, и снова массы
Голодных, хоть уже и не рабов,
Готовы дружно брать сберкассы
И, может быть...
— Не дай Бог, конечно! —
Вернуть большевиков!

И вот среди большой разрухи,
Что разыгралась на дворе,
Мы вам протягиваем руки
И приглашаем в наше кабаре!

— Кабаре «Одесса» приветствует вас, друзья!

Звучит вступление к песне «На Дерибасовской открылась пивная...».
Вперед выходят солисты, поют.

У кабаре не зря название «Одесса»,
Наивно веря в наступление прогресса,
Его открыла, впрочем, не без интереса,
Вполне типичная одесская семья.

Весь вечер соло у плиты рыбачка Соня, —
Поджарит рыбу вам не хуже, чем Фанкони.
А это кто сидит у кассы, как на троне?
Специалист как раз по кассам Беня Крик.

В момент обслужат вас, беседе не мешая,
Три юных грации — Маруся, Роза, Рая,
А у дверей, наш местный рэкет представляя,
Стоит весь вечер Васька Шмаровоз.

В программе сплошь у нас одесские таланты —
Легко исполнят и куплеты, и бельканто,
Кордебалет вообще с пеленок на пуантах,
И заворкестром Сашка Музыкант!

— Сегодня в программе: все для любителей одесской экзотики и почитателей советской эротики!

— И в конце программы — соло Одессы-мамы!

Вступление к песне «Купите бублики». Вперед выходит солист в канотье.

Для нашей публики,
Отдавшей рублики,

Споем мы «Бублики» —
Вот наш сюрприз!

А если публика
Добавит рубликов,
Споем мы «Бублики»
Еще на бис!

И вновь для публики,
Собравшей рублики,
Все те же «Бублики»
Споет артист...

— А вы не боитесь, что мы таким образом разденем публику?

— Так вот, когда мы ее окончательно разденем, то

За те же рублики
Покажем публике
Не только «Бублики»,
Но и стриптиз!

*Вступление к песне «Она была модистка...». Солистка
в строгом пиджаке, но в очень короткой юбке. В сопровожде-
нии мужчин.*

Была я пионерка —
Всегда готова!
Теперь девиз мне этот
Сгодился снова!..

Была я комсомолка —
«Даешь!» — кричала...
Теперь, зачем кричала,
Понятно стало...

Была я коммунистка
И член райкома...
— Мадам, про этот случай
Допойте дома!

Смена мелодии. Соня и дети.

— Мама, мама, что мы будем делать,
Когда настанут зимни холода?
У меня нет теплого платочка!
У меня нет зимнего пальта!
— Дети, дети, бросьте волноваться
И к тому же нервничать притом!
Ну чего нам той зимы бояться,
До нее мы вряд ли доживем!..

Вновь мелодия «На Дерibasовской открылася пивная...»

Ну, в общем, ясно всем присутствующим в зале,
Что кабаре не зря «Одессой» мы назвали,
Ведь если вдуматься, то этим мы сказали,
Что вся Одесса — город-кабаре!..

Все уходят. На сцене остаются Беня и Соня. Появляется Шут.

Шут. Вот горе-то... Беда-то какая, Господи! Нет, не могу видеть, просто сердце разрывается! Не мо-гу!.. *(Плачет.)*

Беня. Подождите! Кто? Что? Почему вы плачете? Кто вы такой?

Шут. Я кто такой?.. *(Плачет.)* Да шут я, не видите, что ли? Клоун, весельчак, в общем... Нет, сейчас просто умру от горя!.. Скончаюсь сейчас!.. Как жалко!

Соня. Кого жалко?

Шут. Вас, кого же еще! *(Плачет.)*

Беня. Ну почему? Почему вам нас так жалко?

Шут. Почему? *(Подзывает их поближе, доверительно.)* Глупые очень!..

Соня. Мы?

Шут. Конечно! Кабаре они открывают!.. А что у вас для этого есть?!

Беня. Ну как что! Меню, программа, вывеска...

Шут. И это все?

Соня. А что еще надо?

Шут. Да вы в какое время живете?! Вы вообще газеты читаете?!

Беня. Да как-то стараемся... не читать...

Шут. То-то и оно!.. Вот *что* сегодня больше всего нужно нашему человеку?

Соня. Наверно, еда?

Шут. Неправильно!.. Человек без еды вообще может прожить месяц. А наш человек, как выяснилось, 74 года. Причем это, оказывается, только начало!..

Беня. Ну тогда жильё там... одежда...

Шут. Ошибаетесь! Я спрашиваю: без чего наш человек совершенно не может жить?

Соня. Без родственников.

Шут. Ладно. Ставлю вопрос иначе! Абсолютно один! В пустыне! Голый, босый и без еды! Что должен иметь сегодня наш человек, чтобы чувствовать себя счастливым?

Соня. Не знаем...

Шут. Он должен иметь свой национальный флаг!

Беня. Вы думаете?

Шут. Нет, вы точно газет не читаете!.. О чем сегодня думают лучшие умы человечества? Только об одном: какой они все национальности!.. Я уже не говорю о дураках, которые только об этом и думают!.. А вы говорите — программа, вывеска!.. Что будет, так сказать, реять над вашей крышей, развеяться на ветру и полоскаться над вашими головами?

Соня. Наверное, белье?

Беня. Да подожди, Соня!.. Ну хорошо. А какой флаг, по-вашему, должен висеть над нашим кабаре?

Шут. Это другой вопрос... Как оно у вас называется?

Беня. «Одесса».

Шут. Значит, такой же, как над Одессой!

Соня. А какой над Одессой?

Шут. Нет, вы меня сегодня точно выведете!.. Одесса — это чей город?

Соня. Ну, говорят... украинский.

Шут. Нет, я серьезно спрашиваю!

Беня. Тогда... еврейский!

Шут. Ну не настолько серьезно!

Соня. Тогда мы не знаем... Как-то не думали...

Шут. Скажите спасибо, что я подумал! *(Торжественно.)* Итак, первая звезда кабаре «Одесса» русская императрица Екатерина Вторая! *(Исчезает.)*

Соня. Какая императрица?

Беня. Ты же слышала — русская! Значит, видимо, из России.

Соня. Подожди! Они же там давным-давно свергли монархию!

Беня. А кто их знает, может быть, уже и восстановили. Ты же видишь, у них там каждый день все меняется.

Соня. Ой, Беня, смотри!

Звучит вступление к песне «Дорогой длиною...» На тройке, запряженной фаворитами, выезжает Екатерина Вторая, поет.

Екатерина. Вечно об империи в заботе,
Мне, друзья, увы, не до балов!
Помогают мне в моей работе
Князь Потемкин, Зубов и Орлов!..

Фавориты. Мы ценим, матушка, твое доверие,
Для нас важней, чем сбруя для коня,
Забота царская да об империи...

Екатерина. Что по ночам так мучает меня!..
Тайну всех наук хочу познать я,
Жажду просвещения умов...
Помогают мне в моих занятиях
Князь Потемкин, Зубов и Орлов!

Фавориты. И здесь признаемся мы без смущения:

Для нас важней, чем сбруя для коня,
Забота царская о просвещении...

Екатерина. Что по ночам так мучает меня!..

Мне за все труды — одна награда, —
Да, друзья, конечно же, любовь!

Фавориты. Ну а здесь тем более мы рядом:

— Князь Потемкин,
— Зубов,
— И Орлов!

Вместе. Дорогой длинною да ночью лунною

Всегда умчать готовы три коня
Царицу славную, царицу юную...

Потемкин. Что по ночам так мучает меня!

Орлов. Нет, меня!

Зубов. Нет, меня!

Екатерина. Мальчики, не ссорьтесь!

Потемкин. Слезай, матушка, приехали...

Екатерина. Где это мы?

Потемкин. Ты же просила на курорт за границу, вот мы тебя в Одессу и доставили.

Екатерина. Хм-м... Интересно. С каких это пор Одесса стала для нас заграницей?

Орлов. Уже, почитай, год как стала... Вот хоть у аборигенов спроси...
(*Бене и Соне.*) А ну, уважаемые, вы кто у нас теперь? Заграница?

Беня. А как же!..

Потемкин. О!..

Екатерина. Что-то я не понимаю... А ну, скажи-ка мне, Зубов, какой город по моему указу от 1794 года мы здесь построили?

Зубов. Русский, матушка!

Екатерина. Точно?

Зубов. А как же!.. Да вы вокруг посмотрите! Воды — нет! Дома разваливаются, дороги проваливаются!.. Так какой же это город, по-вашему, — немецкий, что ли?!

Екатерина. Вот видите!

Беня. Простите, а еще чем-нибудь, например, вы можете доказать, что этот город русский?

Потемкин. Ну еще, например, мы можем вас выпороть!..

Екатерина. Да подождите, князь!.. *(Бене и Соне, радушно.)*
Православные!..

Соня. Беня, это она нам?

Беня. По-видимому...

Соня. Но до Екатерины Второй нас же так никто не называл!

Беня. Так в этом смысле она первая!..

Екатерина. Дети мои, подойдите ко мне... *(Бене.)* Как зовут тебя, добрый молодец?

Беня. Бенцион...

Екатерина. Древнерусское имя.

Соня. Вы так думаете?

Екатерина. Конечно! Сейчас на Руси таких уже почти нет...

Беня. Вообще-то я иудей, ваше величество...

Екатерина. Да? Ну, не знаю. Может быть, нация у тебя и иудейская, но тебя лично я назначаю русским. Причем на вечные времена!.. Купцом будешь... А это, выходит, супруга твоя?

Соня. Соня...

Екатерина. Очень приятно! Назначаю тебя женой русского купца. И тоже на вечные времена!..

Соня. Я, собственно, так и планировала...

Появляются Маруся, Роза и Рая.

Беня. А это три наших дочери...

Дочери (по очереди). Маруся... Роза... Рая...

Фавориты (оживившись). Трижды приятно!..

Екатерина. Осади!.. Что, понравились?

Потемкин. Хорошие девушки...

Екатерина. Прекрасно! Значит, назначаю вас на вечные времена девушками!..

Дочери (пав на колени). За что, матушка?! Пощади!..

Екатерина. Не спорить с императрицей!.. Так... А еще кто у вас тут есть?

Маруся. Васька еще есть. Шмаровоз. *(Подталкивает Василия вперед.)*

Екатерина. Шмаровоз — это что, конь что ли?

Маруся. Человек, матушка.

Екатерина *(глядя на него)*. Ничего не знаю, назначаю конем!..

Вася. Ну как же, матушка?..

Екатерина. Слово русской императрицы — закон!.. Ну вот, а теперь, значит, чтобы ни у кого больше не было сомнений, что этот город русский, приказываю сей же момент поднять над ним русский флаг!.. Какое для вас тут самое святое место в городе?

Беня. Синагога, ваше величество!

Екатерина. Вот, значит, там и поднять!..

Водружают над кабаре «Одесса» русский флаг.

Орлов. А теперь, дорогие, как принято у нас на Руси по поводу всех этих прогрессивных преобразований — народное гулянье!.. Накрывай на стол!

Маруся *(вынимая блокнот, как заправская официантка)*. Что будете пить?

Потемкин. А это уж как водится. По нашему русскому обычаю для начала — самовар.

Зубов. Для начала — с чаем!..

Звучит вступление к песне «У самовара я и моя Маша...» Ансамбль всех участников.

Беня. У самовара я и моя Соня —

Уж пять минут, как русская жена.

Соня. Мой русский фартук сохнет на балконе,

А над Одессой — русская луна.

Дочери. И страсти русские играют

У русских дев — Маруси, Розы, Раи.

Вася. Но их как раз от русских охраняет

Наш русский витязь — Васька-Шмаровоз!

Переход на мелодию песни гусара из оперетты «Холопка».

Орлов. Темная ночка да серый конь лихой...

Соня. Кажется, дочки, пора вам всем домой!

Зубов. Черные очи нам сердце жгут,
Хочется очень остаться нам тут.

Потемкин. Губы как кровь,
Черная бровь...

Екатерина. Под семиструнный звон гитары
Прошу разбиться всех на пары,
Смелее — и да здравствует любовь!..

Екатерина. Эх, душа горит!.. Прокатиться бы сейчас, да с ветерком!.. А ну, где моя тройка?!

Орлов. Ой, извините, матушка, не могу я уже больше с ветерком. Силы не те!..

Екатерина. Ну тогда свежего запрягай! Вот этого! *(Берет за руку Васю.)*

Соня. Вася! Куда ты?!

Василий. Царская служба, матушка.

Соня. В такой должности?

Василий. А что? Начну с коня, а там, глядишь, и в кучера выбьюсь!..

Музыкальное вступление к дуэту «Зимушка-зима» из оперетты «Холопка». Звучит ансамбль.

Мчится тройка удалая,
Все народы обгоняя,
Как великий Гоголь завещал.
Удалая тройка-птица
В даль неведомую мчится
Так, как будто кто ее послал.
Мир от этой тройки без ума,
А может, без ума она сама?!..

Под дугой звенят, звенят бубенчики...

А в санях сидят все дети Бенчика.
И перед нами снова светлый путь,
Свернуть бы нам с него куда-нибудь.
Веселой лентою дорога стелется,
И все вокруг цветет, мычит и телится.
Мы всем народам братский шлем привет,
На птице-тройке летя в кювет!..

На сцене вновь Бенья и Соня.

Соня. Что же это получается, Бенья?

Бенья. А что?

Соня. Выходит, мы с тобой открыли русское кабаре?

Бенья. Что поделаешь, Соня. Такая наша судьба... Не переживай! Между прочим, если хочешь знать, все русские рестораны в мире открывают исключительно евреи!..

Соня. А нам теперь, как говорится, сам Бог велел. *(Поет.)*

Жили мы, Бенья, и не знали,
Что приготовит нам судьба.

Бенья. То, о чем мы и не мечтали,
Вдруг случилось...

Соня. Официально нам сказали,
Кем можем мы считать себя.

Бенья. Боже, за что нам оказали
Эту милость,
Соня...

Соня. Бенья...

Бенья. Соня...

Соня. Бенья...

Бенья. Русская семья!.. *(Смена мелодии.)*

Соня. Россия, Россия!
Россия — родина моя!..

Слышны звуки «Марсельезы». На сцену выходят три француза. У одного в руках флаг.

Первый. Вив ля Франс!

Беня. Что он говорит?!

Второй (*Бене и Соне*). Привет, французы!

Соня. Беня, как ты думаешь, это они тоже нам?

Беня. Похоже.

Соня. Да вы с ума сошли! Какие еще французы, когда мы всего полчаса как русские!..

Второй. Что значит русские?! Кто вам такое сказал?!

Беня. Ну как же... Русские... Они говорят, что они построили этот город.

Третий. Ха! Они построили?.. Ну, построили!.. Но по чьему плану?! Что вы молчите, де Волан?! Хотел бы я видеть, что бы они построили, если бы у них не было вашего проекта!.. Впрочем, что это я говорю? Не дай Бог мне такое увидеть!..

Беня. Но...

Первый. Что значит «но»?! И вообще, что это за флаг там у вас висит?! (*Своим спутникам.*) Друзья! Мне кажется, что здесь задета честь Франции!

Второй. Да. Дуэль и только дуэль!..

Третий. Вы абсолютно правы, Ришелье!.. (*Бене.*) Мсье! Я вызываю вас на дуэль!.. Где ваша шпага?!

Беня. Какая шпага?!.. Соня, у нас есть шпага?!

Соня. Нет.

Третий. То есть как?! У вас нет шпаги?!

Беня. А что вас удивляет? У нас много чего нет!..

Третий. Ага. Я понял. Значит, вы предпочитаете пистолет!

Беня. Послушайте, уважаемый! Если бы у меня был пистолет, у меня бы уже все было!..

Третий. Ничего не понимаю!.. Ланжерон, я вас прошу, одолжите ему свою шпагу!

Второй (*дает шпагу*). Мсье!.. (*Беня берет.*)

Соня. Одолжить?!.. Ни в коем случае! Мы никогда ни у кого ничего не одалживали! Беня, верни немедленно! *(Забирает у Бени шпагу, отдает французу.)*

Третий. Так, господа... Может быть, вы что-нибудь понимаете?! *(Бене.)* Послушайте! Я вызываю вас на дуэль, и как истинный француз вы просто не можете отказаться!..

Беня. Как истинный француз я и не отказываюсь!

Соня. Беня, что ты говоришь?!

Беня. Подожди!.. *(Французам.)* Но как человек совершенно другой национальности я категорически против! *(Хочет уйти.)*

Третий. Стойте!.. Я ничего не понимаю!.. *(Бене.)* Да вы с ума сошли! Я бросаю вам перчатку! *(Бросает.)*

Беня. Вот это другое дело!.. Перчатку я с удовольствием возьму! *(Поднимает перчатку.)* Кстати, если бы вы бросили мне и вторую, я был бы вам очень благодарен! С перчатками у нас как раз сейчас сложности!

Первый. Что он говорит?!

Соня. Простите, молодые люди! А женских таких же у вас случайно нет?

Второй. А?!

Маруся *(появляясь).* Девочки, сюда! Перчатки дают!.. Кажется, французские!.. *(Появляется Рая.)*

Второй *(восторженно).* О, что мы видим?! Какие красотки!..

Маруся. Маруся...

Рая. Рая...

Третий. О-о-о!..

Соня. Что — «о»? Что — «о»? Это вы еще нашу Розу не видели!.. Розочка, выйди к людям!.. Розочка!..

Беня. Ага! Так она вам и выйдет! Вот как нужно объявлять!.. *(Встав в позу.)* Розалия! Прошу вас!.. Ваш выход во двор!..

Звучит вступление к арии Джудитты из одноименной оперетты. Появляется Роза в роскошном наряде. Поет.

Привет вам, господа!..

Как всех мужчин влечет сюда!

Не в силах по ночам уснуть,
Они готовы в путь,
Чтоб на меня взглянуть!..
Но стоит ли спешить?..
Я вас должна предупредить,
Что чудным блеском глаз
могу я вас
Не только ранить, но убить!..
Сейчас польется песнь моя, —
Ловите этот миг! —
И вы узнаете, друзья,
В чем сила Розы Крик!..

Я под солнцем одесским росла!
Этот воздух с рожденья пила!
Ежедневно купалась я в море,
Где резвилась на просторе...
Образ жизни здоровый вела,
По ночам на балконе спала!
Ела ранние фрукты, друзья!..
Вот откуда вся сила моя!.. *(Танцует.)*
...Чтобы стать вам такими, как я,
Ешьте ранние фрукты, друзья!..

Первый *(целуя ей руки)*. Боже, какая красotka!.. Все! Я у ваших ног!..

Беня. А что вас удивляет? Всем известно, что самые красивые в мире женщины живут в Одессе!

Второй. Вот! И это главное доказательство, что Одесса — французский город!.. Или вы будете утверждать, что самые красивые в мире женщины — это не француженки?!..

Дочки. Ах!..

Первый. Де Волан, я вас умоляю. Две дуэли в один вечер — это много даже для вас. *(Показывает на Беню.)* Я уже не говорю о нем!.. Прощайте, мы уходим!

Беня. Но я же ничего такого не говорил!

Первый. Тогда здрасьте, мы возвращаемся!

Появляется Шут.

Шут. Нет-нет, господа. Пожалуйста, не уходите!.. *(Торжественно.)* На сцене — французские звезды кабаре «Одесса» де Волан, Ланжерон и Ришелье! Куплеты о том, ради чего когда-то делали карьеры имевшие еще европейские манеры одесские мэры!

Звучит вступление к арии «Карамболины» из оперетты «Фиалка Монмартра».

КУПЛЕТЫ ОДЕССКИХ МЭРОВ

Мы Одессой управляли,

И немало лет!

В чем же мудрого правления секрет?

Вы спросите нас, друзья, и мы ответим вам,

Что секрет у нас один: шерше ля фам!..

Пусть откроет, скажем, де Волан,

Как возник Одессы план?..

— Ладно, только не для прессы.

Начертил я план Одессы,

Чтоб запомнить адреса знакомых дам!

— Да?!

— Ну а зачем еще был нужен этот план?!..

Припев:

Лишь ради женщин,

Одесских женщин,

Мы этот город возвели!

И славой каждый

Из нас увенчан

Лишь потому, что нас они влекли!

Они зажгут вас
И успокоят,
И вы, друзья, поверьте нам,
Что жить в Одессе,
Ей-богу, стоит, —
Ведь только здесь найдете вы
одесских дам!..

— А теперь расскажет всем, надеюсь, Ланжерон,
Что полезного в Одессе сделал он!

— О, немало, господа, больших и славных дел
Посвятить одесским дамам я сумел!..

— Ну а в чем же главный козырь ваш?

— Я открыл в Одессе пляж!

И с тех пор на Ланжероне

Дамы все как на ладони,

Что, конечно, украшает город наш!

— Да?!

— Я много раз не зря ходил на этот пляж!..

Припев:

Лишь ради женщин... (и т. д.)

Вот и ваш, любезный герцог, наступает миг,

Ведь не зря вам город памятник воздвиг!..

Не пора ли, наконец, вам тайну приоткрыть:

Чем смогли вы одесситок одарить?

— Я отвечу вам без лишних слов:

Я дарил им всем любовь!..

— Да?!

— Ведь не зря же на бульваре,

Извините, в пеньюаре

Я стою уж двести лет, на все готов!

— Да?!

— Я стою, в любой момент на все готов!..

— Да?!

— Он двести лет стоит, а все еще готов!..

Лишь ради женщин,
Одесских женщин,
Мы этот город возвели!
И славой каждый
Из нас увенчан
Лишь потому, что нас они влекли!
Они зажгут вас
И успокоят,
И вы, друзья, поверьте нам,
Что жить в Одессе
Вообще не стоит!..
А если стоит жить, то только ради дам!..

Роза, подхватив одного из французов под руку, собирается уйти.

Соня. Розочка, куда ты?!

Роза. На променад!

Соня. Но я надеюсь, к одиннадцати ты будешь дома?

Роза. Надеюсь, нет!

Соня. Беня, ты слышишь?!.. Хотя чему я удивляюсь, мы же теперь французы! Наверно, у нас так принято...

Беня. Подожди, Соня. Ты все-таки уверена, что мы французы? Мы же только что были русские!..

Соня. Нет, как вам это нравится?! Он еще спрашивает!.. У человека три дочери, и все три француженки, значит, этот человек кто?!

Беня. Ну-у... Может быть, и русский...

Соня. Беня, как тебе не стыдно?!

Беня. Значит, француз!..

Соня. Вот!.. Так что, *виз ля Франс*, месье Крик?!

Беня. Или!..

Звучит мелодия «Красотки, красотки, красотки кабаре...» Все участники поют.

Париж, без сомненья, конечно же, Париж,
Но есть, без сомненья, и Одесса.
Лишь здесь побывав, ты душою воспаришь,
Как будто бы с глаз упадет завеса.

Одесса, Одесса — большое кабаре,
Ты создана лишь для развлечения.
Не жил здесь, конечно, Бальзак де Оноре,
Но дух здесь французский жил без сомненья!

Одесса, Одесса вновь слышит на заре
Французского гимна исполнение...

Переход на мелодию финала «Марсельезы».

Отречемся от старого мира
И откроем кабаре!..

Водружают над кабаре «Одесса» французский флаг и уходят. На сцене вновь Бенья и Соня. Появляется Гарибальди в плаще и соответствующей шляпе.

Гарибальди. Терпение, друзья, терпение!.. И не сомневайтесь: сегодня же вся Италия будет свободной!..

Соня. Какая Италия?

Гарибальди. Эта!

Бенья. Чего он говорит?

Гарибальди. Я говорю, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях!

Соня. А?

Гарибальди. Родина или смерть?

Соня. Послушайте, молодой человек. Если вам нужна Италия, то это до Босфора прямо, а потом направо.

Гарибальди. Нет! Вы меня не поняли. Италия — это здесь!

Беня. В таком случае, вам нужно к психиатру. А это как раз наоборот: три квартала направо, а потом уже прямо!

Гарибальди. Понимаю вас, друзья! Конспирация и еще раз конспирация!.. Бедные мои! Каково вам — истинным итальянцам жить под чужими флагами!..

Беня. Я надеюсь, вы не собираетесь повесить здесь еще и свой?

Гарибальди. Конечно! Я принес его на своей груди!.. Правда, я решил его пока не снимать... чтобы не простудиться... Но зато теперь, если враги захотят повесить меня, то они таким образом вынуждены будут повесить и флаг нашей свободолюбивой родины!..

Соня. О Господи, кто вы такой?!

Привлеченные разговором, появляются Маруся и Рая.

Гарибальди. Меня зовут Джузеппе Гарибальди! На врагов это имя наводит ужас. Поэтому друзьям... чтобы они не пугались, я разрешаю называть себя просто Джузеппе... *(Знакомится со всеми.)* Джузеппе... Джузеппе... *(Рая.)* Джузик... Сегодня утром мы выступаем! И верьте: победа будет за нами! Сейчас я всем раздам оружие!..

Соня. Только не это!

Гарибальди. Хорошо, тогда оружие я раздам после победы!..

Беня. Нет, это невозможно!.. Да объясните же, наконец, с чего это вы взяли, что мы итальянцы?!

Гарибальди. А как же! Чистокровные итальянцы!.. Кстати, прямые потомки выдающихся итальянских певцов. Причем все до одного!.. О-о-о!.. *(Выводит руладу.)*

Соня. Молодой человек, может быть, все-таки проводить вас к психиатру?

Гарибальди. Подождите. Вы что, действительно ничего об этом не знаете?!

Беня. Нет.

Гарибальди. Ну хорошо. С чего начинали строить ваш город?

Соня. Наверное, с водопровода.

Гарибальди. Ну, тогда его еще не начинали!.. Я серьезно спрашиваю!

Беня. Не знаем.

Гарибальди. С итальянской оперы!

Соня. Ну и что?!

Гарибальди. А кто пел на сцене этой оперы?.. Молодые, красивые итальянские певцы, полные темперамента!.. Улавливаете?

Беня. Не очень...

Гарибальди. Колоссальный успех у женщин! Причем у всех без исключения!.. Ну? Продолжать?!..

Соня. Подождите, подождите!.. То есть вы хотите сказать — у всех женщин, живших тогда в Одессе?!

Гарибальди. Мадам, да сколько их тогда тут было?! Тысяч десять-двенадцать... Город же только начинался! А у нас все-таки была труппа! Пять человек!.. Да что говорить, я один... кстати, об этом мало кто знает, но в молодости я тоже пел на сцене одесской оперы, и это исторический факт!.. Так вот, даже я один в роли Фигаро имел... ну, в общем, такой огромный успех у женщин!.. Нет, говорить об этом нельзя!..

Соня. Ну пожалуйста!..

Гарибальди. Нет...

Дочки. Но мы вас очень просим!..

Гарибальди. Нет, об этом можно только петь!.. Маэстро, прошу вас!..

Появляется Шут.

Шут. На сцене итальянская звезда кабаре «Одесса», выдающийся певец за свободу Италии Джузеппе Гарибальди!..

Развернутая музыкальная сцена. На мелодию арии Фигаро Гарибальди поет о своей любви к одесским женщинам. Они, естественно, отвечают ему тем же. В результате бурных проявлений чувств Гарибальди теряет последние силы, и восхищенные одесситки торжественно уносят его за кулисы. Откуда он тут же возвращается.

Беня. Так получается, что мы действительно прямые потомки итальянских певцов?!

Соня. Конечно!.. В конце концов, я тебе так скажу, Беня. Если у человека фамилия Крик, это означает, что у него точно должен быть голос!..

Гарибальди. Браво, браво!.. Ну чем не итальянский город!.. Да здравствует свободная Италия!.. *(Водружает рядом с другими флагами флаг Италии.)* Все, друзья! Я вынужден вас покинуть. Боюсь, что мы больше не увидимся. Все равно рано или поздно мне суждено где-нибудь погибнуть за свободу Италии!.. *(Обращаясь к дочерям.)* Надеюсь, прекрасная синьорина разделит со мной эту участь?

Маруся. Я согласна!..

Гарибальди. Нет, вас мы пока оставим в живых!.. *(Рае.)* Я имею в виду вас!..

Рая. Умереть за свободу Италии?

Гарибальди. Да.

Рая. Хорошо. Но только в Италии!..

Звучит вступление к арии Пелиты из оперетты «Вольный ветер».
Поет.

С детства далекого мечтала
Я за свободу жизнь свою отдать!
Мучилась, страдала, бедная, не знала,
Где же за нее мне погибать.

Но лишь явились вы у входа,
И тотчас почувствовала я:
В молодые годы гибнуть за свободу
Стоит лишь в Италии, друзья!
Да, я всегда была, да-да, всегда была,
Клянусь, всегда была
Готова за свободу постоять,
А лучше за свободой побежать!..
Готова я была, да-да, всегда была,
Клянусь, всегда была
Бежать, пусть даже к дьяволу,

Лишь только бы мне к дьяволу
Здесь все послать!

Уходит вместе с Гарибальди. Беня и Соня вновь одни.

Соня. Ну что, синьор Бенедетто, чем будем ужинать? Кьянти? Спагетти?.. Или все-таки эти... лягушки... с калачами?..

Беня. Ой, Соня, ты знаешь, я уже совсем запутался!.. В общем, я знаю одно: если мне сейчас еще кто-нибудь скажет, что здесь какая-нибудь там, например, Греция, то я!.. я!..

Звучит танец сиртаки. Появляется слепой древний грек с поводырем. Они в тогах. Слепой с лирой.

Соня. Кто это?!

Беня. Понятия не имею!..

Поводырь. Кажется, пришли... Запевай!..

Слепой (*бряцая на лире, вдохновенно*).

Здравствуй, о славный в веках
греческий город Одессос!..

Соня. Ты слышишь?!

Беня. Боже! Я думал, что я пошутил!..

Слепой. Как ты чудесно расцвел
за каких-то три тысячи лет!..

Сколько прекрасных дворцов
роскошью дивной сияют!..

Сколько счастливых людей
лицами радуют глаз!..

Беня. Так, понятно!.. Мы по субботам не подаем, у нас в Италии это не принято!.. До свиданья!.. (*Выпроваживает их.*)

Слепой (*ощупывая Беню*). Кто ты, о юноша стройный с дивного цвета кудрями?! (*Ощупывая Соню*.) Кто ты, о юная лань, станом стройна, как газель?!..

Беня. Слушай, отец!.. Ну то, что ты слепой, — это мы поняли еще тогда, когда ты нам тут про город пел. Но вот насчет газели — это, по-моему, даже для тебя перебор...

Соня. Так, Беня! Что такое?! Если тебе не нравится, можешь не слушать!.. А по-моему, хороший поэт!.. И вообще, если слепой человек заметил то, чего не видит зрячий, то это еще не значит, что его нужно гнать!.. *(Слепому.)* Кто вы такой, дедушка? Откуда вы?..

Поводырь. Это великий древнегреческий поэт.

Соня. Неужели Гомер?

Поводырь. Почти что.

Соня. Что, такой же великий?

Поводырь. Нет, такой же слепой.

Беня. Так, все! Дальше я уже знаю! Сейчас они начнут доказывать, что Одесса — это древнегреческий город!

Поводырь. А что тут доказывать?.. Всем известно, что именно на этом месте было древнегреческое поселение Одессос!

Беня. Вот! А что я говорил?! В общем... *(Становясь в позу.)* Соня, простите, газель, слушай сюда, дорогая! Дай им в дорогу еды, пусть они... та-та идут!..

Слепой. О, вы тоже поэт? И тоже владеете гекзаметром?..

Беня. Владею, владею... До свиданья! *(Выпроваживает их.)*

Слепой. Простите, а вот это «та-та» в последней строчке что у вас означает?

Беня. Какая «та-та»? *(Продолжает их выпроваживать.)*

Слепой. Ну вот это: «пусть они та-та идут...» Так это куда?

Беня. Ах, это?! Ну это я вас сейчас провожу!

Провожает. Появляется Маруся.

Маруся. Подождите, папа!.. Что вы их гоните? Как за Розой и Раей приходили, так не гнали!..

Беня. Почему ты думаешь, что это за тобой? Он же слепой!..

Поводырь. Так, наверно, поэтому она и думает!..

Беня. Идите, идите!..

Поводырь. Подождите! Стойте!.. У вас лопата есть?

Беня. Какая лопата?

Поводырь. Обыкновенная!

Соня. Видишь, Беня! Люди, оказывается, зашли одолжить лопату, а ты их сразу гонишь!..

Беня *(обескураженно)*. Да? А Древняя Греция здесь при чем?!

Соня. Ну надо же было с чего-то начать разговор!.. Пожалуйста! *(Дает им лопату.)*

Поводырь *(отдавая лопату Бене)*. Копайте!

Беня. Что?

Поводырь. Копайте! *(Беня копает.)* Еще!.. *(Беня копает.)* Доставайте!

Соня *(глядя вниз)*. Ой, Беня, какая-то амфора!.. И на ней какой-то древний грек!.. *(Достает амфору.)* Ой, копия ты!.. А что тут внутри?.. Свиток какой-то...

Поводырь. Читайте!

Беня *(разворачивает, читает)*. «Моему далекому потомку Бенитису Крикису от его древнегреческого предка Крикиса Абрамуса. Дорогой Беня! Когда ты получишь это письмо, меня, наверно, уже не будет. Но наше местечко Одессос, или как там оно теперь у вас называется, конечно, останется. Так вот что я тебе хочу сказать. Кому бы оно ни принадлежало и как бы тебе хорошо в нем ни жилось, поверь, что людям нашей с тобой национальности, на всякий случай, всегда полезно иметь при себе документ, что ты древний грек! Что я этим письмом и удостоверяю! Ты меня понял, малыш? Привет Соне!»

Поводырь. Вот так-то... Ну, прощайте!.. Прощайте!

Маруся *(появляясь с вещами)*. Минуточку, а я?!..

Поводырь. Ну и вы, конечно, тоже прощайте!..
(Уходят.)

Маруся. Стойте!.. Подождите!..

Слепой и поводырь останавливаются. Звучит вступление к песне «Миленький ты мой...». Маруся поет.

Миленький ты мой,

Возьми меня с собой,
В Греции твоей Древней
Буду я тебе женой!..

Слепой. Милая моя,
Взял бы я тебя,
Но есть у меня в Греции Древней,
Пусть древняя, но жена!..

Маруся. Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
В Греции твоей Древней
Буду я тебе сестрой!..

Слепой. Извините, милая, просто петь некогда!.. И сестра у меня есть...
(Хочет уйти.)

Маруся. Да подождите!..

Поводырь. Ну что ты к нему привязалась — женой, сестрой!.. Посмотри — он же дряхлый больной старик!..

Маруся. Больной, вы говорите?! Тогда попробуем по-другому!..
Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
В Греции твоей Древней
Буду я тебе медсестрой!..

Слепой. О, это интересно! У вас что, есть специальное образование?

Маруся. Нет.

Поводырь. Какой же ты тогда можешь быть медсестрой?! Вколешь ему что-нибудь не то — он и концы отдаст!.. Пошли!.. (Уводит слепого.)

Маруся. Стойте!.. Ну отдаст так отдаст! Это не страшно!..

Поводырь. То есть?!

Маруся. Миленький ты мой,
Возьми меня с собой!
В Греции твоей Древней
Буду я тебе вдовой!..

Поводырь. Ну дает!.. (Подзывает ее.) Так вот что я тебе скажу: и вдова у него есть!..

Маруся. То есть?!..

Поводырь. А что тут непонятного?! Когда его первая жена однажды застала его с будущей второй, она ему так и сказала: «Все! Считаю, что ты для меня умер!..»

Маруся. Ага... Значит, все у него есть... Слушайте, а может быть у него хоть кого-нибудь нету?! А?!

Поводырь. Все есть... Он же в Греции живет. Хотя стоп! Месяц назад он, кажется, потерял двоюродного дядю!

Маруся. Так что же вы молчите?! *(Слепому.)*

Миленький ты мой,
Только возьми с собой!
В Греции этой Древней
Буду я тебе дядя родной!..

Слепой. Спасибо, милая! Как вас зовут?

Маруся. Маруся...

Слепой. Очень приятно!.. Вы меня так растрогали! Поэт не может устоять перед таким чувством... Я сочинил в вашу честь древнегреческие стихи!.. *(Берет лиру как балалайку. Поет.)*

Моя Марусечка,
Я весь навеки твой!
Моя Марусечка,
Поедешь ты со мной.
Моя Марусечка,
Теперь с тобой вдвоем
Мы в Древней Греции уютное гнездо
себе сошьем!..

Моя Марусечка!
— Ах, ты мой древний грек!
— Моя Марусечка!
— Я вся твоя навек!
— Моя Марусечка,
Ах, будь моей женой,
Моей сестрой и медсестрой...

Поводырь. И второй вдовой...

Водрузив над Одессой греческий флаг, уходят. Появляются Беня и Соня в древнегреческих одеждах.

Беня. Ну вот, Соня, наконец-то мы выяснили, кто мы такие.

Соня. О чем ты говоришь, Беня, это же совсем дру-гое дело!

Появляется Шут. Торжественно объявляет.

Шут. Древнегреческие звезды кабаре «Одесса» Бенитис Крикис и Соня Рыбачкис!..

Вновь звучит танец сиртаки.

Соня. В нашем чудесном местечке Одессос
Мы теперь по другому заживем!

Беня. Взять если, скажем, наш круг интересов, —
Мы другой этот круг себе найдем!
Буду я по утрам
Шествовать в местный храм,
А потом в тени олив
Мирно возлегать...

Соня. Я же, пока ты спишь,
Буду готовить фиш,
Чтоб потом в тени олив
Было что вкушать...

Беня. Вредных волнений и всяческих стрессов
Мы теперь будем мудро избегать.

Соня. И на все беды местечка Одессос
С олимпийским спокойствием взирать!

Беня. Скажем, от новых цен
Делать не будем сцен.

Соня. Просто в жизни не пойдем
Больше в магазин.

Беня. Или — еще напасть —
Презняя станет власть!

Соня. Так у нас еще с войны
Соль и керосин!..
Ну а если ночью даже
К нам ворвется кто и скажет:
«Где тут те, кто, тра-та-та-та,
В наших бедах виноватый?!»,
То уйдет он в момент,
Так как мы ему предъявим документ!..

Появляется рыдающая Маруся.

Соня. Боже, что с тобой, почему ты плачешь?

Маруся. Бросил!.. Бросил!..

Соня. Кто?

Маруся. Да грек этот древний. Обещал жениться — и бросил!.. А еще великий поэт! Бегает за каждой юбкой!

Соня. Но он же слепой?!

Маруся. Да? А поводырь ему зачем?..

Соня. Ну ничего, успокойся. Останешься, будешь украшать нашу старость.

Маруся. Я — украшать?

Беня. А что такое? Какая старость — такое и украшение...

Маруся. А может, еще кто-нибудь... это, ну... будет претендовать на наш город?

Соня. Не дай Бог!..

Беня. Не смешите меня! Кто может на него претендовать после древних греков?..

Появляются запорожские казаки. Едут на возу, поют.

Казаки. Ой, орав мужык край дороги,

Ой, орав мужык край дороги!

Гэй! Ну! Цобэ тоби тпру!..

Край дороги...

Соня *(плача)*. Беня, что это?.. Ой, этого я, кажется, уже не переживу!..

Первый казак. Гэй, люды добри!.. Як тут проихаты до Херсону?..

Беня. Фу, слава тебе, Господи! Они просто проезжают мимо... *(Казакам.)*
Значит, вам прямо, никуда не сворачивая. И главное — как можно быстрее!..
До свиданья!..

Первый казак. Ну, спасыби! *(Едут, поют.)*

Соня. Кажется, пронесло...

Маруся *(догоняет их, казаку)*. Подождите! А разве вы не будете претендовать?..

Беня. Маруся, не смей!..

Первый казак. На шо?

Маруся. На наш город.

Первый казак. Який город?

Маруся. Ну, Одессу?

Первый казак. А шо, разве есть такой город?

Маруся. Есть.

Казак. Тоди будэм...

Беня. Ну почему?!

Первый казак. А потому шо мы тэпэр на всэ претендуем... Хлопци!
Прыихалы!.. *(Все возвращаются.)* Всэ... Зараз будэмо пысаты пысьмо турэцькому султану...

Второй казак. Правыльно! Нэхай виддае нам нашу ридну Одэсу!..

Соня. Подождите!..

Беня. Причем здесь турецкий султан? Какое он имеет отношение к этому вопросу?

Второй казак. А мы ему по всем вопросам пышем...

Беня. Ну почему?!

Третий казак. А потому шо з намы бильше нихто нэ пэрэпысується...

Первый казак. Так... Шановна громада, прошу розсаджуваться.
Почынаемо роботу... *(Все рассаживаются.)*

Второй казак. Можно по процэдури?

Первый казак. Опять?! *(Тот разводит руками.)* Ну иды, тилькы ненадовго... Значыть, так... Сьогодни в нас на повестке дня, як завжды, два

вопроса: вопрос другой — пысание пысьма султану, вопрос пэршый — хто вмие пысать? *(Все поднимают руки.)* Шо, вси вмиють?..

Третий казак Та не... мы вси по процедури...

Первый казак. Сыдить уже... Знаю, шо не вмиетэ... Зараз кого-нэбудь знайдэм... *(Бене.)* А ну, йды сюды!.. *(Беня подходит.)* Грамоту знаеш?

Беня. Кто, я?!

Первый казак. Ну не я же!

Беня. Ну, знаю...

Первый казак. Садысь, пышы... *(Беня неохотно садится, берет ручку.)*
«Слухай, султан!.. Якшо ты, собака...»

Третий казак. Стоп!..

Первый казак. Шо?!

Третий казак. «Собака» — нельзя! Это не парламентское выражение.

Первый казак. Хорошо. Тогда пышы «кот».

Третий казак. И кот — нельзя. Это не украинськэ слово!

Первый казак. Ну, пышы «кит»!

Третий казак. А кит — тэм более нельзя.

Первый казак. Почему?

Третий казак. Потому шо цэ рыба...

Первый казак. Так. Парламент зайшов у тупык... У кого какие предложения?

Второй казак. Предлагаю розийтысь на каникулы.

Первый казак. А потом?

Второй казак. Ну а потом, значит, собэрэмося вси пэршого сентября.

Первый казак. И шо?

Второй казак. Ну и пойдём в школу!

Первый казак. Да поймите вы! Не можэ наш народ ждаты, пока мы школу закончим! От нас сегодня ждуть государственных решений!..

Общий шум.

Беня. Можно мне?

Первый казак. Тыхо!.. Тут ось наш грамотный просыть слова. Ну то есть оппозиция...

Свист, крики: «Ганьба!.. Гэть з трибуны!..»

Беня. Что вы кричите? Я же еще ничего не сказал!..

Второй казак. Потому и кричим, шо не сказав! Якбы сказав, уже б убылы!..

Соня. Беня, я тебя умоляю, лучше я скажу!.. *(Выходит на «трибуну».)*

Первый казак. Тыхо!!!

Соня. Дорогие мои! Поймите, мы с одинаковым уважением относимся и к вам, и к турецкому султану, но боюсь, что в данном случае ваша переписка с ним по поводу нашего города ни к чему не приведет!

Казак. Почему?

Беня. Потому что основали его русские, построили французы, населили итальянцы, а вообще все началось с греков!..

Казак. А мы?!

Беня. А вы просто каждый раз проезжали мимо!..

Слышна песня «Місяць на небі», на заднем плане «проплываает» човен, в котором казак Грицько и Маруся. Это они поют.

Казак. Тыхо, хлопци!.. Писня!.. *(Все умиленно замолкают.)*

Соня *(восторженно).* Ну Маруська!..

Молодой казак и Маруся подходят к Бене и Соне.

Грицько. Дорогии тато и мама!..

Маруся. Благословить нас з Грицьком на довгэ щаслывэ жыття!..

Первый казак. Оцэ добрэ дило! Тэпэр, значить, пожэняться вони, народять диточок! Одного... а то й двух. И будэ цэ чысто украинськэ мисто...

Появляются француз с Розой.

Француз. Маман! Папа'! Поздравьте нас!.. Только что ваша Роза стала моей женой!..

Соня. Розочка! К чему такая спешка?!

Роза. Как?! Вы же сами просили! Чтобы успеть к одиннадцати!..

Первый казак. Ага, значить, будэ цэ мисто украинсько-французьким...

Появляются Гарибальди с Раей.

Рая. Мама мия! Папа мия!.. Мы с Джузеппе...

Соня. Подожди! Вы же, кажется, отправлялись в Италию... как это... погибнуть за свободу!..

Рая. Это была ошибка, мама. По дороге мы все поняли: истинный героизм состоит не в том, чтобы погибнуть в Италии, а в том, чтобы жить здесь...

Беня (казаку). Так что, панэ гетьман, будет это мисто еще и итальянским!..

Казак. Ну и хай! Главное, чтоб не москальским!..

Появляются Василий с Екатериной.

Екатерина. Православные!..

Василий. Осади!..

Екатерина. Молчу, Васенька, молчу!..

Василий. В общем так, предки. Уговорила она меня! Благословляйте!

Маруся. Ну, Васька, ты даешь!..

Екатерина. Значит, не Васька он вам теперь, а князь Василий Бенционович Шмаровоз Таврический!..

Первый казак. Тьху ты, Господи!.. (Уходит.)

Роза. Так что благословляйте нас всех, папа и мама!..

Соня. Ну что ж, дети мои, благослови вас, как говорится, Бог!..

Появляется Шут.

Шут. А что, мадам, это идея! Бог, вы говорите? Сейчас устроим!..

Беня. То есть как вы устроите?!

Шут. А что! Для нас ничего невозможного нет!.. *(Торжественно.)* На нашей сцене суперзвезда одесского... да что там! — всемирного кабаре... В общем, вы сами знаете, кто!.. Маэстро, прошу вас!..

Звучит музыка из рок-оперы «Иисус-Христос — супер-звезда». Сверху в сиянии нисходит Бог. Все в смятении.

Бог. Беня, ты слышишь меня?!

Беня. Слышу, Господи!..

Бог. А ты, Соня?!

Соня. А я даже вижу!..

Бог. Так что, все меня слышат и видят?

Все. Все!

Бог *(подходит к ним)*. Так я, собственно, чего явился?.. Я вот тут наблюдаю... Нет, все-таки замечательное место эта ваша Одесса! Чтобы в наши дни люди разных национальностей полтора часа беседовали друг с другом и никто никого при этом не убил?! Поразительно!.. Потому что вокруг вас, извините, не при мне будь сказано, просто черт те что творится! Я им говорю: люди! За что это вы так сражаетесь?! Неужели за то, кому в конечном итоге будет принадлежать тот или иной клочок земли?!.. Так я вам уже скажу: если вы так будете вести себя и дальше, то в конечном итоге он будет принадлежать исключительно покойникам!.. И потом, кто вам сказал, что вы все разной национальности?! Вы же все произошли от Адама и Евы!.. А какой национальности были Адам и Ева?.. *Вы* знаете?.. Потому что я, например, не знаю!.. Судя по именам, видимо, поляки... Это я так шучу!.. Но разве они понимают шутки?.. Кстати, может быть, в этом-то все и дело?!.. Их, например, собирают и говорят: «Днестр — это исконно русская река, случайно расположенная на территории Молдавии». И что же? Вместо того чтобы посмеяться и разойтись, они хватают в руки автоматы и начинают отстаивать эту ахинею...

Или собирают других и говорят, что поскольку Киев — это мать городов русских, то естественно, что к России он не имеет никакого отношения!.. И что вы думаете, хоть кто-нибудь улыбнулся? Наоборот! Они все проголосовали «за», отправив таким образом все остальные русские города

к совершенно другой матери!.. В общем, Беня, ты видишь, с кем мне приходится иметь дело?

Беня. Ой, не говорите!..

Бог. Но ты знаешь, оказывается, все не так безнадежно!.. Вот я смотрю на твою семью и понимаю, что вы в вашей Одессе, кажется, нашли выход. Действительно, если люди, как я их об этом просил, не могут любить друг друга, так пусть они хотя бы любят женщин!.. И пусть обязательно на них женятся!..

Потому что если вы хотите, чтобы вас по ночам не беспокоила стрельба, то есть чтобы ваши ночи были спокойными, то пусть они будут брачными. Ибо не может же человек делать два своих любимых дела одновременно!.. Благословляю вас, дети мои!..

А теперь — свадьба!..

Начинается развернутая музыкальная сцена «Свадьба в кабаре «Одесса». Звучат уже известные мелодии. Все пляшут и поют.

На Дерибасовской слышны повсюду крики,
Что приглашают всех к себе на свадьбу Крики,
И если кто не знает об одесском шике,
Тот должен сам на этой свадьбе побывать!

В честь трех сестер-невест Маруси, Розы, Раи
Гудят такси и зафрахтованы трамваи!
Ну а особенно весь город поражает —
Кого привел в семью Василий Шмаровоз!..

От Мясоедовской до самого Фонтана
Игру оркестров заглушает звон стаканов!
И женихи спешат, пока еще не пьяны,
Нам за Одессу что-то умное сказать!..

Француз. Друзья, поверьте,
До самой смерти

Я не покину город ваш!

Роза. Мы с милым сняли
В Пале-Рояле
Для нас двоих прекрасный бельэтаж!

Француз. В квартире этой
Четыре спальни...
Хотя и в каждой спит сосед!..

Роза. Да, к сожаленью,
Дом коммунальный...

Француз. Но для француза лучше места в мире нет!..

Соня. Почему?!

Француз. Как почему?! Вы что, забыли? Вив ля Франс! Да здравствует коммуна!..

Первый казак. Дайте слово козаченьку!..
Я скажу вам прямо:
Выпьем вси за нашу нэньку!..

Беня. Что, опять?!

Первый казак. Та не-е!.. За Одессу-маму!..
Пьем за нашу нову нэньку!..
Та за нашу маму!..
(*Чокается с Соней, целует ее.*)

Шут. Италия просит слова!..

Гарибальди (*поет Соне на мелодию арии герцога из «Риголетто»*).
Налейте, налейте бокалы полней!..

Соня. Мы и так больше всех вам налили!..

Гарибальди. Поверьте, друзья, что гораздо важней
Нам за папу поднять этот тост!..

Рая. За нашего?

Гарибальди. Конечно!.. Но сначала несколько слов за Римского... (*Поет.*)
Живет святой этот в Риме,
Проходит жизнь его мимо,
Поскольку, бедный, несчастный,
В Одессе он не живет!..

Соня. Так что же за него пить?!

Гарibaldi. Ну вот, я и говорю!.. *(Поет.)*

Так выпьем же дружно за папу того,
Что в Одессе живет круглый год!..

Все. Да!

Гарibaldi. Пусть не очень святой, но живет!..

Все. Да!

Беня. А святой тут и не проживет!..

Вперед выходят Екатерина и Василий, поют.

Екатерина. В Петербурге я была царицей,

Управляла целую страной.

Но скажу, что быть императрицей

Проще, чем в Одессе быть женой!..

Вася. Тебе, любимая, охотно верю я,

Но ты теперь навеки нам родня,

Поскольку год уже как нет империи...

Екатерина. Что по ночам так мучила меня!..

На переднем плане Беня и Соня. Звучит музыка.

Беня. Знаешь, Соня, смотрю я на все это и думаю: мог ли я, сын простого одесского биндюжника, мечтать о том, что когда-нибудь в моем доме соберутся все те, кто когда-то создавал этот город?..

Соня. Так я тебе больше скажу! Если уже даже эти собрались, то, может быть, рано или поздно сюда вернуться все те, кто уехал в более близкие времена?!..

Беня. Соня, ну что ты говоришь?! Что они тебе такого плохого сделали?!

Соня. Я шучу!..

Все *(поют вместе с Беней и Соней).*

Папа!.. Мама!..

Соня. Дети!..

Беня. Внуки!..

Мы — одна семья!..

Все. Одесса! Одесса!

Одесса — родина моя!..

Шут. Ну что, папаша, поняли, какой флаг должен висеть над этим городом?

Беня. Никакой...

Шут. Правильно!.. А почему?.. Потому что город, который принадлежит всем, не может принадлежать какой-нибудь одной, даже самой могущественной европейской державе!..

Беня. Вы имеете в виду Украину?

Шут. Я этого не говорил!.. *(Исчезает.)*

Развернутый финал. На мелодию «Красотки кабаре» поют все участники спектакля.

Одесса, Одесса, большое кабаре —
Ты мира прекрасное творенье!
Здесь песни и шутки звучат в любом дворе,
Даешь ежедневно ты представленье!..
И пусть тот, кто хочет, участвует в игре,
Похожей на светопрествленье.
Опять Одесса учит нас, что жизнь дается
только раз!
Лови, лови, лови
ее мгновенья!..

Занавес

Из публикаций в журнале «ТЕАТР»

№5

Роясь как-то в редакционном портфеле, мы обнаружили там солидный запас театральных пародий — текстов знаменитых когда-то (и не только в нашем городе!) одесских театральных

капустников. Авторами их в последние предперестроечные годы были Георгий Голубенко, Леонид Сущенко и Валерий Хаит.

Они придумали даже такой своеобразный Гала-театр, эмблемой которого (почти как во МХАТе) была птица — галочка. Ибо все, что ни делалось в этом театре, делалось исключительно для нее...

Предлагаем вниманию читателей несколько театральных пародий, принадлежащих перу вышеупомянутых и нижепоименованных авторов.

**Из «Книги
восторженных отзывов»
Гала-театра**

«Никогда не видел ничего подобного! Прекрасный буфет! Отличный зал ожидания! Никаких очередей у кассы!.. Жаль, до перрона далековато, но это мелочи... Словом, огромное спасибо всем работникам нашего вокзала!

Командированный».

«Большое и нужное дело делают работники театрального искусства, выключая во время спектаклей в зале свет!

**Петюнин Г. Н.,
экономист».**

«Раньше, до встречи с искусством, я, признаться, выпивал. Но теперь, побывав в вашем театре, а главное, поближе познакомившись с актерами, бросил. Понял, как это ужасно...

П. Р-ов».

«Всегда с большой радостью покидаем ваш театр!

Семья Бугровых».

**ОДНИМ ИСКУССТВОМ НЕ ПРОЖИВЕШЬ!
Главы из капитального труда
теоретика и практика Гала-театра Н. Н. Н-ва
Глава 327. О СУТИ ОВАЦИЙ**

...Думаю, что актерам все же следует выходить кланяться не после окончания спектакля, а перед его началом. Да, мы знаем, что в старину представление артистов, сопровождавшееся овацией, происходило в конце спектакля. Но, поскольку сегодня у нас уже нет уверенности, что все присутствующие в зале дождутся этого момента, предлагаю начинать именно с него.

К тому же бурная овация в наши дни, как известно, уже мало связана с тем, что происходит непосредственно на сцене, и является скорее данью доброй традиции, первоначальный смысл которой становится все более и более непонятным.

Овация же в начале спектакля представляется нам значительно более разумной, поскольку полный сил зритель, еще не утомленный увиденным, может отдаться этому ритуалу с гораздо большим энтузиазмом, столь характерным для наших дней...

Глава 639. ЧЕТВЕРОНОГИЙ ВРАГ АРТИСТА

Много лет размышлял о том, как бороться на театре с котами. И действительно: как бы ни рекомендована была пьеса, как бы ни гениален был замысел режиссера, как бы ни эпохален был спектакль, — стоит выйти на сцену какому-нибудь коту, как все это тут же, извините, летит ему под хвост. Ибо переиграть на сцене кота, а тем более кошку практически невозможно!..

Где же выход?

А вот.

Дабы избежать появления на сцене кота или кошки, привлекающих к себе, как известно, все внимание зрителя, предлагаю во время спектакля постоянно держать на сцене собаку...

С «Доски приказов и объявлений»

Категорически запретить машинисту сцены тов. Хомяку В. П. во время спектакля катать на поворотном круге знакомых девушек.

В связи с ожидаемым приходом на спектакль известного театрального критика Родионова приказываю 16 марта с. г. играть спектакль не только в костюмах и в декорациях, но и со словами.

Заведующего постановочной частью Киреева Л. Г. и его помощников Кирюшина М. Н. и Кирьянова С. И. из театра уволить. Основание: превратное толкование термина «пропитка декораций».

Артиста Степанова А. Я., не вернувшегося в положенный срок с киносъемок, считать киноартистом.

Перевести по возрасту артиста Параконнова В. Г. из героев-любовников в любовники-наставники.

Актрисе Евсеевой Н. И., исполняющей главную роль в современной производственной комедии «Болваночка», несмотря на похвальное желание хоть как-то рассмешить публику, категорически запретить произносить вместо фразы «Полюбила я тебя, Захар, за твои золотые руки» фразу «Полюбила я тебя, Зураб, за твои золотые зубы».

ПЕСНЯ О БОЛЬШОМ НЕИЗВЕСТНОМ ХУДОЖНИКЕ

На мотив песен из репертуара Аллы Пугачевой «Миллион алых роз» и «Старинные часы»

Солист

Жил-был художник один
Где-то в далекой глуши —
Тот, что картины писал
Не для людей — для души.

Слава, конечно, нужна
Очень была и ему.
Он же не нужен был ей
И вообще никому...

Хор

Миллион, миллион...

Солист

Подождите!

Жил-был художник другой,
Тоже от всех вдалеке.
Был он большой режиссер,
Но в небольшом городке.

Раз он поставил спектакль —
Лучшего мир не видал,
Так как в театре его
Сроду никто не бывал.

Хор

Миллион, миллион...

Солист

Минуточку!..

Третий художник творил
Тоже вдали от столиц.
Был он великий актер
Минимум с тысячью лиц.
Он в очень многих ролях
Был совершенство само.
Все их он переиграл,
Стоя напротив трюмо...

Хор

Миллион, миллион...

Солист (обрывая)

Что о четвертом сказать?
Тоже художник он был.
И, что смешнее всего,
Тоже в провинции жил.

Был он великий поэт,
Жег он глаголом сердца
Многих людей, а точнее,
Тещи, жены и отца...
Кто же был пятый творец?
Был он большой музыкант.
Все уважали его
Периферийный талант.

Было написано им
Только симфоний одних
Пять, а возможно, и семь,
Но для соседей глухих...

Так же искусству служил
Верно шестой и седьмой,
Двадцать четвертый дробь семь,
Сотый и двести второй,

Триста семнадцатый плюс
Тысяча двести персон...

В общем, их всех сосчитать —
Будет как раз миллион.

Хор

Миллион, миллион, миллион алых роз
Им никто, им никто, им никто не дарил.
Если же говорить нам о том здесь всерьез,
То всерьез говорить нам о том нету сил.

Жизнь невозможно повернуть назад,
А значит, поворачивать не надо.
Пусть что-то и не так — все будет хорошо,
Пока стучат горячие сердца...

...Горячие сердца пока еще стучат...
...На всех еще стучат горячие сердца...
...Стучат, стучат, стучат...

В так называемые застойные времена была очень популярна пьеса Александра Гельмана «Протокол одного заседания». Спектакли, кино- и телеверсии этой пьесы появлялись и под другими названиями — «Заседание парткома», «Премия». В ней шла речь о вопиющем для тех времен факте: бригада строителей отказалась от премии.

Когда, помнится, одесситы привозили капустник «Балаган-78» с этой сценой в Москву, кто-то из Одессы «стукнул», и «Добавку» запретили. Был найден телефон Гельмана, он приехал, ему прочли. Автор сильно смеялся. В том числе и над фактом запрета. После Москвы над «Балаганом» и «Добавкой» хохотали Ленинград и Киев, Кишинев и Таллин. И многократно Одесса...А вдруг и сегодня смешно?..

ДОБАВКА

Действие происходит в передовом детском саду в конце 70-х. Кабинет заведующей детским садом.

Заведующая (нажимая на клавишу селектора). Мария Ивановна, гуляйте младшую группу! Как спит старшая группа?.. Вы что, с ума сошли?! Конец квартала, у нас двести часов недоспано! Всем спать! Заснете — доложите!

Вбегают повариха, в руках у нее ведро.

Повариха. Валентина Филипповна, у вас есть валидол?

Заведующая. Есть.

Повариха. Вот вы его и глотайте!

Заведующая. А что случилось?

Повариха. У нас ЧП. Старшая группа отказалась от добавки!

Заведующая (в ужасе). Не может быть!

Повариха. Вот ведро манной каши. Я хотела разлить, а они встали и ушли. И первым — Потапов.

Заведующая. Может быть, они были сыты?

Повариха. О чем вы говорите?! Наши обычные порции!

Заведующая. Так, может быть, каша была просто невкусная?

Повариха (возмущенно). Как это наша каша может быть невкусная! У меня ее каждый день вся семья лопает, за уши не оторвешь! И дочкины, слава Богу, вот такие растут! А эти! Вот молодежь пошла!

Заведующая. Ну ладно, разберемся... Собирайте людей. Старшую медсестру, уборщицу, воспитательницу, главного зачинщика... И кого-нибудь из детей, кто мог бы олицетворять наш эталон упитанного ребенка. (Все собираются.) Стенографируйте!.. Товарищи, вы все, наверно, слышали, что в нашем деткомбинате «Светлячок» произошло ЧП. Старшая группа, предводительствуемая Потаповым, отказалась от добавки. Но, прежде чем перейти к обсуждению этого безобразного случая, я хотела бы напомнить собравшимся, что коллектив нашего прославленного «Светлячка» вот уже пятый год держит переходящий торт, учрежденный районо и санэпидстанцией! Из наших стен вышли такие выдающиеся дети, как Коленька Петров — победитель межрайонного смотра коротких детских надписей на заборе! Коллектив нашего «Светлячка» первым в отрасли выступил инициатором почина по замене маркировки детских шкафчиков, заменив традиционные вишенки и яблочки на прогрессивные огурчики и помидорчики! А наш тихий час — самый мертвый в области! Да, нам есть чем гордиться! И вдруг — такая неприятность!.. Прошу высказываться.

Уборщица. Разрешите мне... Я человек простой, прямо от швабры. Бабка моя мыла пол, мать мыла и я мою. Так вот я хочу спросить: сколько можно сорить?!

Заведующая. Гм-м... Спасибо, Марья Степановна... Кто еще хочет выступить, товарищи?

Повариха. А чего тут говорить! Пусть Потапов сам расскажет, как их угораздило от нашей каши отказаться,

Потапов. Я не о себе скажу. Мне много не надо. Я о людях хою сказать. Вот вы говорите, тетя Нина, экономия. Это по-васему, по-взрослому, экономия, а по-насему, по-ребячьему, это называется... это... хищение

общественного продукта!.. Ну съедим мы сегодня эту добавку, завтра съедим, а послезавтра сто кусать будем?.. Мы с ребятами так считаем: если основная порция по калорийности будет соответствовать стандарту, тогда и добавки не потребуется! А сто мы на сегодняшний день видим в нашей ребячьей тарелке? Недолив, недосып, недовес!

Воспитательница. Это ложь! Клевета! Вот такое пятно на весь коллектив! *(Показывает, какое пятно).*

Потапов. Спокойненько! Вот тут у меня тетладоцка имеется... Сам я, извините, неграмотный, но нужда заставила, и пришлось... Мы тут кое-сто прикинули с ребятами в обед... Интересно полуцается.

Заведующая. А ну разреши-ка полюбопытствовать...

Все склоняются над тетрадкой.

Повариха. Нет, товарищи, как вам нравится! Еще молоко на губах не обсохло, а он уже его жирность меряет!

Воспитательница. Научили на свою голову!

Заведующая. А мне все-таки непонятно, откуда он мог взять эти цифры, эти, в сущности, закрытые данные?.. А ну позовите калькулятора. *(Входит женщина.)* Катерина Дмитриевна, тут по вашей части. Посмотрите-ка эти каракули, может, вы что-нибудь поймете?

Калькулятор. А чего смотреть? Это ж я и писала...

Заведующая. Вы?.. Но зачем?!

Калькулятор *(всхлипнув).* Жалко их стало... Пришли ко мне... Этот худющий — аж светится. И с ним еще такие же. Посчитайте нам, говорят, тетя Катя, выход круп и жиров на одного человекоробенка, а то что-то кушать хочется.

Упитанный мальчик *(эталон «Светлячка»).* А я вообще не понимаю, как можно отказываться, когда дают?! Положено — дай! А не положено — сам возьму тарелку и положу!

Голос из окна. Федя! Федя!

Потапов. Цего тебе?

Голос. Наси кусать нацяли!

Потапов. Не мозет быть!!

Повариха. Ну вот все и в порядке! Я знала, что не выдержат! Дети — они и есть дети. Поешь, Феденька!

Потапов. Нет!

Воспитательница. Подумай о себе! Посмотри, какой ты зеленый! Ты ж растешь. Тебе сейчас кушать надо, а не правду искать.

Потапов. А как же моя ребячья совесть?!

Заведующая. Нет, товарищи, я вижу, это серьезный симптом! И мне кажется, что я как честный воспитатель после такого случая не

могу оставаться заведующей вверенного мне «Светлячка». Как ты считаешь, Федя?

Потапов. Не можете, тетя!

Заведующая хочет уйти.

Голоса. Нет! Нет! Мы вас так не отпустим! Вместе заварили эту кашу, вместе и расхлебывать!

Вбегают раздатчица.

Раздатчица (*торжественно*). Валентина Филипповна! Разрешите сообщить. Коллектив кухни добился новой трудовой победы. Благодаря прогрессивной технологии варки за сегодняшний день удалось сэкономить пять килограммов вермишели!

Заведующая (*с гордостью*). Вот, товарищи! Вот как мы работаем! (*Потапову с укоризной*). А ты... Эх... (*Машет рукой. Раздатчице.*) Спасибо!..

Раздатчица (*деловито*). Пожалуйста! Так я зашла спросить: вы свой килограмм сами заберете — или мне его вам в кабинет занести?..

Немая сцена.

«ТРУБА ЗОВЕТ!»

Сцена из закулисной жизни

В не очень отдаленные и (как недавно обнаружилось) прекрасные для многих времена существовало такое театральное явление — «производственная пьеса». Многие годы по количеству таких пьес мы занимали первое место в мире. Поскольку больше никто в этом соревновании не участвовал... Поэтому соревновались внутри — у кого на сцене будет больше, так сказать, правды жизни. Происходило это... ну приблизительно как в предлагаемой вашему вниманию пародии.

Кабинет директора театра. За столом директор. Врывается посетитель с чемоданом.

Посетитель. Вы директор театра?

Директор. Я.

Посетитель. Очень приятно! Значит, я к вам!

Директор. Слушаю вас. Что вам нужно?

Посетитель. Значит, мне нужно... (*смотрит бумаги*)... трубы стальные диаметром сто миллиметров, которые вы выпускаете.

Директор. Мы выпускаем?

Посетитель. Да. Две тонны.

Директор. О чем вы говорите? У нас театр!

Посетитель. Я знаю.

Директор. Мы выпускаем спектакли!

Посетитель (*скептически*). Я видел...

Директор. При чем же здесь трубы?

Посетитель. Как при чем?! Вы играете спектакль «Труба зовет!»?

Директор. Играем. Ну и что?

Посетитель. А вот рецензия... На вас написана? (*Дает газету*).

Директор (*читает*). «Большая победа мастеров сцены»... (*С гордостью.*) О нас!

Посетитель. Вы дальше, дальше читайте! Вот здесь! (*Показывает.*)

Директор (*читает*). «...Артистам театра удалось так реалистично показать процесс производства труб, что вполне естественным завершением спектакля является выпуск их прямо на сцене, причем отличного качества и в широком ассортименте».

Посетитель. Вот за этими трубами я и приехал! Подпишите, а?.. (*Дает бумаги.*)

Директор. Да поймите! У нас областной драматический театр!

Посетитель. Ну и что?

Директор. А то, что в первую очередь мы обязаны обеспечивать трубами нашу область!..

Посетитель (*умоляюще*). Но войдите в мое положение! Я так намучился! Я ехал в такую даль! Я ночевал на вокзалах! Я смотрел ваши спектакли!..

Директор. А вы войдите в мое! Мы играем эту пьесу всего два раза в месяц, а заявок на трубы — вот, целая кипа!..

Посетитель. Так играйте чаще!

Директор. Хм-м... Вы что же, милейший, думаете, наш театр только трубы выпускает?.. Вот — репертуар, пожалуйста: пьеса о строительстве — значит, дай бетон! На сельскохозяйственную тематику — это вообще давай и давай! И тут вы со своими трубами! Нет их у меня!..

Посетитель. Но поймите!..

Раздается телефонный звонок.

Директор. Извините! (*Снимает трубку.*) Слушаю вас!..

Высвечивается площадка, на которой стоит человек в комбинезоне и в каске с телефонной трубкой в руке.

Человек. Але!.. Сцена беспокоит!

Директор. Ты, Николай Федорович? Ну что там у тебя?!

Человек. Беда, Василий Игнатьевич! Конвейер встал!

Директор. Как? Прямо во время спектакля?!

Человек. Да в том-то и дело! Только в образ вошли, а тут шестеренка — хрясь! У меня над ухом — вжик! И прямо в зрительный зал! Хорошо еще, что там никого, а то бы жертвы были!..

Директор. Ты, Федорыч, вот что! Ты мне эти страхи не рассказывай! Ты лучше скажи, что предпринимаете конкретно?!

Человек. Конкретно ничего не предпринимаете. Сидим на сцене, кушим...

Директор. Да у вас там что, шестеренку заменить некому?! Вы же там все заслуженные-перезаслуженные, по триста рублей в месяц заколачиваете!.. В общем, так: что хочешь делай, но чтоб к концу спектакля продукция была! Хоть до утра играйте! У меня все!.. *(Кладет трубку. Посетителю.)* А вы говорите — трубы! Разве с такими артистами у нас могут быть трубы?!

Посетитель. А завпост говорил, что есть... Подпишите, а?.. *(Протягивает бумаги.)*

Директор. Ох, и что же это за организация там у вас такая, которая без наших труб обойтись не может?.. *(Читает бумаги, оживляясь.)* Ага! Тоже театр и тоже областной?! Родственное предприятие, значит?..

Посетитель. Ну конечно!

Директор. И зачем же вам трубы?

Посетитель. Так спектакль же ставим про нефтяников! Понимаете?.. Стали скважину бурить прямо на сцене... ну и забурились! Премьера на носу, а труб не хватает!.. Подпишите!..

Директор. Ой, я не знаю... Осталось у нас где-то тонн пять после генералки...

Посетитель. Да вы не сомневайтесь! Мы со своей стороны тоже чем-нибудь поможем!..

Директор. Чем? Нефтью?!

Посетитель. Ну почему только нефтью?! У нас, между прочим, тоже репертуар будь здоров! Вот недавно «Вишневый сад» выпустили!

Директор. А что это, что это? Не слышал.

Посетитель. Да гарнитуры такие. Из вишни. Мы, значит, там в спектакле сад рубим и мебель делаем. Не пожалеете!.. Там шкаф, я вам скажу, особенно нашими покупателями глубокоуважаемый!..

Директор. Так вот с этого нужно было и начинать! *(Подписывает бумаги.)*

В начале восьмидесятых годов в театрах страны широко шли пьесы сравнительно молодых тогда драматургов: «Вечер» Алексея Дударева, «Равняется четырем Франциям» Александра Мишарина, «Святой и грешный» Михаила Ворфоломеева, «Смотрите, кто пришел!» Владимира Арро. Это были весьма смелые и актуальные по

тем временам пьесы. И, естественно, нам захотелось написать на них пародию. Что мы и сделали...

ЛИПА ВЕКОВАЯ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сцене уходящая вдаль перспектива неперспективной деревни Липовки. На переднем плане у полуразвалившейся курной избы работы неизвестных мастеров XVI века сидит древняя мудрая старуха Варфоломеевна. Она вяжет лыко. Рядом — еще более древний и мудрый старик по прозвищу Пунктик. Он лыка не вяжет. Они беседуют.

Варфоломеевна. Все я, Пунктик, своим умом превзошла. Все тайны мне окрест открылись. Только две вещи для меня непостижимые есть: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне.

Пунктик. Так это же еще и ентот... Иммануил Кант не постигал!..

Варфоломеевна. Вот ты о Канте заговорил, а я сразу свою старшенького вспомнила — адмирала. У него тоже допрежь канты были. А теперь лампы... Чтой-то не едет он давно. Да и другие тоже. И средненький — замминистра, и младшенький — торговый представитель по закупке лицензионных ананасов за рубежом...

Пунктик. А чего им сюды ехать?! Тут же затоплять будут. Вон уже соседние села затопили, райцентр. Не сегодня-завтра, говорят, областной город топить начнут... Одна ты тут сидишь на пути прогресса! Можно сказать, мешаешь всеобщему затоплению... Да пойми ты! Какое дело тормозишь?! Люди океан строят! В нашем районе!..

Варфоломеевна. У, ироды... Океан!.. Нет чтобы водопроводную трубу вовремя залатать!.. Не дам! Не дам затоплять последний памятник крепостному праву! *(Крепко обнимает избу).*

Слышен шум подъехавшего «мерседеса». Появляется Валетов — элегантно одетый во все заграничное молодой человек с парикмахерской внешностью.

Валетов. Здравствуйте, бабушка! Я у вас эту дачу купить хочу. Мне ее местоположение очень нравится. Я до вас двенадцать суток по болотам шел и машину «мерседес» на себе нес... Продайте! Вам она все равно ни к чему, а мы с друзьями тут будем безалкогольные оргии устраивать...

Пунктик. О, смотрите, кто пришел!..

Валетов. Да вы не сомневайтесь! Я вам за вашу избу много денег дам! *(Протягивает Варфоломеевне чемодан с деньгами).*

Варфоломеевна *(гневно).* Нет у тебя, ирод, таких денег, чтобы я за них свою малую родину продала!..

Валетов. У меня есть! *(Протягивает ей еще один чемодан).*

Варфоломеевна *(слабея).* Нет!..

Валетов протягивает третий. Варфоломеевна хватается за сердце.

Голос с неба. Держитесь, мама! Я лечу!..

Слышен шум крыльев. У овина приземляется дельтаплан. Из него выходит Николай — младший сын Варфоломеевны по закупке лицензионных ананасов. Валетов с чемоданами прячется.

Варфоломеевна *(оживая).* Соколик мой!.. А что ж это ты не за границей?

Николай. Не могу я там больше, маманя! Приемы, банкеты, отели роскошные!.. Да сколько же может человек из-за каких-то ананасов вот так мучиться?! Все! Буду теперь их тут выращивать!.. Вон на нашу липу привью — и пусть себе колосятся!.. *(Озирая орлиным взором окрестность).* Земля-то у нас какая!.. Ткнешь палку — и та расцветет! *(Втыкает палку — та расцветает).* А площадь какие!.. В общем, хватит нам равняться этим самым четырьмя Франциям!.. Пусть теперь они на нас равняются!.. Все четыре!..

Варфоломеевна *(в воодушевлении).* Вот правильно! И женим мы тебя здесь!..

Слышен шум хорошей музыки. В густых ветвях вековой липы наплывом, как бы материализуясь, возникает заветная мечта всех героев современных драм, по тем или иным причинам оторвавшихся от родной почвы, — Девушка-краса — натуральная коса. Девка ладная, добрая, она все понимает без слов. Но смышленное выражение лица дает основание предполагать, что с годами начнет понимать и слова.

Варфоломеевна. Точно женим!..

Николай. Я не против!.. Да, боюсь, жена не согласится...

Варфоломеевна. Почему?! Как ты на ней женился, она же согласная была!

Николай. Оно-то так... Но с годами люди меняются...

Пунктик. Правильно!.. Это еще и ентот... Гераклит говорил: нельзя, мол, дважды войти в одну и ту же воду!..

Слышен шум воды.

Николай. Это еще что?!

Варфоломеевна. Да это так... Затопляют нас, сынок. Не обращай внимания...

Николай *(сразу все поняв).* Не бывать же этому!.. Всё! Еду в Москву!.. Позвольте, маманя, вашим «мерседесом» воспользоваться?!

Варфоломеевна. Это не мой.

Николай. Ну тогда тем более...

Садится в «мерседес» и уезжает. Валетов сидит на чемоданах.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кабинет среднего сына Варфоломеевны — Петра, заместителя министра. Во всю стену — карта, утыканная разноцветными флажками, обозначающими границы затопляемых министерством территорий.

Петр (в который раз пытаюсь выпроводить Николая). Но и ты, брат, меня пойми! Помнишь, как в детстве мечтали по океану поплавать?.. А тут как раз идея возникла такое сооружение соорудить. Да где же, думаю, как не в наших краях!.. Вот я и предложил в первую очередь Липовку залить... Пусть не мы с тобой, так хоть наши односельчане поплавают!.. Но, с другой стороны, и ты прав! Ананасы для нас сейчас важнее. За ананасами у нас пока еще очереди. А за океаном — нет!.. Так что правильная твоя позиция!.. Матери передай: приеду. Вот, значит, как у вас ананасы на липе начнут цвести, так и заявлюсь!..

Затемнение. Столичная квартира Николая. В прихожей его встречает жена.

Жена (обнимая Николая). Пожалел бы ты себя, Эдуард! А то смотри на кого похож стал!..

Николай. На кого?

Жена. На Николая!

Николай. А я и есть Николай!..

Долгая, мучительная для обоих пауза, во время которой жена готовит обед, стирает белье, вяжет. А муж — обедает, просматривает газеты, скопившиеся в доме за двадцать лет его отсутствия, затем начинает ремонт квартиры.

Николай (после паузы, заканчивая ремонт). Об Эдуарде спрашивать не стану... Зачем ворошить прошлое?.. (Берет жену за руку). Давай начнем все сначала?..

Жена (глядя ему в глаза). Давай!..

Николай. Вот и хорошо!.. Значит, ты с Эдуардом, а у меня тут тоже кое-что намечается...

Целуются.

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

На сцене снова Липовка. Появляется Человек от театра. Он рассказывает о том, что произошло в деревне за время антракта.

Воспользовавшись отсутствием Николая, вероломный Валетов заманил Девицу-красу в темный лес и там, напав на беззащитную девушку с ножницами и импортным феном, лишил ее самого дорогого, что

у нее было. То есть косы. Деревня в смятении. С одной стороны, все считают, что теперь, как честный парикмахер, он должен на ней жениться. С другой стороны — в деревне никто не знает, бывают ли вообще на свете честные парикмахеры.

Вернувшийся Николай узнает о случившемся, и в его душе поднимается буря, которая перерастает в настоящую. Слышен шум гребных винтов. Появляется Адмирал — старший сын Варфоломеевны.

Варфоломеевна (не узнавая его). Степан?! Ты ли это?!

Адмирал. погоди, мать! Тут сперва с более важным вопросом разобраться надо. Беда у меня! Корабль в океане тонет!.. Так вот. Приехал я к тебе за мудрым материнским советом. Как думаешь, спасти нам его или не спасти?..

Пунктик. А чего тут думать? Тут сельсовет собирать надо! Это же его прямое дело — такие вопросы решать!

Варфоломеевна. погоди, Пунктик!.. (Адмиралу.) А в каком океане тонет, хоть знаешь?

Адмирал. Да как рапортовали, что в вашем, местном. Северном Липовитом!..

Варфоломеевна. Нет у нас тут никакого океана! Отменили его!

Адмирал. Ты гляди!.. (Глядит вокруг). И вправду отменили!.. А рапортовали, что построили...

Поняв бессмысленность дальнейшего продолжения, буря стихает. Появляются спасенные матросы, тут же демобилизуются и остаются в селе трудиться на липово-ананасных плантациях.

Николай (обнимая Девуцу-красу — бывшую косу). Не плачь, милая!.. Без косы я тебя еще больше любить буду!.. А косу мы тебе с полочки новую справим. Еще натуральнее!..

Слышен шум жены Николая.

Жена (появляясь). Не могу я без тебя, Коля! Совсем не могу!..

Николай. Почему?..

Жена. Потому что Эдуард пропал!..

В душе героя снова готова подняться буря. Адмирал тревожно поглядывает на барометр. Матросы надевают спасательные жилеты.

Николай (глядя одним глазом на жену, другим — на невесту). Что же нам теперь делать?..

Валетов (появляясь). Может, постричься интересуетесь?..

Жена (увидев его). Эдуард?!

Все целуются: жена с Эдуардом, муж с Девуцей, адмирал с матросами. На липах пышно расцветают ананасы. Появляется замминистра Петр, вышедший на пенсию в связи с переходом на другую работу.

Варфоломеевна (умиленно). Ну что вам сказать, дети мои?.. Любите друг друга!..

Пунктик. Вот это правильно... Это еще и ентот... Шопенгауэр говорил. Своим детям...

Фамилия Шопенгауэр как громом поражает присутствующих. Все застывают на своих местах и в глубоком раздумье жуют липовые ананасы.

ЗАНАВЕС

В начале восьмидесятых годов во многих советских театрах шла глубоко советская же пьеса Аркадия Ставицкого «Шолом-Алейхема, 40».

Она повествовала о том, как решение двух молодых людей эмигрировать из страны вызвало в сердцах их родителей бурю негодования и протеста. Крайне неодобрительно отнесся к этому и весь одесский двор, где жила семья.

Предлагаемая пародия построена на том, что пьесу «Шолом-Алейхема, 40» решили поставить в Англии...

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА, 42

Перед началом репетиций режиссер встретился с нашими журналистами.

Режиссер. Нам, деятелям английского театра, очень бы хотелось понять проблемы вашей жизни. Поэтому нас глубоко заинтересовала весьма проблемная и глубоко жизненная пьеса под названием «Шолом-Алейхема, 40». Сейчас мы пытаемся ее поставить... Стараясь сделать ее более доступной простому английскому зрителю, мы изменили имена персонажей, перенесли действие в Англию... Да и называется она у нас не «Шолом-Алейхема, 40», а «Чарльза Диккенса, 42». Но тем не менее еще не все в ней нам самим окончательно понятно... А чтобы вам было понятно, что именно нам непонятно, приглашаем вас на репетицию...

Обстановка репетиции в английском театре.

Режиссер (актерам). Итак, господа, прошлый раз мы остановились на том, что вернувшиеся домой на рождественские каникулы сыновья миссис Лоуренс — Гарри и Майкл сообщают матери сногшибательное известие. Сыновья готовы?

Сыновья. Готовы.

Режиссер. Мать готова?

Мать. Готова.

Режиссер. Звучит Биг-Бен! (Слышен удар гонга.) Сообщайте!

Гарри. Дорогая мама! Понимая, что наше сообщение может тебя убить, мы ничего не хотели говорить тебе до завтрака. Но сейчас, когда завтрак уже окончен, мы можем сказать тебе правду. Знай же: мы с Майклом решили переехать на постоянное жительство в Россию.

Мать. О-о-о!

Майкл. Да! В Одессу, на Шолом-Алейхема, 40.

Мать. Ну что ж, решили так решили. Счастливого пути, дети.

Режиссер. Стоп! Стоп! Что это вы играете?! Что значит «счастливого пути»?! Вы же слышали: по пьесе это сообщение должно вас убить!

Мать. Да, сэр, но я все-таки не понимаю, почему... В конце концов, мои дети находятся в таком возрасте, когда человек уже просто обязан побывать в разных странах, пожить в разных городах.

Режиссер. Да. Но они же собираются поселиться в Одессе! Вы понимаете, какая это для вас трагедия?!

Мать. Ну это скорее для них трагедия, я-то тут причем?!

Режиссер. Так! Господа, мы же с вами говорили: пьеса эта для нас сложная, в ней много загадочного! Поэтому я прошу строго придерживаться ремарок! Вот! *(Читает.)* «Услышав сообщение о том, что дети собираются ехать за границу, мать в ужасе рвет на себе волосы и падает в обморок». Прошу вас!

Мать. О Боже! Какой это ужас — ездить за границу! Ах! *(Рвет на себе волосы, падает в обморок.)*

Режиссер. Вот! Молодец! Нормальная человеческая реакция! Идем дальше.

Гарри. Мама! Поверь! Там нам будет лучше.

Режиссер. Так, так! Уговаривайте ее!

Гарри. Ты же знаешь, здесь мне не дают ходу! Ну кто я здесь?! Простой врач! А там? О, там я могу стать главврачом!.. *(Режиссеру.)* Простите, сэр, а что, собственно, означает это странное слово — «главврач»?

Режиссер. Неважно! Во всяком случае, ясно, что это не врач, а что-то совершенно другое! Дальше! Дальше! Ваша реплика, Майкл!

Майкл. А какой там уровень благосостояния, мама!..

Режиссер. Ну? Что же вы остановились?! Вот ремарка: «Достает из портфеля и показывает матери заграничные газеты, проспекты, рекламу».

Майкл. Пожалуйста... *(Достает «Вечернюю Одессу».)* Я вот тут достал их городскую газету... Но я не знаю...

Режиссер. Читайте!

Майкл. Пожалуйста... *(Читает.)* «Вот уже три дня в нашем городе совершенно нет воды...»

Режиссер. Прекрасно!

Майкл. Да, сэр, но какое же это благосостояние?!

Режиссер. А вы не понимаете?

Майкл. Нет.

Режиссер. Ладно, будем разбираться вместе. Значит, в городе три дня нет воды. Так?

Майкл. Так!

Режиссер. Но вам же не нужно объяснять, что цивилизованные люди не могут все эти три дня, извините, не купаться! Так?

Майкл. Так.

Режиссер. А значит, это доказывает что?..

Майкл. Что?!

Режиссер. Что уровень благосостояния в этом городе таков, что люди отказались от воды и теперь купаются в чем?..

Все. В чем?..

Мать. Неужели в шампанском?!

Режиссер. Слава тебе, Господи!

Мать. Как интересно! В таком случае я тоже хочу ехать в этот город вместе с сыновьями!

Режиссер. Вот! Вот к этому-то я вас и веду! Понимаете?! Мать уже согласна ехать с сыновьями, но драма этой женщины состоит в том, что она не может этого сделать!

Мать. Господи, а что же здесь сложного? Закажет билет в авиационной компании...

Режиссер (*торжествующе*). Не может!

Мать. Ну тогда в паровой...
(шепотом) паровой...

Режиссер (*еще более торжествуя*). Тоже не может!!!

Мать. Но почему?!

Режиссер. А потому, что пьесу нужно читать, миссис Паттерсон! А в пьесе ясно сказано, вот! (*Читает.*) «Она боится, что ее осудит двор»!

Мать (*растерянно*). Какой двор?!

Режиссер. Ну-у-у... В данном случае, видимо, наш... королевский...

Мать. Ничего не понимаю!

Гарри. Действительно, сэръ, может быть, эта женщина из русского варианта... как ее... баба Роза... и была близка к русскому двору, но мы играем простых англичан, и если мы надумаем куда-нибудь уехать, то наша королева, по-моему, этого даже не заметит... А уж осуждать! За что?!

Режиссер. О Господи! Миссис Паттерсон, господа! Повторяю еще раз! Пьеса эта для нас сложная, во многом даже таинственная! Если вы боитесь, что и зрители в этом месте чего-нибудь не поймут, то постарайтесь их как-нибудь убедить! Импровизируйте, в конце концов!

Мать. Я попробую...

Режиссер. Пожалуйста!

Мать. Дети! А подумали ли вы о том, что скажет двор?! Представьте! Завтра утром наша великая королева соберет всех лордов и пэров Англии и, обратив к ним свой гневный взор...

Режиссер. Прекрасно!

Мать. ...скажет им: «Леди и джентльмены!»

Режиссер. Да!

Мать. «...давайте же все как один осудим этих нехороших Лоуренсов с Чарльза Диккенса, 42 за то...»

Режиссер. Ну?!

Мать (*мучительно соображая*). «...за то...»

Режиссер. Ну же!!!

Мать. «...за то, что они уехали не попрощавшись!». Так?

Гарри. А что, по-моему, очень жизненная ситуация...

Режиссер. М-да... Но дело в том, что в пьесе есть еще более важная причина, не позволяющая вам ехать вместе с сыновьями.

Майкл. Но, сэр! Что может быть важнее королевы Великобритании?!

Режиссер. Папа!

Майкл. Римский?

Режиссер. Ваш.

Мать. Господи! А он-то почему против?

Режиссер. Не знаю! И, пожалуйста, не будем в этом разбираться, а то мы вообще никогда не закончим! Ясно одно: для него этот отъезд равносителен смерти! Пожалуйста, мистер Лоуренс, ваш выход!

Выходит мистер Лоуренс.

Папа. Извините, сэр, вы знаете, как я вас уважаю, я сделаю все, что вы мне прикажете, но объясните мне, ради Бога, почему этот папа так боится туда ехать? Он же там никогда не был?! И вообще, в чем, собственно, состоит трагедия этой несчастной семьи?! Ну не понравится им там, куда они едут, так они же всегда могут вернуться обратно!.. Или я чего-то не понимаю?

Режиссер. Не понимаете, дорогой мой, конечно, не понимаете! Но вся соль как раз и состоит в том, что никто из нас этого понять не может! Ибо это есть великая загадка русской души, о которой мы, собственно, и ставим спектакль! Так что идите! И пока вы не разрешите эту загадку, можете не возвращаться.

Папа. Но, сэр... (*разводя руками, уходит.*)

Режиссер. Так. Все по местам! Играем финал без папы!

Слышен громоподобный удар гонга.

Режиссер. Что это? Неужели Биг-Бен? Но почему так рано?!

Слуга. Это не Биг-Бен, сэр! Это мистер Лоуренс, не в силах разрешить великую загадку русской души, бросился с Биг-Бена.

Опять удар гонга.

Режиссер. Как, опять мистер Лоуренс?!

Слуга. Нет, сэр. Это уже Биг-Бен...

Все кланяются.

Король Лир, или Здрасьте, я ваш папа

Предлагаемая читателям сцена — из нашего капустного спектакля «Балаган-78». Вели его два клоуна, как заявлялось со сцены — «бывшие короли арены Бим и Бом, ныне заслуженные работники сцены Зам и Пом. Весь вечер на манеже — оне же!..»

Пом. Здравствуй, Зам!

Зам. Здравствуй, Пом!

Пом. Ты чего такой важный, Зам?

Зам. Я тебе уже не зам. Я уже режиссер!

Пом. Да? И куда же тебя бросили?

Зам. На музыкл! Сейчас все театры бросают на музыкл.

Пом. Так мы уже вроде в прошлом году ездили.

Зам. Да нет. Это мы на камыш ездили. А это музыкл — совсем другая культура, понимаешь? Синтез драмы, музыки, ну и этого... оперы и балета.

Пом. А кино есть?

Зам. Нет.

Пом. Зритель не пойдет.

Зам. Не скажи! Если с умом сделать — пойдет.

Пом. А как это — с умом?

Зам. Ну вот мы, например, что сделали? За основу взяли, конечно, серьезную драматургию. Нашли у одного полуизвестного английского драматурга... ну, Вильяма Шекспира, полузабытую пьеску — «Король Лир» называется. Конец там, правда, мрачноватый — шесть трупов, но на комедию тянет. Ну и что мы сделали? Во-первых, оживили финал. Потом попробовали положить на музыку. Легло. Кое-что из сюжета убрали, но главную проблему пьесы оставили: как выдать замуж трех дочерей. Это всегда современно. Ну и в конце устроили апофеоз, как положено.

Итак, музыкл «Король Лир, или Здрасьте, я ваш папа». Действующие лица: старый Лир и три его дочери — Вера Лир, Надя Лир и Люба Лир. И их женихи. Маэстро, прошу увертюру!

Лир (*выходя в коридор с полотенцем, делая зарядку*). Вера! Надя! Любочка! Пора вставать! Скоро придут женихи. Неудобно принимать женихов в постели. Они могут подумать, что вы больные... (*Зрителям.*) Я шучу, а у самого на сердце кошки скребут. Сегодня мои дочери выходят замуж. Подумать только, еще вчера я носил их на руках, а уже сегодня они сядут мне на шею. Вместе с мужьями... Впрочем, чего не сделаешь ради дочерей! Ах как я люблю своих девочек! Вы хотите знать — как? А вот послушайте...

(*Поет.*)

У меня завелись ангелята,
Завелись среди белого дня.
Все, над чем я смеялся когда-то,
Все теперь восхищает меня.

Доченьки, доченьки,
Доченьки мои,
Где ж вы, мои ноченьки,
Где ж вы, соловьи?

Появляются три дочери, танцуют вместе с Лиром.

Доченьки, доченьки,
Доченьки мои,
Где ж вы,
мои ноченьки,
Где ж вы, соловьи?

Лир (*наконец-то заметив дочерей*). О! А вот и они! (*Зрителям.*) Они еще не знают, какой я сюрприз им приготовил. (*Звонок в дверь.*) Девочки, это за вами, это женихи! Только я вас прошу — ведите себя скромно, сразу не набрасывайтесь. И смотрите не перепутайте... Кто там?!

Голос. Скажите, Лиры здесь живут?

Лир. Здесь, здесь. Если вы жениться, заходите знакомиться.

Входят женихи — одинаковые, в кепках. Поют.

Без женщин больше мы не можем,
нет!

Без женщин мы не можем больше,
нет!

Без женщин мы не можем!

Без женщин мы не можем!

Без женщин — нет! нет! и нет!

Лир. Ну давайте знакомиться (*протягивает руку*).

Женихи (*одновременно протягивая ему руки, хором*). Коля!

Лир (*скорбно*). Мальчишки! Вы отнимаете у меня сегодня самое дорогое, что у меня есть: мою двухкомнатную квартиру. Сейчас мы будем делить ее на три части.

Коля-первый. Как будем делить, папаша? По-честному или со скандалом?

Лир. Зачем обязательно со скандалом? Зачем обязательно по-честному? Мы будем делить ее любовно.

Коля-второй. То есть?

Лир. Сейчас каждая из моих дочерей покажет уважаемой публике, как она меня любит, и получит соответствующий метраж. Маэстро, музыку! Вера, прошу!

Вера (*на музыку выходной арии из «Сильвы»*). Па-па, о папа! Папа-па-па-па-па-па-папа!

Лир. Что это с ней?

Вера. Папа! О папа! Папа-па-па-па-па-па-па-пам!

Лир (*женихам*). Ну как вам нравится?.. Теперь Надя. Маэстро, прошу.

Надя.

Папа! Ты всегда и повсюду
со мной, дорогой.

«Папа!» — повторяет за мною
прибой голубой.

Папа!!!

Лир. Ну как вам это нравится?.. Теперь Люба покажет, как она любит папу. Маэстро, музыку.

Люба. Маэстро, не надо... Отец, я должна сказать вам всю правду... Только обещайте мне, что мы останемся друзьями.

Лир. Конечно!

Люба. Так знайте, я люблю другого!

Лир (*в ужасе*). Другого отца?!

Люба. Нет-нет, папа. Он еще не отец. Но верьте, моя любовь быстро сделает его отцом. Простите меня!

Падает на колени. Трагическая музыка.

Лир (*женихам, с горечью*). Боже!.. Что скажут судьи?!

Женихи выбрасывают цифры — 5.4, 5.5, 5.5.

Сообщаю результаты соревнования. Первое место и комнату с окном получают Николай и Вера Лир.

Туш. Николай и Вера, как фигуристы в парном катании, взявшись за руки, взбираются на стул-пьедестал, приветствуют зрителей.

Второе место и комнату без окна — но с дверью! — получают Николай и Надя Лир.

Туш, то же самое. Победители целуются.

Ну а вы, уважаемая товарищ Любовь, вместе с вашим Николаем занимаете третье место. И это место — на кухне... Ну, расходитесь по своим комнатам. Вам пора ложиться. И не забудьте — завтра рано в загс.

Люба. А где же вы будете жить, папа?

Лир. Не волнуйтесь, дети. Со мной все в порядке. Я буду жить в маленькой комнате, там, где у нас душ.

Уходит. Три пары поют и танцуют.

Все расходятся. Ночь. Из ванной выходит Лир — в ужасном виде, мокрый, всклокоченный, испуганный, с полотенцем.

Лир (зрителям). Так, может быть, и закончилась бы эта невероятная история, если бы в тот момент, когда молодые дали волю своим чувствам, а я — своему воображению, эти Глостеры, которые живут над нами, вдруг не протекли. Причем прямо на меня. В ванной начался просто потоп. Спать я, конечно, уже не мог. Я встал и поднял шум. *(Шепотом в дверь.)* Вера! Верочка! Это я, папа! Меня затопило. Дети, пустите меня погреться...

Вера (появившись в двери, грубо). Папа, посмотрите на часы! Кругом глубокая брачная ночь! Я вас прошу, ложитесь в свою ванну и не делайте волны. Понятно? *(Захлопывает дверь.)*

Лир. Змея! Гадюка! Какое счастье, что она у меня не одна. *(Подходит к другой двери.)* Надя! Надюша! Коля! Папа пришел. Ему холодно...

Коля (открывая дверь). Слушай, отец! Я, конечно, люблю твою дочь. Но если ты не оставишь нас в покое, я вынужден буду сделать ее круглой сиротой. *(Захлопывает дверь.)*

Лир (горько и величественно).

Еще одна змея. Теперь их двое.
А третья была змеей с рожденья.
О горе мне!

Появляется Люба.

Люба.

Отец! Отец! Нет сил все это слышать.
Я предлагаю: если вы замерзли,
Войдите к нам и сядьте на плитку!

Лир.

Ах дочь моя! Как я в тебе ошибся!
И, чувствуя сейчас свою вину,
Пойду и лучше в ванне утону!

Уходит.

Люба (кричит). Вставайте! Вставайте! Папа тонет!

Все выходят и поют.

Мы снова спасем отца родного.
Спасем мы отца сейчас опять.

Родного отца спасем мы снова.

Мы снова спасем сейчас отца.

Лир (*появляясь из ванной*). Дети!

Все. Отец!

Лир. Вы не знаете, где у нас веревка?

Вера (*Любе*). Что же ты подняла шум, что он топится? Он же вешается!
Идем, Коля...

Надя. Действительно. Всполошила весь дом. Идем, Коля...

Лир. Девочки, куда же вы? Помогите мне развесить белье.

Люба. Как? Вы решили сегодня не топиться?

Лир. Я подумал, если в кои-то веки в квартире появилась вода, то хороший хозяин сначала стирает, а потом уже утопится...

Вера. Папа, а может, вы и гладить умеете?

Лир. Умею.

Надя. А готовить?

Лир. Еще бы!

Люба. А нянчить детей?

Лир. Тем более!

Вера. А снимать показания со счетчика?

Лир. В этом деле мне нет равных.

Надя. Папочка, так вам же цены нет!

Финальная сцена.

Лир (*поет*).

Если папа в доме —
это очень хорошо.

Все подпевают.

Если в гастрономе —
это тоже хорошо.

И под снегом, и под градом,

Если папа с нами рядом,

Это очень, очень хорошо.

Хорошо! Хорошо! Хорошо-шо? Шо?

Хорошо!

Все хорошо, прекрасная маркиза,

Все хорошо, все хорошо...

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Как-то нашему другу, блестящему музыканту и одесситу Эрнесту Штейнбергу исполнилось 50 лет. Многие читатели, особенно старшего и среднего поколения, его знают и помнят. Музыкальный руководитель

одесских команд КВН конца 60-х — начала 70-х годов, непреременный участник знаменитых одесских капустников, актер и автор музыки к спектаклям театров «Комедиум» и «Ришелье», Эрнест Борисович Штейнберг к тому же очень добрый и веселый человек. Те, кто хоть однажды побывал у него дома или посидел с ним в одной компании, легко подтвердят это.

Мы же берем на себя смелость просто считать себя его близкими друзьями. И на правах дружбы много раз писали для Эрнеста и его партнеров концертные и капустные номера. А однажды к 50-летию даже подарили ему целый спектакль, который назывался «Дважды герой нашего времени». Ибо, как говорилось в начале этого спектакля, «каждый, кто прожил в нашей стране последние пятьдесят лет, уже герой. А если у него при этом еще и фамилия Штейнберг, то дважды герой».

Ну а дважды герою, как вы помните, у нас полагался памятник при жизни. Установили такой на сцене и Эрнесту Борисовичу. В честь чего на протяжении всего спектакля шел митинг.

А начинался он так:

Ведущий. Торжественная оратория «Слава партии рояля!». Исполняет хор солистов имени Эрнеста Штейнберга, а также его фамилии. У рояля — Эрнест Штейнберг.

СЛАВА ПАРТИИ РОЯЛЯ!

(На мелодию песни «Партия — наш рулевой»)

Солист

Слава тому, кто сидит у рояля,
Кто его партию мудро ведет!
Кто, нажимая ногами педали,
Твердо по клавишам бьет,
Гордо по клавишам бьет!..

В черные, страшные годы застоя
Мы б не имели что есть,
Если бы нас не вела за собою
Партия ваша, Эрнест!..

Хор

Под солнцем Родины,
а также за границей
Мы этой партии достойны и верны!
Зовет на творческие подвиги солиста
Оптимистическая партия струны!

Оптимистическая партия струны!..

А дальше в спектакле разворачивалась литературно-музыкальная композиция «50 героических лет».

Жизнь героя прослеживалась буквально со дня рождения в 1937 году.

В одной из сцен папа и мама пели ему колыбельную...

Колыбельная 1937 года

Мама: Спи, моя радость, усни!
В доме с тобой мы одни.
Нет больше птичек в саду,
Нет больше рыбок в пруду,
Зайчик покинул свой лес,
Козлик куда-то исчез...
Где ж они, спросишь ты, где?
Все они в НКВД...

Папа: Спи, наша радость, усни!
Взяты за что же они?
Птички — за то, что кричат,
Рыбки — за то, что молчат,
Зайчик — за правый уклон,
Козлик — за то, что шпион...
Взят даже лев, царь зверей:
Подозревают — еврей.

Мама: Так что, мой милый малыш,
Прав ты, дружок, что не спишь!

Папа: Зайчика с козликом нет,
Льва не отыщешь и след...

Малыш: Вовсе не стало жуков,
Сусликов, белок, ежов...

Папа Да не ежов, а ежей!..
и мама: Лучше засни поскорей...

Нужно сказать, что в спектакле действовали все, кто как-то влиял на судьбу нашего дважды героя — от И. В. Сталина вплоть до Господа Бога, Девы Марии и Ангела.

С надеждой, что трое последних будут сопровождать нашего друга и дальше, мы предлагаем читателям сцену из спектакля «Дважды герой нашего времени», посвященную тому моменту биографии Эрнеста, когда определялась его творческая судьба...

ЗАСЕДАНИЕ ПРИЕМНОЙ КОМИССИИ

Ведущий. Шел восемнадцатый год нашему герою. Пройдя суровую школу имени профессора Столярского, он принимает активное участие в гражданской войне с приемной комиссией Одесской консерватории...

На сцене — приемная комиссия.

Председатель. Так, товарищи, кто у нас там следующий на зачисление?

Первый преподаватель. Вот... Штейнберг Эрнест. Сдал на все пятерки.

Председатель. Какие будут предложения?

Второй преподаватель. Ну какие тут могут быть предложения? Не зачислять же, в конце концов!

Председатель. Вот я и спрашиваю: какие будут предложения?

Второй преподаватель. Странно... Что же, у него и по сочинению пять?

Третий преподаватель. Это я проглядел, товарищи... Устал... Проверял ночью. Сочинение прочел, фамилию — нет.

Второй преподаватель. Черт-те что, понимаешь!..

Председатель. А история? Кто поставил ему пять по истории?! Вы, профессор?

Четвертый преподаватель. Так он же не хуже меня ее знает.

Председатель. Предположим. Но это же максимум три!.. Ладно. Остается специальность. Там у него, конечно, тоже пять?

Первый преподаватель. Нет.

Председатель. Ну слава Богу!

Первый преподаватель. Там у него пять с плюсом.

Председатель. Тьфу ты!..

Третий преподаватель. А может, разрешить ему пересдать специальность?

Второй преподаватель. Да вычеркивайте его, чего тут думать!

Появляется Святая Троица — Ангел, Дева Мария и Бог.

Бог. Что такое?! Что опять случилось? Покоя нет!..

Ангел. Посмотри, что люди делают!

Бог. Что? Где?

Ангел. Да вон же! Вычеркивают! Не берут!

Бог. Кого не берут? А-а-а... да нет, я же сказал — не вмешиваюсь!.. Хм-м... *(Председателю комиссии.)* А почему не берете-то? Я же ему вроде способности дал... странно...

Председатель. Так он, видишь ли, Господи... Ну как бы тебе это покультурней сказать... иудей.

Бог. Ну так и я иудей!

Председатель. Так и тебя бы не взяли!

Бог. Ну да! Почему?!

Ангел. Ну, видимо, указание какое-то было им сверху — ваших не брать.

Бог. Да?! Подожди-подожди... Это еще с какого такого верху? Ты вообще соображаешь, что говоришь?! Я же Бог!

Ангел. Ну это ты там Бог. А здесь ты знаешь кто? Дай на ушко скажу... *(Шепчет.)*

Бог. Какая-какая морда? *(Ангел шепчет.)* Ну знаете!.. Это уже вообще черт знает что! Сказал бы я им, кто они такие, — при женщине неудобно.

Дева. Да дева я, Господи! Дева! Сколько раз повторять-то!

Бог. Ну тем более! Безобразия! Нет, с этим надо уже что-то делать! Не знаю — кричать об этом, звонить во все колокола!..

Ангел. Правильно... Пожалуйста! *(Дает Богу на подносе колокольчик, тот звонит. Троица уходит.)*

Председатель. Да, насчет этого Штейнберга, которого мы не взяли. Надо взять.

Второй преподаватель. Чего это?!

Председатель. Да тут мне только что звонили... В общем, зачислим на свой страх и риск. Хай год прозанимается, а там отчислим за профнепригодность!

Первый преподаватель. Но он же талантливый мальчик!

Председатель. Ну и что? Он же у вас заниматься будет. Тут многое зависит от преподавателя...

Многие годы Эрнест Борисович был педагогом Одесской консерватории и подготовил целую плеяду прекрасных вокалистов, среди которых такие славные имена, как Александр Ворошило, Людмила Ширина, Сергей Зуенко, Ольга Оганезова и многие другие.

И вот однажды для творческого вечера Эрика Штейнберга и Люды Шириной в Московском Доме актера мы написали номер, где пианист — дипломант международных конкурсов Э. Б. Штейнберг пел, а певица — обладатель «Гран-при» международного конкурса в Тулузе (Франция) Л. Ширина, наоборот, аккомпанировала...

КУПЛЕТЫ ОДЕССКОГО КОНЦЕРТМЕЙСТЕРА

*(Исполняется на мелодию Чарли Чаплина
из кинофильма «Огни рампы»)*

Я скромный пролетарий,
Я труженик роялей
И вынужден руками
Я хлеб свой добывать.
А эти белоручки,
Сложив красиво ручки,
Привыкли на работе
Лишь только горло драть!

Они тут распевают,
И зритель забывает,
Что это пианино
Играет не само,
Что ни одна певица
Без «цумца-ламца-дрица»
Им не споеет ни Баха,
Ни Игоря Шамо.

Ну ладно б тихо пели,
А то выводят трели,
И партию рояля
Не слышит наш народ.
А там как раз красоты,
Что написал наш местный
 композитор Александр
 Александрович Красотов,
А это нужно слушать,
А не наоборот.

Но это все в Союзе.
А помню, раз в Тулузе
Я выхожу на сцену, —
Ну, думаю, счас дам!
Но только сел к роялю
И надавил педалю —
Смотрю, опять выходит
Вот эта вот мадам!

Ну ладно, дорогуша,
Тут я уже не струшу,
Сейчас меня услышит
Высокое жюри.
Как вдарил что есть силы...
Но все же заглушила,
За что и получила
Какое-то «Гран-при».

Короче, всех артистов —
Ну этих, вокалистов,
Особенно солистов,
Я жутко не люблю.
Им все легко дается,
Живется как поется,
Но все ж без «гоца-гоца»
Они равны нулю!

И вот на обсуждение
Вношу я предложенье:
Меня вдвоем с роялем
Чуть выдвинуть вперед.
Пусть видят люди наши
Того, кто честно пашет,
А кто в рабочее время
Лишь песенки поет!..

ЛИКУЮТ ВСЕ!

На мелодию известной одесской песни «Мясоедовская улица моя...»

*Когда-то имена одесских куплетистов были у всех на слуху.
В начале века Зингерталь, затем Леонид Утесов, в новейшие времена
Аркадий Астахов. А в самые недавние — постоянные участники одесских
капустников известный артист оперетты Валерий Барда-Скляренко
и уже упоминавшийся блестящий музыкант Эрнест Штейнберг.
Вот еще один пародийный номер, причем универсальный, так сказать, на
все случаи жизни, который мы им написали много лет назад...*

Солист. Добрый вечер, дорогие друзья! Сегодня в этом роскошном
банкетном зале наша филармоническая бригада в составе дипломанта

международных и всесоюзных конкурсов в Париже, преподавателя Одесской консерватории и меня... приветствует славный коллектив вашей свадьбы исполнением классического произведения, которое в нашей стране любят все: от генерала до маршала, от профессора до ученого, от рабочего до колхозника. Прошу вас, маэстро, как это вы делали в Париже, вступленьце!..

Концертмейстер играет вступление.

**Есть у нас в районе Молдаванки
Улица чудесная, друзья!
Маленькие дворики
Поливают дворники,
Чтоб сияла улица моя-а-а-а!
Улица, улица, улица родная...**

Ну дальше вы знаете...

А сейчас это же произведение специально для нашей дорогой невесты!..

**Есть у нас в районе Молдаванки
Девушка чудесная одна...**

Кстати, как зовут невесту?..

Концертмейстер. Светлана.

Солист. Отлично!..

**Тонкая как веточка,
Зовут ее Светочка,
Наконец-то замужем она-а-а-а!
Девушка, девушка, девушка родная,
Замечательная девушка моя-а-а...**

Концертмейстер. Что вы несете?! Какая ваша?! Она же замужем! Нас побьют!..

Солист. Так, не морочьте мне голову!.. У нас сегодня еще пять концертов...

**Девушка, девушка, девушка чужая,
Замечательная, жаль, что не моя!..**

Танцуют все!..

Надевает армейскую каску. Строевым шагом подходит к микрофону.

Здравствуйте, дорогие воины! Только что мы с моим другом — лауреатом всесоюзного и международного конкурсов, преподавателем Одесской консерватории в Париже выступали перед нашей молодежью!.. И там наибольшим успехом пользовалось произведение, которое, я уверен, не оставит равнодушными и вас. Маэстро, темпо де марше!..

**Есть у нас... молчу, в каком районе
Доблестная воинская часть.
Там в мишенях воины
Делают пробоины,
Чтоб на нас никто не мог напасть...**

**да-да-да,
Армия, армия, армия родная,
Героическая армия моя-а-а!..**

Концертмейстер. Так, быстренько про разоружение что-нибудь вставьте!..

Солист. Нет проблем!..

**Армия, армия, армия родная,
Сокращенная дивизия твоя!..**

Стреляют все!..

Снимает каску, надевает панамку.

Дорогие отдыхающие всесоюзной здравницы Куяльник! Нужно ли говорить, что я и мой друг — преподаватель всех международных конкурсов и всесоюзных здравниц в Париже счастливы подарить вам сегодня песню, широко известную не только в нашей стране, но и за рубежом!.. Маэстро не даст соврать — он только что оттуда... Прошу вас!..

**Есть у нас... да, не на Молдаванке
Здравница роскошная одна.
Здесь в грязи купается
И оздоравливается
Вся наша могучая страна-а-а-а...**

Концертмейстер. Что вы несете, Господи!..

Солист. А-а, ладно!..

**Здравница, здравница, здравница родная,
Всесоюзная ты здравница моя-а-а-а!
Здравница, здравница, здравница родная,
Профсоюзная ты здравница моя!..**

Снимает панамку, надевает шляпу.

Шановни дэлэгаты районной партийной конфэрэнции!.. Сегодня только для вас — песня!..

**Есть у нас в районе Ильичевском
Парторганизация одна!..**

Концертмейстер. Стоп! Я не понял! Почему одна?! Это партия у нас одна, а парторганизаций у нас много...

Солист. Причем здесь?.. Это же искусство! Я обобщаю!.. Повторяю...

**Есть у нас в прославленном районе
Парторганизация одна.
Кадры все назначены,
Взносы все уплачены,
Перестройку видно из окна-а-а-а...**

(Концертмейстеру.) Подпевайте, пусть вас тоже заметят...

**Партия, партия, партия родная,
Представительная партия моя-а-а-а.
Партия, партия, партия родная,
Очень правильная линия твоя!**

Голосуют все!..

Снимает шляпу, говорит голосом диктора.

Дорогие... гие... радио... адио... и просто слушатели... ушатели... всей страны!.. Только для вас и только о вас... Песня!..

**Есть у нас, друзья, в Стране Советов
Публика чудесная одна.
Что она ни слушает —
Все прекрасно кушает,
Слушает и кушает она-а-а-а!
Публика, публика, публика родная,
Замечательная публика моя-а-а-а,
Публика, публика, публика родная,
Мясоедовская публика моя!..**

Ликуют все!..

«Полвека на эстраде»

*Из юбилейного моноспектакля
одесского конференсье Аркадия Астахова*

Аркадий Астахов. Это имя знали все одесситы. Он не блистал на всесоюзном телеэкране, но в самых отдаленных уголках страны зрители аплодировали обаятельному и находчивому одесскому конференсье. И это продолжалось пятьдесят с лишним лет. А кроме того, многие годы он был постоянным участником знаменитых одесских капустников, дружил с Леонидом Утесовым, Зиновием Гердтом.

К 75-летию Астахова мы написали для него специальную программу, которая включала в себя практически все «этапы большого пути» артиста на эстраде.

МОНОЛОГ СТАРОГО ОДЕССКОГО КОНФЕРАНСЬЕ

— Пока артист переодевается и готовится к следующему номеру, возникла пауза. А паузы в концерте, как известно, заполняет конференсье. Я, например, делаю это уже пятьдесят лет. Ну что вам сказать об эстраде в наше время? Ну, во-первых, она была... За прошедшие годы на эстраде многое изменилось. Причем кое-что даже к лучшему.

Взять, скажем, электрификацию всей страны. Какое отношение это имеет к эстраде? Сейчас поймете.

Например, о чем спрашивал раньше, ну, скажем, эстрадный певец перед концертом? Он спрашивал, какая сегодня в зале публика? Какие песни она предпочитает?

А что он в первую очередь спрашивает сегодня?

«Какое у вас тут напряжение?»

Такое впечатление, что вечером он собирается выйти на сцену не петь, а побриться!

Я понимаю, что не открываю никаких америк. Уже много говорили и спорили о, так называемых, «микрофонных» певцах. Хорошо это или плохо? Меня интересует другое: Почему раньше этот вопрос как-то не возникал? Ну ладно, не было микрофонов. Но другие же звукоусиливающие приспособления были?! Например, рупор! Но почему-то никому и в голову не приходило выйти на сцену с рупором! Как-то люди понимали, что если у тебя нет голоса, то стоит ли об этом так громко кричать!.. А сейчас это почему-то никого не смущает...

Ну ладно, если такой певец выступает один. А если их кричит, или как сейчас говорят, поет целый вокально-инструментальный ансамбль?!

А если у них еще и ударник, так сказать, с хорошо поставленным ударом?!

Ну бог с ними, с нашими барабанными перепонками! В конце концов мы прошли войну и слышали и не такую канонаду!

Но это даже экономически невыгодно!

Вы знаете, сколько электричества расходует один такой ансамбль ну, скажем, за год? Уму непостижимо!.. А их же много! Представляете?!

Это же никакие великие реки Сибири не справятся!..

Теперь возьмем артистов разговорного жанра. Тут свои проблемы.

Но с чем у нас сегодня хорошо, так это с пародистами-имитаторами. Нет, действительно, подражают многие, подражают удачно. Но вы знаете, я заметил странную закономерность: чем больше артистов подражателей, тем меньше артистов, которым действительно хочется подражать!..

Что же касается нас конференсье, то нас действительно осталось совсем мало. Это когда-то у нас в Одессе, как говорится, бросишь камень— попадешь в конференсье! Должен вам сказать, что этим пользовались. И бросали и попадали. Причем довольно часто. И вот результат. Конференсье стали представителями вымирающей профессии.

Что ж, от правды не уйдешь. Конференсье действительно вымирают. Как мамонты. Я один из последних.

Да, может быть мы сегодня уже не нужны.

Что ж, в чем-то мы и сами виноваты. Наверно мы слишком долго пытались поднять зрителя до своего уровня и как-то пропустили момент, когда уже нужно было начать делать наоборот!..

Но, кстати о мамонтах!

Сперва тоже казалось, что они никому не нужны. Но стоило им исчезнуть, как человечество тут же схватилось за голову: «Где наши мамонты?! Почему мы их не видим! Нам без них скучно!..»

А вдруг так же получится и с конференсье?..

В общем, что я предлагаю? Сейчас по слухам существует такая «Красная книга». Туда записывают всех, кого на Земле осталось мало. Вот недавно белых лебедей записали. Теперь они жильем обеспечены, кормом... А что если записать в эту книгу конференсье?! Нет! Не ради жилья и корма, конечно!! Но все-таки внимание какое-то... нет, пусть не такое как к белым лебедям, мы конечно птицы не такого полета!.. Но хотя бы такое, как к енотовидным собакам, мы по-моему все-таки заслуживаем!.. Да, пятьдесят лет я провел на эстраде. И теперь меня иногда спрашивают: «Ну и что? Что вам дала эта эстрада? Вы не стали ни заслуженным, ни народным!.. «Что ж, это правда. Но я думаю так: что лучше заслуженно не быть заслуженным, чем незаслуженно быть народным... И вообще, разве вопрос в том, что дала мне эстрада? Вопрос в том, что я ей дал. А точнее вам—моим зрителям. И если это все-таки произошло, если за пятьдесят лет я все же доставил вам в сумме хотя бы несколько часов радости, значит мне удалось не так уж мало!..

В программе был и предлагаемый ниже читателям номер. Дело в том, что в годы войны Аркадий Савельевич был во фронтовой актерской бригаде. И авторы попытались сочинить куплеты в стиле тех лет. А роль Луизы исполняла замечательная одесская пианистка, тоже участница многих капустников Анна Альтман. Нюся — так ее звали

друзья и хорошие знакомые. А после одного из очередных капустников с ее участием — «русская пианистка».

Переписка Луизы — берлинской девицы с любезным супругом — ефрейтором Фрицем

— Привет, мой Фриц, супруг мой верный!
Я целый год схожу с ума
И на душе ужасно скверно,
А от тебя все нет письма!..

— Все хорошо, супруга дорогая,
Мои дела идут зер гут!
А если я тебе не отвечаю,
То есть вполне причина тут:
Так, ерунда, несчастный случай —
Я потерял в атаке ручку...
А в остальном, прекрасная Луиза,
Все хорошо, все хорошо!..

— Давно, мой Фриц, тебя я знаю,
На ручку нечего пенять!
Есть у тебя вторая, запасная,
Вот мог бы ей и написать!..

— Ну ты даешь, любезная супруга!
Ну что за глупость в голове!
Ведь потерял не ручку я, а руку,
И не одну, а сразу две!
Пока искал, в снегу елозил,
Еще и уши отморозил...
А в остальном, прекрасная Луиза,
Все хорошо, все хорошо!..

— О, я обидеть не хотела,
Тебя по-прежнему любя!
Но, я надеюсь, ноги целы,
По крайней мере, у тебя?!

— Не обошла нас божеская милость,
Когда б попала ты сюда,
Ты в тот же миг, ей-богу, убедилась,
Что я здоров как никогда!
Обе ноги, конечно, целы,
Хотя отделены от тела...
А в остальном, прекрасная Луиза,
Все хорошо, все хорошо!..

— О милый Фриц, я заклинаю,
Подумай десять раз сперва,
Потом воюй! А то я знаю,
Какой сорви ты голова!..

— Насчет меня ты правильно решила:
В бою мы, Фрицы, просто львы!
Меня твоя догадка поразила
И по вопросу головы!
Насчет «сорви» ты угадала:
Ее вчера мне оторвало!..
А в остальном, прекрасная Луиза,
Все хорошо, все хорошо!..

— Не может быть! Какая жалость!
Но умоляю, милый мой:
Нельзя ли все, что там осталось,
Прислать немедленно домой?!

— Луиза, зря надеяться не надо!
То, что имеешь ты в виду,
Я потерял еще под Сталинградом
В том самом памятном году!
А также много кой-чего:
И зубы все до одного,
Остатки жалкие волос,
А также ухо, горло, нос,
А также память и мозги,
И автомат и сапоги,
А также пояс и штаны,
И фотокарточку жены,
А также аппетит и сон

И даже штрипки от кальсон!..
А в остальном, прекрасная Луиза,
Все хорошо, все хорошо!..

— Разорван Фриц давно на части
И я на свете вновь одна...
Но, Боже мой, какое счастье —
Я Фрицу больше не жена!..

— Ты это брось, коварная красотка!
Я твой по-прежнему супруг!
Пусть от меня осталась лишь пилотка,
Но жив во мне арийский дух!
И хоть земля теперь мне пухом,
И спать тебе придется с духом,
Но в остальном, прекрасная Луиза,
Как говорится, все зер гут!

«Одесса улыбается» —

так называлась литературная программа, с которой мы выступали на эстраде в начале восьмидесятых. Свыше 500 концертов на всем пространстве бывшего Союза, и почти все с аншлагом. Мы понимали, конечно, что зрители шли не столько на нас, сколько на Одессу. Так что нам оставалось самое простое — не обмануть их ожиданий...

О контактах (монолог)

Письмо, найденное в бутылке, выловленной в Мировом океане учеными одного из судов Академии наук, и переданное авторам для рассмотрения.

*Москва. Академия наук.
Заведующему. В личные руки.*

Дорогой товарищ ученый! Мы с Серегой уже много раз писали вам о наших экспериментах, но, видно, до вас не доходит. Не обижайтесь, мы имеем в виду плохую работу нашей районной почты, а не вашей научной мысли. А лично встретиться с вами считаем невозможным, учитывая большую занятость. Мою и особенно Сереги, который не только является

членом приемной комиссии в нашем пункте приема стеклотары, но и посещает школу вечерней молодежи, где на полставки дает звонок и читает пение.

А потому решили послать вам это письмо таким древним надежным способом — в бутылке. И уверены, что теперь вы его точно получите, так как давно известно, что мимо бутылки не пройдет ни один здравомыслящий человек. Тем более уже ученый!

А пишем мы вам потому, что нас, и особенно Серегу, очень волнует проблема контакта с разумными существами других миров, так как вот уже месяц мы чувствуем себя совершенно одинокими во Вселенной. Несмотря на то, что у каждого из нас есть семья, особенно у Сереги, у которого их три.

А началось все с того, что ровно месяц назад мы с Серегой, плотно пообедав, почти не закусывая, почувствовали острое желание выяснить у прохожих, кто из них нас больше всего уважает.

Не найдя понимания у пешеходов, мы вышли на проезжую часть и с тем же вопросом обратились к водителям движущегося на нас транспорта. Но и те повели себя просто по-хамски, стали шарахаться от нас в разные стороны, совершая наезды друг на друга и все вместе на фонарный столб, давая тем самым понять, что даже это им, видите ли, приятней, чем иметь дело с нами. Особенно почему-то с Серегой!

Убедившись, что в нашем городе никто на контакт с нами идти не хочет, мы вышли к семафору и стали останавливать поезда из других городов. Однако иногородние, выскочившие из вагонов, хотя и общались с нами, но как-то странно, в основном жестами, стараясь угодить по лицу.

И тут к нам в душу закралось ужасное подозрение. Неужели же, мы думаем, уровень нашего ума-интеллекта так вырос и окреп, что никто на Земле нас уже не понимает?! И теперь нам всю жизнь предстоит общаться друг с другом?.. Отчего нам стало очень страшно, особенно почему-то Сереге!

И тогда он вспомнил про дельфинов. Оказалось, что, когда Серега был еще маленьким и знал буквы, он прочел в журнале «Знание через силу», что дельфин — вполне разумное существо. Только к нему подход нужен. Скажем, как к нашему участковому... В общем, это такая рыба, этот дельфин, которая в отличие от человека, когда ей весело, ходит на хвосте, а не на бровях!

Так вот, с этой рыбой мы с Серегой и решили законтачить.

Конечно, общаться с рыбой без пива — это, как вы сами понимаете, просто пытка! Так что взяли ящик жигулевского и пошли на пляж.

Сидим на волнорезе — в костюмах, при галстукке, по горло в воде — час, второй... Уже пиво кончается — а рыбы все нет и нет!

И тут Серега решился. Достал из пиджака бутылку беленькой. «Ну если, говорит, — и на это не клюнет, то, значит, никакой он не разумный, этот дельфин, а наоборот, глупый или больной, как все непьющие!». И с этими словами как запустит эту бутылку!

И что вы думаете? Море забурлило, видим — плывет! Ну, думаем, все! Свершилось! Пошел-таки на контакт с человечеством, зверюга, не выдержал!.. Потом присматриваемся — ну и дельфин! За ухом трубка, на морде маска, а на голове шишка. И нашу бутылку в руке держит. К нам подплыл, трубку изо рта вынул — и как заорет!.. Но, видимо, на своем дельфиньем языке, потому что я таких слов отродясь не слышал. Даже от Сереги!.. А бутылку не отдает! Так и поплыл с ней на глубину — делиться со своими земноводными товарищами. В общем, и с дельфинами у нас не получилось...

И тогда Серега вспомнил про космических пришельцев, которые, по его трезвым расчетам, должны были прилететь еще в пятницу. Ну, тут мы уже решили подготовиться. Инопланетяне все-таки! Как сказал Серега, наши братья по разуму! Ну я промолчал, конечно, поскольку, честно говоря, у меня таких братьев отродясь не было!..

Выставили в огороде стол буквой «Т», чтоб им видней было, куда приземляться, накрыли его соответственно, сидим, будто в самом деле родичей ждем. Час ждем, два ждем — нету родичей! До трех дня подождали, потом не выдержали, сами начали. Встречу с ними...

И что вы думаете? К пяти утра появились! Действительно, маленькие такие, зелененькие, с рожками — все как Серега рассказывал! Визжат, кусаются, царапаются, но на контакт не идут!..

Так вот, дорогой наш ученый товарищ! Убедительная просьба: пользуясь имеющимся у вас, по слухам, сверхмощным радиотелескопом, передать через миры и созвездия, через пространство и время всем разумным существам, что каждый день без четверти семь мы ждем их на нашей прекрасной голубой планете Земля у гастронома!

Неужели же не найдется в нашей бесконечной Вселенной хоть кто-нибудь, кто уважает меня, а особенно Серегу?..

Визит

(из программы «Одесса улыбается»)

Современная квартира. В комнате сидит человек, смотрит телевизор. Телевизор барахлит. Время от времени, пытаюсь наладить изображение, хозяин бьет по телевизору кулаком. Входит человек в белом халате, с саквояжем. Шея вошедшего замотана кашне. Прежде чем войти, он долго кашляет. Это пришел доктор.

Доктор (входя). Здравствуйте, врача вызывали?

Хозяин. Вызывали, вызывали... Заходите. А, черт! *(Бьет кулаком по телевизору.)*

Доктор (косясь на телевизор). Что случилось?

Хозяин. Да ничего особенного... Острое респираторное заболевание было. Но пока я вас дождался — уже прошло! *(Бьет по телевизору.)*

Доктор. А какие симптомы были?

Хозяин. Ну какие... Спину ломило, уши закладывало... Ну и в горле першило.

Доктор. А суставы крутило?

Хозяин. Крутило.

Доктор. Вот, значит, у меня то же самое!.. Так что, говорите, острое респираторное называется?

Хозяин. Да.

Доктор. А оно излечимо?!

Хозяин. Ну конечно! Ацетилсалициловая кислота — по ноль пять три раза в день. Перед сном — чай с малиной. Ну и горчицу в носки.

Доктор (достаёт блокнот). Одну секундочку! Медленнее, пожалуйста, я запишу. Куда носки, вы говорите, в горчицу?

Хозяин. Да нет! Это горчицу в носки. И чему вас только в институтах учат?! Доктора называются!.. *(Бьет по телевизору.)*

Доктор. Ну что вы его бьете?! Что вы его бьете? Вы что, не видите, что у него триод на оконечном каскаде сел?!

Хозяин. Кто сел?!

Доктор. Триод. И ПТК барахлит. Ну как можно так не разбираться в технике?! И это в наше время! Вы где работаете?

Хозяин. В телеателье. Мастером. Скажите, доктор, а починить его как-то можно?

Доктор. Что тут чинить? Паяльник есть?

Хозяин. Нету.

Доктор. Да ладно... У меня с собой. *(Достаёт из саквояжа паяльник, начинает ремонтировать телевизор.)* У этой модели что плохо: толчков не переносит! А вы его кулаком сразу. Тоже мне, инженер называется... А ну включайте! Ну как?

Хозяин. Отлично! Большое вам спасибо, доктор!

Доктор. Да что там... Это вам спасибо. За ваши советы. А то я совсем замучился с этим... Как вы его называете?

Хозяин. Острым респираторным.

Доктор. Во-во... В общем, я вам сейчас тут пропишу одну радиолампочку для вашего телевизора. Попробуйте ее достать у себя в телеателье. Ну а если не получится, тогда уж я своими каналами — через нашу регистратуру. И вообще, если что с телевизором — вызывайте!

Хозяин. А вы, если что со здоровьем — заходите!..

Случай в кафе «Ветерок»

Недавно мы узнали интересную вещь. Мы узнали, что в некоторых предприятиях общественного питания города Устугинска появилось новшество. Новшество заключается в том, что вместо привычных жалобных книг там теперь устанавливают магнитофоны с микрофонами. Каждый, кто хочет пожаловаться, подходит к микрофону, нажимает кнопку и говорит все, что думает.

Причем, как нам стало известно, в некоторые магнитофоны даже вставляют пленку...

Это новшество, как выяснилось, очень полезная вещь, поскольку, таким образом, фиксируется не только содержание жалобы, но и интонация жалобщика, весь набор слов, которые он обрушивает на недостатки в нашем общественном питании. Считается, что это будет более действенным. Что ж, поживем, увидим!..

Пока что мы хотим предложить вашему вниманию одну из вот таких магнитофонных записей, услышанную нами в одном кафе г. Устугинска. Назовем его, скажем, кафе «Ветерок».

Когда мы включили магнитофон, вот что мы примерно услышали:

«Ми – муж и жена, иностранных турист, преподаватель «Оксфорд» хотим выразить наш глубокий благодарность коллектив кафе «Ветерок» третий трест столовый энд ресторан за хороший прием и угощений!

Било так. Ми бродил ваш замечательный город, отстал от свой групп, заблудил. Устал и зашел кафе «Ветерок» отдохнуть энд пообедать.

Ми мил руки без мил, вытирал платок.

Потом сел стол грязний посуда, читал красивий меню.

Через час пришел официант мисс Люда, сказал, что красивий меню ничего нет, есть какой-то странный блюдо – куриц с рожками и салат «Редька»

Ми заказал, она принес.

Рожки бил холодный, курица бил риба, редька бил лук!..

Ми ел-ел, так и не съел...

Хотел чем-то запит, но мисс Люда пропал вместе с компот...

Ми хотел возмущаться, но посмотрел вокруг и увидел, что все посетитель кафе кушают то же самое...

Тут ми все понял и теперь хотим выразить кафе «Ветерок» наш глубокий благодарность за ваш гостепреимств, за то, что нас, иностранных турист, совершенно чужой вам люди, встретили и накормили в вашем кафе, как своих!..

Профессор Хазанов

Пародия

(дергая палец) Здравствуйте... я директор калинарного техникума, действительный член академии калинарных наук... профессор, так сказать, кислых щей. Ну вы меня и так, наверное, все знаете.. Портреты мои еще во всех кулинариях висят... А началось как?.. Сначала я кандидатскую защитил... Тесть ее один биолог защищал.. а я ему банкет готовил на 150 этих... ну, оппонентов... Ну, им банкет очень понравился, так они вместо биолога мне это звание дали... Ну, а с докторской уже легче было... Я за нее сырокопченой расплачивался... Теперь вот директор...

Да, много лет прошло, а мы по-прежнему поваров готовим, официантов... Конечно, сейчас у нас уже другой контингент учится... После институтов приходят, после аспирантур... Конкурс огромный... 5000 это, ну... за место...

Недавно один доктор наук пришел. Физик-теоретик... «Хочу у вас учиться», — говорит. Я ему: «Куда тебе учиться? Посмотри на себя! Ты же и так ученый... с мировым именем... И потом физики, говорят. И без того хорошую зарплату получают». «Ну что вы!» — отвечает — это физики шутят. А меня жена заклевала. Смотри, — говорит, — как люди живут». Я ей: «Ну что люди? Я так не умею». А она: «Не умеешь, так учись!» «Вот я и пришел»...

Ну взяли мы его на отделение официантов... через год на практику в Тбилиси послали... Так он потом вернулся и в благодарность нашему техникуму общежитие построил... Способный оказался студент... У нас много таких способных...

Вот недавно один диплом защищал по вагонам-ресторанам... Еще до указа... Так он что придумал? Все вагоны в поезде ресторанами сделать... А в хвосте этот... ну... вагон-вытрезвитель... Очень удобно... В конце пути в вагонах чисто — никого. Все там — в последнем...

Или вот, другой студент... с кондитерского, что придумал... «Конфеты с ликером» знаете?.. для детей продают... так он для взрослых тоже лакомство изобрел... «Котлеты с кагором»...

А товарищ его, ну просто самородок какой-то... Новый вид консервов открыл... Мы их даже за границу на выставку посылали... «Завтрак

интуриста» называется... Ну, вы знаете, о чем я говорю... Раньше это просто черной икрой называлось...

А сейчас, извините... я спешу... Мне практически занятия вести... по этой, ну... по борьбе с алкоголизмом... на кафедре холодных закусок...

Да, чуть не забыл... у меня часто студенты спрашивают, что это вы, профессор, все время пальцами делаете? (*Показывает более отчетливо*). Наверное это у вас нервное?... А это никакое не нервное... Это я что бы, значит, за научной деятельностью не забыть, как кур ощипывают...

Во время концертов зрители задавали много вопросов. Видимо, узнав о нашем кавээновском прошлом, они хотели проверить, есть ли еще, как говорится, порох.

Единственное, о чем мы как ветераны просили, это дать нам на обдумывание не тридцать секунд, а сорок...

— Вот есть выражение «время — деньги». Что оно все-таки означает?

— Оно означает, что время идет и идет, а денег все нет и нет...

— Какая разница между красивыми женщинами и умными?

— **Никакой. Умная женщина всегда сумеет быть красивой, а красивой не обязательно быть умной.**

— Как вы представляете себе свидание инфузории-туфельки с амебой?

— **В семь часов вечера под микроскопом.**

— Что общего между кварками и шкварками?

— **Кварк — это что-то из физики. Так вот, если у физика голова варит, получаются кварки, а если жарит — то шкварки.**

Концерт в цирке.

— На арене шутить каждый может. А вы попробуйте под куполом!

— **Мы предлагаем автору записки выйти на арену, пусть нам спустят канат и вместе поднимут под купол. А там каждый будет заниматься своим делом: мы будем шутить, а он — аплодировать.**

— Работа у вас одна на троих, а зарплата?

— **Для нас работа — радость. А как известно, если радость на всех одна, на всех и беда одна.**

— Не можете ли вы прочесть что-нибудь, что обычно по каким-либо причинам не читаете?

— **Не можем. По тем же причинам.**

— К чему кости ломит?

— **К гипсу...**

— Какой в Одессе самый лучший театр?

— **Известно, что одесский оперный театр — второй в Европе. Но лучший все-таки — театр музыкальной комедии. Потому что второго такого в Европе нет.**

— Я по профессии учитель. Ваше выступление мне понравилось, но ставлю вам за него четверку, поскольку вы пользуетесь шпаргалкой.

— **Уважаемый учитель, спасибо, но, извините, вы перепутали. Вы поставили нам четверку по письму, а у нас сегодня чтение.**

— Как вам фильм «Экипаж»?

— **«Экипаж» — первый советский фильм катастроф. Ну что вам сказать? В принципе, это не катастрофа...**

— Уважаемый Валерий Хаит, я вижу, из вас троих только у вас нет на руке обручального кольца. Если вы действительно свободны, незаметно подойдите к роялю.

— В КВНе когда-то существовало правило: если вопрос смешнее ответа, то отвечать не обязательно.

— Говорят, капля никотина убивает лошадь. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Так ей и надо. Пусть не курит!

Перестроечное

Эти тексты были написаны и сыграны на сцене одесского Дома актера в конце восьмидесятых, в самый разгар перестройки. Рушился железный занавес, иностранцев стали пускать на секретные объекты, Горбачев заявлял на весь мир, что инакомыслящие у нас уже в психушках не сидят, а пламенная большевичка Нина Андреева разразилась своей знаменитой статьей «Не могу поступиться принципами». И все это каждый день звучало и показывалось по телевидению. Нам ничего не оставалось, как написать на это пародию...

«Говорим и показываем»

(Сцены из капустного спектакля)

Перестройка только началась. С экранов телевизоров звучали волнующие слова «семейный подряд», «хозрасчет», «самофинансирование». А самой популярной передачей был знаменитый «Прожектор перестройки»...

«В кадре» ведущий.

Ведущий. Добрый вечер, дорогие друзья! В эфире передача «Проекты перестройки». Среди множества ваших писем есть, например, и такие, в которых вы справедливо критикуете нас за то, что мы мало показываем

положительных материалов о нашей жизни, а показываем только то, что происходит на самом деле. Поэтому сегодня мы хотим пригласить вас на предприятие, где переход на новые формы хозяйствования сразу привел к небывалому подъему производительности труда. Включите, пожалуйста, пленку!..

Полное самофинансирование

Цех. Бодрая музыка. В цехе чего-то штампуют.

Ведущий. Дорогие друзья! Мы с вами находимся на предприятии, продукция которого пользуется огромным спросом во всей нашей стране. Это монетный двор... Невиданный энтузиазм, который царит сегодня здесь, напоминая нам годы первых пятилеток, объясняется тем, что недавно это предприятие перешло на полное самофинансирование... Слово знатной валютчице купюрного цеха Серафиме Игнатьевне Медяк.

С. И. Медяк. Ну что сказать! Если раньше наша зарплата практически не зависела от производительности труда и мы, делая миллионы, получали иногда копейки, то теперь, в новых условиях, как говорится, сколько произвел, столько получил... И дело пошло!.. Людей не узнать! Коллектив забыл, что такое перекур, отгул, перерыв, отпуск!.. Скажу больше. К нам потянулась молодежь! Труд в полном смысле этого слова стал радостью!..

Ведущий. А не могли бы вы поделиться с нами...

С. И. Медяк. Ни в коем случае!

Ведущий. Нет, я имею в виду, — может быть, у вас есть какие-нибудь трудности, узкие места?..

С. И. Медяк. Есть. Причем такие же, как у всех. Это транспорт!.. И сегодня прямо с экрана хотелось бы обратиться прямо к министру путей сообщения... Дорогой товарищ министр! Войдите в положение! Дайте нам вагоны! Каждому хотя бы по два! Вывозить нечем!..

Ведущий. Вот такая проблема, дорогие друзья... А теперь еще один положительный опыт. Перенесемся в село, откуда наш следующий репортаж.

Семейный подряд

В кадре сельские жители — семейная пара.

Ведущий. Мы с вами, дорогие друзья, находимся в селе Наталка Полтавского района. Село это интересно тем, что, несмотря на полное отсутствие дорог, семейный подряд пришел и сюда. Прошу вас...

Женщина. Раньше мы не справлялись с задачами по производству продуктов питания, которые ставило перед нами наше районное руководство...

Ведущий. А сейчас?

Женщина. А сейчас справляемся... Потому шо перейшли на семейный подряд...

Ведущий. Интересно!..

Женщина. А як же!.. Вот взять, скажем, мою семью. Для начала мы узялы на откорм пять голов: голову колгоспу, голову райспоживспилкы... ну и ще нескольких...

Мужчина. Голов.

Женщина. Смотрим — идет дело! И тэпэр мы уже откармливаем где-то до пятидесяти голов крупного районного начальства и где-то до двухсот — среднего и мелкого...

Ведущий. А как с птицей?

Мужчина. Ну с птыцей сложнее. Була тут у нас одна... Но очень важная!.. Так она ж не все ест... Тилькы пьет все... За то и слетела...

Ведущий. Ну и выгодно вам это?

Женщина. А як же! Пряма выгода!.. Вы ж посудите: раньше як було? Мы ж не знали, кого мы кормим. А тэпэр, як мы их, значить, розибралы по дворах, усе инакше. Воно як побачить тэбэ — радується, в лице узнае, кивае...

Ведущий. Ну хорошо... А как же дальше?.. Вот, скажем, откормите вы их к весне... а потом вы их... значит... что?..

Мужчина. Та хотелось бы... Но жалко! Воно ж тэпэр свое!..

Секретный объект

Ведущий. Некоторые горячие головы на Западе, сохранившиеся, видимо, со времен холодной войны, утверждают, что у нас еще остались места, где не только хранятся, но даже изготавливаются и применяются сильнодействующие отравляющие вещества... Ну что сказать?.. Еще вчера, может быть, мы и отрицали бы эту явную клевету, а сегодня я приглашаю вас в одно из таких мест.

Смотрите наш видиморепортаж...

Секретный объект. Тут же иностранные корреспонденты в респираторах. Звучит мелодия «Хотят ли русские войны?..»

Репортер. Мы с вами, товарищи зрители, находимся в центре изготовления и применения отравляющих веществ — в ВЧ № 54, что в переводе на гражданский язык означает — в чайной номер 56. Еще вчера здесь было бы немыслимым увидеть иностранных журналистов и вообще иностранцев, которых, конечно же, не пускали в подобные заведения... А сегодня их пригласили сюда специально, чтобы они могли присутствовать при уничтожении целого, так сказать, меню сильнодействующих отравляющих веществ, которые вчера... а точнее, еще позавчера, были приготовлены здесь на сегодня... (*Появляется большая кастрюля, которую ввозят на тележке две поварихи.*) Особое внимание журналистов привлек вот этот зловещий контейнер, который много лет для всего западного мира является главным секретом наших кулинаров. Это комплексный обед нервно-паралитического действия... Мы беседуем с шеф-поваром столовой, доктором химических наук, профессором своего дела товарищем Мититеевым...

Шеф. Скажу сразу. Мы, работники общепита, как и все честные люди на земле, хотим спать спокойно...

Репортер. Это понятно!.. Но вот у меня такой вопрос. Не жалко ли вам уничтожать то, что изготовлено вашими руками?..

Шеф. Ну почему руками?!

Репортер. Спасибо!

Шеф. На здоровье!..

Репортер. И последний вопрос... Вот сейчас начнется акт уничтожения. Скажите, а как это будет происходить? Какова, так сказать, технология?..

Шеф. Сейчас увидите. Она очень простая и недорогостоящая... Господа готовы?

Корреспондент. Йес!

Шеф. Начинаем уничтожение!.. Люся, Катя, приглашайте посетителей!..

Девушки открывают кастрюлю, из которой идет странного цвета дым, и усиленно приглашают посетителей отведать ее содержимое.

Репортер (*разбивая рукой клубы дыма*). Ну что ж, друзья! Вот так делом мы отвечаем на измышления некоторых западных писак. Я думаю, наш репортаж положил конец очередной несвежей утке...

Об инакомыслящих

Ведущий. И еще одна инсинуация западной прессы. Там утверждают, что у нас в стране есть якобы инакомыслящие, которых мы содержим в якобы лечебных учреждениях. Чтобы положить конец этим инакомыслящим... простите, этим учреждениям... простите, этим инсинуациям, мы приглашаем вас в одно из таких учреждений...

Доктор. Итак, друзья, здесь... скажем так, в кузнице душевного здоровья... в перерыве между процедурами больные собрались на стихийный митинг, чтобы дать достойную отповедь западным фальсификаторам. Слово — одному из старейших пациентов нашей клиники, человеку, который всю свою сознательную жизнь успешно лечился в этих стенах... (*Первый больной что-то шепчет ему.*) Помню, дорогой, помню!.. Ветерану Троянской и Пунических войн... (*Тот опять ему шепчет.*) Ну конечно, дорогой, я помню... почетному члену легендарного Ноева ковчега товарищу Н...

Первый. С гневом и возмущением узнали мы об очередной выдумке западной пропаганды... Ну что сказать?.. Где-где, господа, а уж среди нас никогда не было инакомыслящих! Мы, простые советские ненормальные, всегда первыми поддерживали любое решение руководства, каким бы странным порой оно ни казалось... даже нам!..

Второй. Правильно! Может быть, только мы и поддерживали!..

Доктор. Значит, вы и сейчас со всем согласны?

Третий (*с характерным грузинским акцентом*). Ну-у-у... так говорить было бы, пожалуй, прэждэвременным...

Доктор (*о нем*). Представитель нашего нового отделения для больных, страдающих раздвоением культа личности...

Третий. Нам, напрымэр, нэ совсем понятно стрэмление отдельных, скажем так, врачей заново пэрэписать некоторые наиболее героические страницы истории нашей нэизлечимой болезни... Нэт, то, что всем дают высказаться, — это хорошо! Это, товарищи, правильно! Нэпонятно другое:

почему до сих пор находятся на свободе те, кто уже высказался?! Я думаю, это люди, инородные нашей системе. Я бы даже сказал, инородские!.. А как вы думаете, товарищи больные?

Четвертый. Точно! Это врачи во всем виноваты! Спаивают русских людей лекарствами!.. Да не было такого на Руси в жизни, чтобы лекарства были!..

Женщина. Почему прекратили дело врачей?!

Доктор. Что с вами, больная?! Вы же уже выздоравливали!..

Женщина. Не могу!

Доктор. Что не могу?

Женщина. Не могу — и все!

Доктор. Да что не могу-то?!

Женщина. Не могу поступиться принципами!..

Четвертый. Действительно! Столько лет шли к сияющим вершинам, а теперь куды ж идем?!

Общий шум.

Доктор. Спокойно, товарищи, спокойно!.. Мы и сейчас идем правильно. Вот сейчас, например, все вместе, друженько мы идем на процедуры...

Пятый (*указывая в зрительный зал*). Масоны!.. Масоны!..

Все. Где?.. Где?..

Пятый. Масоны в ложе!..

Доктор. Спокойно, товарищи, спокойно!..

Шестой. Продали! Продали Россию кооператорам!..

Пятый. Точно! И санитарам!..

Женщина. Нас с краткого курса не собьешь!..

Доктор. (*Звонит в колокольчик.*) Спокойно, товарищи, спокойно!.. (*В телекамеру.*) Ну что ж, дорогие друзья, теперь, я думаю, всем стало ясно, что в нашем заведении находятся люди исключительно больные... Хотя коллектив у нас исключительно здоровый...

Разные пародии

В конце 80-х — начале 90-х годов большой популярностью у населения пользовались так называемые НЛО — неопознанные летающие объекты. А поскольку видели их не все, а только избранные, огромный интерес у остального населения вызывали всяческие лекции и публикации на эту тему. Предлагаем вниманию читателей «Фонтана» текст одной из таких «аномальных» лекций.

Наблюдение НЛО в Одессе и области

Факты и гипотезы

Товарищи! Хочу сообщить вам, что в нашем городе по моей инициативе создана научная группа по изучению так называемых явлений НЛО нашему народу, руководителем которой и пока единственным членом я и являюсь.

Нами собран и систематизирован богатейший материал, позволяющий сделать вывод, что эта антинаучная окологазетная утка есть не что иное, как объективная реальность, данная нам в ощущениях. Да, НЛО в Одессе есть, хотя это и совсем не то НЛО, в существовании которого нас хотят убедить некоторые так называемые деятели из центра. Наше местное НЛО в отличие от ихнего столичного — настоящее, о чем свидетельствуют факты, которые я вам сейчас приведу.

Начну с наблюдения НЛО в атмосфере.

22 мая прошлого года летчик сельскохозяйственной авиации Петр Кикоть, поднявшись в воздух с целью подкормки озимых на приусадебном участке председателя колхоза, в пять часов утра заметил на востоке огромный огненный диск оранжевого цвета, медленно поднимающийся из-за горизонта. Сообщив по радио: «Подкормку прекращаю!» — пилот начал преследовать этот объект и преследовал его в течение всего дня сперва на самолете, а когда кончился бензин — на парашюте, пока таинственный сияющий диск не скрылся за горизонтом на западе.

Буквально через несколько дней, 26 мая, в соседнем хозяйстве, уже в ночное время, сторож кормозаготовительного цеха был разбужен при исполнении служебных обязанностей оглушительным ревом. Решив, что это проголодались колхозные коровы, он взял вилы и пошел было по привычке задать им трепку. Но тут обратил внимание, что рев этот доносится сверху, и издает его огромный сигарообразный предмет с крыльями и пропеллером, пролетающий над коровником. Сторож, успев разглядеть в нем что-то похожее на людей, вначале пытался криком отогнать НЛО от охраняемого объекта. Но, не получив привычного в таких случаях ответа, бросил в НЛО вилы. После чего объект скрылся, а стоимость вил была удержана у сторожа из зарплаты. (Выражение лица сторожа в момент удержания вы можете увидеть чуть позже, во время демонстрации диапозитивов).

Известны случаи наблюдения НЛО и в черте города, особенно в местах наибольшего скопления людей и наивысшей концентрации психической энергии. В частности, я имею в виду появление НЛО на одесском «Привоze» и в психоневрологическом диспансере. Так, в течение всего прошлого года практически ежедневно на «Привоze» регистрировалось НЛО в виде огромного серого диска, по форме напоминающего гигантскую кепку. От этой «кепки» время от времени отделялись более мелкие объекты оранжевого цвета, по форме и вкусу напоминающие апельсины. Научные сотрудники милиции предпринимали попытки выяснить, как в одной «кепке» помещается

столько «апельсинов», но экипаж «кепки», по-видимому, обладает таким огромным запасом чего-то, что способно полностью нейтрализовать все имеющиеся у нас сегодня силы охраны общественного порядка.

А теперь я с удовольствием приглашаю вас всех в наш психоневрологический диспансер, о котором говорил выше.

Однажды, а если быть точным — 30 февраля, группа выздоравливающих больных во время сеанса трудовой терапии рыла котлован для волейбольной площадки. На пятом часу работы находящиеся на дне котлована выздоравливающие увидели зависшую над ними большую тарелку. Вызывать ученых из Москвы и других научных центров не имело смысла — они бы все равно не успели, поэтому вызвали меня, который хотя и находился тоже довольно далеко от места происшествия — в соседнем корпусе, тем не менее успел не только засвидетельствовать этот удивительный феномен, но и сфотографировать его фотоаппаратом «лейка», которым, по счастливой случайности, как раз в это время санитарка тетя Даша поливала во дворе цветы. (Фотографию тети Даши с «лейкой» вы также сможете увидеть во время демонстрации диапозитивов).

А теперь опять о фактах, которые неопровержимо доказывают вмешательство внеземной цивилизации в наши одесские дела. Так, 15 октября сего года работниками КРУ во время ревизии базы промтоваров была обнаружена невиданная по нашим земным масштабам недостача. Загадку помог разрешить заведующий базой, который сообщил, что накануне ревизии он и его сообщники по работе — старший товаровед и главный бухгалтер стали свидетелями поразительного явления. В три часа ночи в хранилище готовой продукции появилось средних размеров НЛО и наблюдалось там до утра. Утром же, выломав дверь базы и отключив сигнализацию, НЛО умчалось, захватив с собой такое количество готового платья, в которое можно было бы одеть все население нашей области или, скажем, такого государства, как Нидерланды, если бы там согласились это носить!..

Подобных случаев в нашем городе зарегистрировано немало.

Естественно, напрашивается вопрос: почему существа, судя по вышеприведенным примерам, равные нам по разуму, способностям и потребностям, не предпринимают попыток вступить с нами в непосредственный контакт?

Сразу скажу: такие попытки были!

Так, в понедельник, 23 марта, в одну из районных поликлиник зашел гуманоид и занял очередь к врачу. Просидев три с половиной часа и не вступив с врачом в контакт, он попытался вступить в контакт со старшей медсестрой с целью выяснить: имеет ли смысл сидеть дальше? В ответ на

что был послан ею так далеко, что добраться туда ему не позволяла даже его совершенная космическая техника.

Но есть и случаи состоявшихся контактов.

Так, в субботу, 12 февраля, возвращаясь после напряженного трудового дня, приемщик стеклотары магазина № 6 был встречен на углу двумя антропоморфными гуманоидами и приглашен в качестве третьего. Приемщик запомнил, что его угощали какой-то зеленой жидкостью, от которой руки и ноги перестали работать, но зато голова стала как стеклышко. Через пятнадцать минут он почувствовал, что уже не только голова, но и весь он стал совершенно прозрачным, что подтверждает и водитель автомобиля «МАЗ-250», объяснявший впоследствии этим причину наезда на приемщика.

Товарищи! Я мог бы продолжить эти примеры, но думаю, что и приведенных выше достаточно, чтобы убедиться: НЛО в нашем городе есть, и его можно не только увидеть, но в случае удачи даже поймать и судить по всей строгости наших законов!..

А теперь я готов ответить на ваши вопросы, которые у меня с собой...

«И как они ее пьют, проклятую!..»

Хорошо бы убрать спиртное не только со стола, но и из человеческого сознания, - подумали мы и вспомнили древних, которые говорили: «Мешай вино с водой, и ум твой будет ясен, а речи твои будут возвышенны». А что если вместо спиртного пить вообще одну только воду? Может быть, беседы за столом станут еще более интересными, речи — еще более возвышенными?.. Мы попытались представить себе такую ситуацию.

И вот в нашем воображении возник накрытый стол, уставленный бутылками с разными этикетками. В этих бутылках — обыкновенная вода. За столом люди. Послушаем, о чем они говорят...

Хозяин. Друзья! Как давно мы не виделись! Наверное, каждому есть что рассказать. Давайте выпьем за то, чтобы встреча наша прошла интересно!

Все пьют.

Первый (морщась). И как они ее пьют, проклятую!..

Второй. Смотри, пошло! А я думал — не пойдет!

Третий. Чего там — не пойдет! Бывало, и не такое пили!..

Женщина. Коля, закусывай!

Четвертый. Давай по второй, пока душа не остыла! *(Все пьют.)*

Хозяин. И что это мы все на воду налегаем? Для чего собрались? Поговорить, пообщаться... Вот Николай Афанасьевич, к примеру, только что из Лондона вернулся. Думаю, у него есть чем поделиться. Ну как там, Николай Афанасьевич?

Николай Афанасьевич. А-а-а, скверно!..

Хозяин. А подробнее?

Николай Афанасьевич. Чего там говорить!.. Сами пробуйте. *(Достает из портфеля бутылку с иностранной этикеткой. Бутылка идет по рукам.)*

Первый. Ух ты!.. *(Читает.)* Фатер... вотер. Огненная вода!.. Они что там, тоже на воду перешли?

Николай Афанасьевич. Угу...

Второй. Чего ж она такая синяя?

Николай Афанасьевич. Местный разлив! Они ее из Темзы берут.

Первый. Э-э-э, химия!.. Я вам скажу, наша таки самая чистая! Недаром они на нее так кидаются!..

Хозяйка (Хозяину). Петя, может, откроем, а?

Хозяин. Да нет, это для коллекции.

Гости. Ну Петя!..

Хозяин. Ладно! Как говорится, раз пошла такая пьянка... *(Достает.)* Вот, прошу любить и жаловать. Колодезная! С медалями! *(Разливает по чуть-чуть.)*

Все пьют. На лицах — крайняя степень наслаждения.

Первый. Поразительный букет!

Хозяин. Я думаю! Трехлетней выдержки водичка!

Второй. Я всегда удивляюсь. Ну почему другие достают, а я вынужден всю жизнь пить какую-то дрянь из-под крана!.. Можно еще?..

Хозяин. Нет-нет! Маша, убери!.. Слава Богу, не для того собрались... Петр Сергеевич! Мы слышали, вы кандидатскую защищаете? На каком этапе работа?

Петр Сергеевич. Да вот как раз сию о банкете думаю. Серьезные мужики приедут. Академики! Чем их поить?! Кстати, может, поможете? Мне бы вашей «Колодезной» бутылочек двадцать — я бы и докторскую мог защитить!

Хозяин. Да нет!.. Я имею в виду суть вашей работы. Говорят, вы такое изобрели!..

Петр Сергеевич. Да что мы там изобрели!.. Вот был я недавно в научной командировке. Нашу кафедру на картошку посылали... С дедом одним там познакомился. Вот это, я вам скажу, голова! Самородок! Он у себя в сарае прелюбопытнейший аппарат собрал. Дистиллят гонит. Чистый, как слеза!..

Все хором. А из чего, из чего?

Петр Сергеевич. Практически из всего. При мне гнал из лужи. Вкус божественный! Мы с одним доцентом попробовали, так он так в этой луже и остался...

Третий. Вот вы, я извиняюсь, о науке заговорили. А я вам скажу, что вы, ученые, мало еще думаете о производстве!

Хозяин. Вот! Приятно наконец услышать трезвую мысль! А ну скажи ему, скажи, Иван Николаич, так сказать, с точки зрения вашего брата производственника. Глядишь, и интересный разговор завяжется!

Иван Николаевич. А что? И скажу! Вот такой бы аппаратик да к нам на фабрику! Нужная вещь... Вот я, например, человек непьющий. Это все

знают. Но, как говорится, утром стаканчик, в обед, как водится, ну и перед сном, чтоб утром подняло... Это же и медицина рекомендует. Мне один доктор говорил: человек должен пить пол-литра в день — как закон! Потому, если он пол-литра не выпьет, — он не человек! Наступает обезвоживание организма ...

Хозяин. Да о чем вы все, о чем вы?! Вот Феликс Платонович сидит, человек искусства. Ему, наверное, это все неинтересно ..

Феликс Платонович. Ну почему же?! Мы, люди искусства, всем этим тоже очень интересуемся! Работа такая. Иногда, знаете, по ходу действия приходится изображать пьяного. И вот возникает сверхзадача: как это сделать, когда тебе бутафоры проклятые каждый раз норовят вместо водки воду подсунуть?! Трудно! Невероятно трудно! Но есть, знаете, мастера. Играешь с ним — и все время следишь. Весь вечер пьет только воду — а к концу спектакля, знаете, вдрабадан! Это, конечно, большое искусство!..

Хозяин. Вот видите, как хорошо! И вечер прошел интересно. И все выпили, и больше не хочется, правда?

Первый. Так, может, я сбегаю?..

Женщина. Коля, сиди! Звонок в дверь.

Хозяин. Кто это?

Хозяйка (в испуге). Вишневецкий пришел! Замерз, а в доме ни капли!

Хозяин. Я же говорил, что он придет! Нужно было ванну набрать — он же пьет, как лошадь! Как мы теперь будем смотреть в глаза интеллигентному человеку!..

Жизнь, как известно, театр. А во времена не столь отдаленные — еще и театр абсурда. И никакие преувеличения для ее описания, как нам представляется, не были безмерными...

Гостиница, в которой всегда есть места

Холл уморской гостиницы «Золотой фикус». Здесь скучают администратор, швейцар Иван Семеныч, коридорная Никитична и молодая

женщина, служебные обязанности которой пока неясны. К двери гостиницы приближается Петров, приехавший в командировку издалека. Он явно устал.

Никитична. Идет!..

Администратор. Так, все по местам!

Садится за окошечко, швейцар вытягивается у двери, коридорная начинает деловито подметать, женщина с непонятными обязанностями исчезает.

Петров (входя). Здравствуйте!

Все (хором, с угрозой). Здравствуйте, здравствуйте!..

Петров (администратору). Скажите, у вас есть свободные номера?

Администратор. Здесь вопросы задаю я!

Петров. Извините...

Администратор. Фамилия?

Петров. Петров.

Администратор. Документы?

Петров. Пожалуйста. *(Отдает паспорт.)*

Администратор (изучая паспорт). Так что же, гражданин Петров, поселиться у нас надумали?

Петров. Да, хотелось бы.

Администратор (дает ему карточку). Ну заполняйте...

Никитична (продолжая подметать, сочувственно). Господи, молоденький-то какой!..

Администратор. Молоденький-то молоденький, а документики уже липовые!

Петров (опешив). То есть как липовые?!

Администратор. А очень просто! Пиджачок на вас какой? Черненький. А в паспорте серенький. Не сходится!

Петров. Так это же я три года назад фотографировался!

Администратор. Ага!.. Значит, не прошло и трех лет, а вы уже пиджачок сменили?! Не по средствам живете, Петров!

Петров. Да как вы смеете! Я честный человек! Я работаю в банно-прачечном комбинате!

Администратор. Ну и что, что в банно-прачечном?! Воровать везде стыдно!..

Петров. Да не ворую я!

Администратор. Ну ладно, ладно... На добровольное признание мы и не рассчитывали... Заполнили?.. *(Берет карточку.)* Иван Семеныч, отведите гражданина Петрова в камеру!

Швейцар берет Петрова под руку.

Петров. В какую еще камеру?! Не имеете права! Ни в какую камеру я не пойду!

Швейцар. Да что это с тобой, милоч? У нас такой порядок. Вещи нужно сдавать в камеру хранения.

Петров. А-а-а... *(Идет за швейцаром.)*

Администратор. Минуточку!.. А что же вы это не подписали? *(Возвращает ему карточку.)*

Петров. А что это? *(Читает.)* «Клятва. Я, жилец гостиницы «Золотой фикус», клянусь своей жизнью и жизнью своих детей, что по первому требованию администрации...» Да не буду я этого подписывать!

Администратор. Будете, Петров, будете! Если хотите жить — подпишете!

Петров *(испуганно).* То есть в каком смысле жить?

Администратор. А в самом прямом. Жить в нашей гостинице.

Петров. А-а-а... *(Подписывает.)*

Швейцар. Ну давай твой чемоданчик! *(Берет у Петрова чемодан, ставит его на полку.)*

Петров. Подождите! У меня же там мыло, паста, зубная щетка!..

Швейцар. Ну и что?.. Да не волнуйся ты, милоч! У нас ничего не пропадает, все будет в целости и сохранности!

Петров. Но мне же нужно утром умыться, зубы почистить.

Швейцар. Вот утром и приходи. Послезавтра.

Петров. Как послезавтра? А завтра?

Швейцар. А завтра я выходной.

Петров. Черт-те что, понимаешь!.. *(Хочет уйти.)*

Швейцар. Куда?! А костюмчик?

Петров. Что костюмчик?

Швейцар. Костюмчик-то тоже сдавать полагается!

Петров. Это еще зачем?

Швейцар. А затем, что ежели ты в трусах и в майке, то ты с нашим телевизором от гостиницы далеко не убежишь! А в костюмчике — только мы тебя и видели...

Петров. Да не нужен мне ваш телевизор!

Швейцар. О! А нам нужен! Так что давай раздевайся!..

Петров *(раздеваясь за ширмой).* Безобразия какое!.. Что же мне, так и ходить теперь голым? Это же неприлично!

Администратор. А почему это вас так волнует? Может быть, вы знакомую в гости ждете?! Так вы скажите, мы вас сразу выселим!

Петров. Да никого я не жду! Я спать хочу!! *(Распахивает занавеску, выходит в простыне.)* Ну, куда мне теперь идти?

Никитична. А куда тебе, сердешный, теперь идти в таком виде? Только в номер... *(Ведет Петрова.)*

Администратор. Минуточку, молодой человек! Ключик забыли! *(Достает привязанный к груше ключ, по виду и по весу напоминающий пудовую гирию.) Петров, сгибаясь под тяжестью этой гири, уходит.*

Никитична *(возвращаясь).* Станный какой-то — тихий, вежливый. И костюм снял. И в драку не лезет... Может, у него и в мыслях ничего нет?..

Администратор. Они с виду все такие... *(Нажимает на клавишу селектора.)* Эльвира Ивановна, внимание! В 418-м новенький. Приступайте!

Номер гостиницы. На кровати крепко спит Петров. Стук в балконную дверь. Петров не реагирует. Дверь балкона отворяется, в комнату входит уже знакомая нам женщина, которая скрылась из холла. В руках у нее портативный магнитофон и бутылка водки с надетыми на горлышко двумя стаканами. Увидев, что Петров спит, она нажимает на кнопку магнитофона...

Эльвира. Центр! Вы слышите меня? Я Эльвира. Приступаю к операции! *(Нажимает на другую кнопку, звучит мелодия «Love story». Достает цветок, щекочет Петрова.)*

Петров просыпается.

Петров. А? Что? Кто вы?!

Эльвира. Тс-с!.. Молчите, глупый!.. Я из соседнего номера.

Петров. Что вам нужно?

Эльвира. Да так, знаете... Лежу одна, скучаю... Чувствую, что рядом лежит мужчина, а между нами стена. К чему она? Давайте поговорим об этом!

Петров. Извините, но я очень хочу спать! Давайте утром поговорим... *(Отворачивается.)*

Эльвира. М-да... *(Опять будит Петрова.)* Извините, это опять я!..

Петров. Ну что еще?!

Эльвира. Вы не могли бы мне помочь открыть бутылку водки? Я хочу вылить ее в умывальник.

Петров. Зачем?

Эльвира. Ну не могу же я пить ее одна!

Петров. Пожалуйста. *(Открывает бутылку.)* Умывальник в углу. *(Опять отворачивается.)*

Эльвира. Так я выливаю!..

Петров *(со сна).* Д-да... Только не булькайте громко...

Эльвира *(теряя самообладание).* Послушайте, может, вам пить нельзя? Может, у вас печень больная?!

Петров *(тоже нервно).* Да, у меня печень! И вообще — я устал. Я хочу спать!

Эльвира (*ища вариант*). Вы знаете, у меня тоже печень!.. Вот здесь! (*Прикладывает руку Петрова к своей талии.*) Чувствуете? Как вы думаете, это печень?

Петров (*сонно*). Печень, печень...

Эльвира. А здесь?

Петров. И здесь печень...

Эльвира. А вот тут?

Петров. Тоже печень... Везде печень...

Эльвира. О, я вижу, вы разбираетесь! Наверное, вы врач?

Петров. Нет, я не врач!

Эльвира. Так, может, вы меня посмотрите, доктор?

Петров. Нет!!

Эльвира. Так я раздеваюсь!

Петров. Нет, я вам говорю!!

Эльвира. Ну почему?!

Петров. Послушайте! Не мучайте меня! Я устал! Я ехал в такую даль! Я целый день мотался по городу! Я нес ключ!! Оставьте меня в покое! Уйдите! Я умоляю вас!! (*Отворачивается.*)

Эльвира. Ах, вы гоните меня!.. Хорошо! (*Быстро соображая.*) По-моему, вы меня даже толкнули!.. Я, конечно, упала... задела телевизор... он упал на меня... Мне больно, и я умираю! (*Ложится на пол, ставит на себя телевизор и громко кричит.*) А-а-а!

Петров (*вскакивая*). Что это с вами?!

Эльвира. Спасите меня! Он меня душит!

Петров. Сейчас, минуточку... Как же это вы?! (*Поднимает телевизор.*)

Эльвира (*мгновенно вскакивая и бросаясь к нему на шею*). О, благодарю вас, вы спасли мне жизнь! Так выпьем же за это! (*Пользуясь тем, что руки Петрова заняты телевизором, вливает ему в рот водку, затем целует.*)

Тут же раздаётся сигнал тревоги. В комнату вбегают весь персонал.

Администратор. А-а-а!.. Попался, голубчик! А что я говорила! Вот, Никитична, полюбуйте на своего тихоню! Вор! Пьяница! И развратник! Спасибо, Эльвира Ивановна!

Никитична. Ай-ай-ай... А я тебя, ирод, еще жалела...

Администратор. Вяжите его, Иван Семеныч! Я вызываю милицию!

Петров. Не трогайте меня! Отпустите! (*Хватает ключ с гирей, крутит над головой.*) Разойдись! (*Выпрыгивает в окно.*)

Пауза.

Администратор. Ну что ж... Иван Семеныч, запишите, пожалуйста: 418-й свободен!..

С чего начиналась Одесса? На этот счет есть много версий. По одной из них наш город построили суворовские солдаты. Мы попытались представить себе, как это было...

Первый дом в Одессе

Конец восемнадцатого века. Пятница, раннее утро. Со стороны Лузановки по направлению к нам движется золоченый возок, запряженный по тогдашнему обычаю лошадьми. Это генерал-инспектор суворовской армии граф Лысенко-Валуа с супругой едут на торжества по случаю сдачи в эксплуатацию нового южного города. Жара, мухи и недоумение терзают графа: вот уже час, как его возок миновал ворота с надписью «Одесса» и подписью «Жемчужина у моря» — а вокруг ничего! И только к вечеру, когда надежды генерал-инспектора увидеть новый город окончательно угасли, кони чутьем вывезли к жилью...

На сцене старый одесский дом, который выглядит как новый. Стоят строем суворовские солдаты. Входит граф Лысенко-Валуа с супругой. Сзади денщик Филипп несет сундучок с орденами и провизией.

Поручик. Его превосходительству генерал-инспектору армии ее императорского величества и его супруге их — ура!!

Солдаты. Ура!!!

Генерал. О Господи!.. И не надоело вам?..

Солдаты. Рады стараться, ваше превосходительство!

Жена. И зачем ты меня сюда привез? *(Плачет.)* Степь кругом, воды нет, жара... Жили бы себе в Херсоне и горя не знали!.. Ну подумаешь, чума! Зато общество, каждый день балы!.. Так нет, потянуло его в какую-то Одессу. Ну где эта Одесса, я тебя спрашиваю, где она, где?!

Генерал. Да сам удивляюсь, матушка. По донесениям подрядчика, уже год как построили... Ах, мошенник!.. Ну я ему сейчас!.. Филипп, а ну тащи его сюда! Где он там прячется?!

Подрядчик *(из дома).* Тут я, ваше сиятельство! Ступить пред ваши светлы очи робею...

Генерал. Что, стыдно небось?!

Подрядчик. Так точно, ваше сиятельство, стыдно. Не одет я! Последнюю рубашку на строительство города, изволите видеть, пожертвовал... Ничего, если я по-домашнему, в пижаме?

Генерал. Ничего, ничего! Тащи, Филипп, в чем есть! *(Жене.)* Отвернись, душенька.

Появляется подрядчик в пижаме, обшитой соболями.

Подрядчик. Господи, радость-то какая! С приездом! Приветствую вас в нашем южном городе! Кстати, на пляже еще не были? Вода сегодня замечательная! Ни одной медузы!.. Весь город там!

Генерал. Какой город, мошенник! Ты мне своими медузами рот не затыкай! Города-то и в помине нет! А по твоим донесениям, его уже год как построили!

Подрядчик. И построили, батюшка! Вот тебе святой крест, построили! Как сейчас помню: стоит он, белокаменный, над синим морем, пеною морскою умывается, рукавом днестровским утирается. И тут как понаехало в него люду разного отдыхающего с родственниками и детьми, да как прослышали они про обычай наш строительный старинный — чтобы стоял город вечно, класть под первый камень сто рублей одной бумажкой, — так что тут началось!.. В три дня от города камня на камне не осталось! Ну, ей-богу, дикари какие-то. Денег не видели!..

Жена. А кому ж те сто рублей достались все-таки, интересуюсь знать?

Подрядчик. А никому! Вот они, матушка! *(Достает сотенную.)* Примите в память о нашем гостеприимном городе!

Генерал. Маша, не смей! Мы при исполнении!

Жена. Ну подумашь, сувенир!.. Вася, ты такой несовременный...

Генерал. Ну и хитер!.. Историй наплел, сказок нарасказывал, сувениров подарил... Но меня не проведешь! Я тебя на чистую воду выведу! А ну отвечай, окаянная твоя душа, где все стройматериалы, что на целый город выделены?!

Подрядчик. Прости, батюшка, от тебя, видать, не скроешься. Где материалы, спрашиваешь? Здесь они. Все тут.

Генерал. Где тут?!

Подрядчик. Вот дом видишь? В него все и вложили...

Генерал. Как, все в один дом?!

Подрядчик. Да ты приглядишься повнимательней. Дом-то какой! Красавец! По индивидуальному проекту строили. По последнему слову одного французского архитектора, царство ему небесное!.. Тут все для людей, для их удобства предусмотрено.

Генерал. Для каких еще людей, болван?! Для тебя, что ли?.. Государыня! Ее императорское величество! Не сегодня-завтра сюда в отпуск нагрянут!

Подрядчик. Что-о-о?.. Сама императрица?!

Жена. Ну конечно, сама! Кто же на курорт с мужем ездит!

Подрядчик. К нам! Только к нам! Ей у нас понравится!

Генерал. Ты думаешь?..

Подрядчик. Да ты сам посуди: кухня у нас просторная, на двенадцать хозяек, она же ванная! Балкон замечательный, через весь двор, общий —

мыть не надо! Да что там говорить... Туалет, извините, удобства, — и те рядом, во дворе, чтоб ее императорскому величеству за город не бегать... Одним словом, образцово-показательный дом, дом будущего. Когда-нибудь **все так жить будут!**

Генерал. А пока, стало быть, ты мучаешься... Ну да ладно. То, что дом знатный, я и сам вижу. Только меня сюда, окаянная твоя душа, не хоромами твоими любоваться прислали, а город принимать в эту, как ее... тьфу ты, язык не поворачивается... в эксплуатацию!..

Подрядчик. И принимай, батюшка, принимай! Не сомневайся!

Генерал. Дом твой, что ли, вместо города принимать прикажешь?!

Подрядчик. Зачем же дом? Город и принимай. Пиши — с недоделками!..

Генерал. Что-о-о?! Ах, проходимец, прохвост, прораб ты эдакий!.. Дачу себе отгрохал!.. У моря прохлаждаешься!.. Где лес, что на целый город выделен? Нету! Черепица трофейная, пятьдесят возов? Нету!! Обои моющиеся неклеящиеся дефицитные полторы тыщи верст? Нету!!! Эй, Филипп! Камень к ногам — и в море!

Подрядчик. И камня нету, ваше сиятельство! Ни одного не осталось...

Генерал. Вон! Вон с глаз моих! Видеть тебя не могу!! (*Хватается за сердце.*)

Подрядчик. Воля ваша, батюшка. А то б погостили денек, на рыбалку съездим...

Генерала уводят.

Жена. Вася, Вася, тебе ведь нельзя волноваться! Я же отсюда одна не выберусь!..

Генерал (плача). Две недели осталось! Где я этот город возьму?! Чинов лишат, премии! Сошлют куда-нибудь на север... в Москву... Хоть бери заступ и сам строй!..

Первый солдат (строго). Не графское это дело, ваше сиятельство, города строить. Сами как-нибудь управимся. Не впервой!

Генерал. Так ведь строить-то не из чего! Где камень возьмете, служивые?

Второй солдат. Не извольте беспокоиться, вашество! Суворовский солдат из-под земли достанет!

Генерал (с надеждой). Ну а лес, песок, цемент всякий?..

Третий солдат. У неприятеля отобьем! Где в честном бою, а где хитростью!

Первый солдат. Уж больно нам эти места нравятся: воздух кругом, фрукты, грязь — и та лечебная!

Второй солдат. А рыбы-то, рыбы!.. Прорва! Тут ее, почитай, лет на двести хватит!

Генерал. Ай да молодцы! Ай да соколики!.. Это что ж получается, ребята? Пуля — дура, а штык — молодец, — так, что ли?

Первый солдат. А это уж как вам будет угодно, ваше сиятельство.

Приступают к строительству.

Третий солдат. Эх, доложу я вам, братцы, прекрасный город будет! Что ни улица, то проспект! Что ни дом, то дворец! Что ни парк, то культуры и отдыха! Весь день в карауле простоишь, а вечером панталоны нагладишь, ботфорты начистишь, паричок напудришь — и на танцы!..

Театр «Синей блузы»

(Пародия в стиле «ретро»)

Под музыку «Марша энтузиастов» на сцену выходят спортсмены и синеблузники. Поют:

Вчерашний день на многих давит грузом,
И мы пришли сегодня к вам сюда,
Чтобы воспеть в театре «Синей блузы»
Союз искусства, спорта и труда!

Все выше, и выше, и выше
Накал наших метких острот!
Пусть каждый все это услышит,
Пусть каждого это проймет!..

Первый синеблузник:

Программа на четверть часа
Для рабочего класса!

Второй синеблузник:

Сатирическое представление
Для всех слоев населения!

Третий синеблузник:

А также дискуссию предложим затем мы
На очень волнующую всех девушек тему!..

Далее текст разбивается между участниками произвольно.

Часть первая. Передовица в лицах
В чем сейчас нуждается страна?
Чтоб дать ей больше чугуна!

Кто ж те, которые дают?
Сейчас покажем здесь их труд!..

Выстраивается пирамида-«домна». Вперед выходит «сталевар».

Вот Вася. Он у нас ударник!
Хороших дел всегда напарник!

Он льет чугун и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!

И ясным днем, и ночью лунной
Он дружит со струей чугунной!..

За это скоро направят его на рабфак!

Все:

Это факт!..

Лей, Вася,
Не сомневайся!..

Все (поют):

На-а-лей, Вася, ты нам чугуна
Тонну еще не одну,
А мы все поможем, чем можем,
Бездельник, кто с нами не льет!..

Рассказ второй. Юноша-герой

Выстраивается пирамида-«самолет». Вперед выходит «летчик».

Знакомьтесь: вот он — наш Ефим!
Таким его сделал «Осоавиахим»!

Ефим был парнем деревенским,
Он не владел билетом членским!

Но поступил в аэроклуб —
И всем девчатам стал он люб!

Товарищ, хочешь быть любим?
Вступай в «Осоавиахим»!

Все (поют):

Ой вы птицы, вы птицы стальные,
Дорогие друзья планера!
Ваши крылья парят как живые,
Хоть ни пуха в них нет, ни пера!

А вот другого сорта народ —
Те, кто мешает нам идти вперед!..

*Вперед выходит вызывающе для того времени одетый юноша в
немыслимо ярком галстуке.*

Фрукт первый! Сорт последний!
Перед вами пижон восемнадцатилетний!

На шее — галстук, на пальце — кольцо.
Все сплошь в одеколоне лицо!

А отца-спекулянта это радует...

Все:

Яблоко от яблони недалеко падает!

Поют:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Если хочешь яблок этих кушать,
То сначала потрудись рукой!..

*Выстраивается новая пирамида. Звучит чарльстон. Его танцует
вызывающе для того времени одетая девушка.*

А вот пижону достойная пара:
Знакомьтесь —
 бывшая комсомолка Тамара!

По вечерам посещает танцкласс,
Танцует чарльстон в отрыве от масс!

Хоть знает Тамара, что эти чарльстоны
К нам в страну засылают Керзоны!

Если же быть до конца откровенным —
Не только Керзоны, но и Чемберлены.

Синеблузники изгоняют «пижонов» из своих рядов. Выстраивается новая пирамида.

В чувствах разобраться совсем не просто!
«Синяя блуза» отвечает на вопросы!..

У нас спрашивают вновь и вновь:
Может ли быть у комсомольца любовь?

Пусть сомнение вас не гложет —
Может! Если комсомолец может...

...Ходить на все собрания ячейки!
 ...И воспитать для пограничников
 две-три ищейки!
 ...Всегда выполнять
 производственную программу!
...И никогда не вспоминать
при девчатах маму!
 ...Нести два-три
 общественных поручения!
 ...И самое главное — чтоб
 никакого буржуазного
 друг к другу влечения!..

Звучит «Марш энтузиастов». Участники, покидая сцену, поют:

Вчерашний день на многих давит грузом,
И мы пришли сегодня к вам сюда,
Чтобы воспеть в театре «Синей блузы»
Союз искусства, спорта и труда!

Все выше, и выше, и выше
Накал наших метких острот!
Пусть каждый все это запишет,
Пусть каждый все это прочтет!..

За умеренную плату

Одесский ипподром начала века. Толпа зрителей. Музыка.

Распорядитель. Вниманию почтеннейшей публики! Сегодня одесский ипподром вновь возвращает себе звание центра мирового прогресса! Париж, Лондон и Нью-Йорк кусают друг другу локти от зависти! В программе смертельный номер: за умеренную плату в небе — одесский Икар! Поприветствуем его, господа!

Под веселый марш в сопровождении фоторепортеров и помощников, весь в крагах, в коже, в очках и усах, появляется воздухоплаватель. За ним выводят воздушный шар с гондолой, готовой к полету. В толпе зрителей крики: «Браво!», «Виват!».

Внимание, внимание! Последнее интервью перед стартом! Великий покоритель небесных пространств за умеренную плату отвечает на вопросы публики!

Дама. Господин авиатор, самолет, на котором совершает полеты одесский летчик Сергей Уточкин, называется «Фарман». Как называется ваш летательный аппарат?

Авиатор. «Шарман», мадам!

Дама. О, шарман!

Голоса. Какой шарман! Какой шарман!

Вторая дама. Господин авиатор, может ли одесситка летать на воздушном шаре, и если да, то что для этого нужно?

Авиатор. Диета, мадам, только диета!

Голоса. О, шарман! Какой шарман!..

Репортер. Не считаете ли вы, что отсутствие аэропланов и запчастей к ним может несколько затормозить развитие авиации в нашем городе?

Авиатор. Я считаю, что главное — этому делу дать толчок... Все остальное нашему городу даст уже сам толчок!

Голоса. О, шарман! Шарман!..

Распорядитель. Всё, всё, господа! Пора прощаться. *(Авиатору.)* Прошу в гондолу. *(Барабанная дробь.)* Десять, девять, восемь, семь, шесть... Да, чуть не забыл! Просьба к дамам на трибунах: во время полета ни в коем случае не размахивать веерами, чтобы аппарат, не дай Бог, не унесло куда-нибудь за границу! Как-никак, это наша военная тайна!.. Так, на чем я остановился... На шесть? Ага... Значит, пять, четыре, три, два... Но что это? *(Дама из публики бросается с цветами к авиатору и целует его.)* Дама из публики влюбляется в авиатора! Любовь с первого взгляда!.. *(Дама виснет на шее у авиатора, он пытается от нее избавиться, помощники безуспешно пытаются ему помочь.)* Они не могут расстаться!! Ну что ж, господа, в ваших руках — судьба влюбленных! За дополнительную умеренную плату они смогут совершить этот полет вдвоем! *(Сняв шляпу, обходит публику.)* Не будем разлучать влюбленных, господа! Спасибо! Я говорю, не будем разлучать любящих! Вот так... *(Собрав плату.)* Итак, на чем я остановился? На два? Ну возьмем чуть выше! Скажем, три. Три, два... Кстати, господа, за умеренную плату может быть не только два, но и три воздухоплавателя! Может, еще кто-нибудь? Нет? Ну тогда — ноль! Пуск! *(Шар с пассажирами медленно взлетает. Звучит танго.)* Счастливого воздухоплавания! *(Глядя на взлетающий аппарат.)* Какая идиллия! Любовь под облаками!.. Взгляните, господа! *(Все смотрят вверх. Он, пользуясь этим, начинает раскачивать веревку, привязанную к гондоле.)* Но что это? Аппарат становится игрушкой ветра! Даже урагана! Влюбленным грозит неминуемая гибель! Смотрите! Смотрите!.. *(Все задирают головы; пользуясь этим, он начинает раскачивать веревку еще сильнее.)* Что же может остановить стихию? Только ваша помощь, господа, ваша умеренная плата. И как можно скорей. *(Обходит публику, собирает деньги.)* Ураган стихает... спасибо, господа... стихает... спасибо, господа... *(Смотрит вверх.)* Но что это?! Шар уменьшается в объеме! Газ начинает покидать его! Это уже трагедия! Пассажиры пытаются выбросить балласт. Но, увы, этого мало. Кто-то из них должен покинуть гондолу! Конечно, как истинный джентльмен наш Икар уступает это право даме. Но и она не лишена благородства!.. Какая борьба! Какая борьба чувств! *(Оба пассажира вываливаются из гондолы и висят.)* Да! Есть только одна возможность спасти их обоих! Вы понимаете, о чем я говорю, господа!

Голоса. Да, да! Конечно! Умеренная плата! *(Бросают ему в шляпу.)*

Распорядитель *(скептически глядя в нее).* Ну, за такую плату спасти влюбленных, конечно, не удастся... Но облегчить их страдания...

Достаёт пистолет, стреляет в шар. Тот лопаётся. Все зрители падают в обморок. Воздухоплаватель с дамой спускаются с небес на зонтике.

Зрители *(приходят в себя, кричат).* Чудо! Чудо!

Распорядитель. Да, господа, сегодня вы еще раз могли убедиться, что настоящая любовь за умеренную плату побеждает смерть!

«СПРУТ-90»

В начале девяностых очень популярен был итальянский сериал «Спрут». А, согласитесь, чем популярнее вещь, тем больше хочется написать на нее пародию. Что мы тогда же и сделали...

*Комиссар местной полиции
Паоло Кампанья в самый разгар борьбы за чистоту рядов
местной полиции обнаруживает, что один из его сотрудников —
Джузеппе Каналья берет взятки.
Возмущенный Кампанья вызывает
смущенного Каналью к себе...*

Серия пятая. АРЕСТ

Кампанья. О, Мадонна! Какой позор! Брать взятки! И это где?! В нашей самой чистой, непорочной, как дева Мария, сицилийской... то есть, это, сицилийской полиции?! Вот уж действительно, как говорится, паршивая овца все стадо портит!.. Вызывайте!

Дежурный. Все стадо?

Кампанья. Нет, этого мерзавца Джузеппе!..

Дежурный. Джузеппе!..

Входит Джузеппе.

Кампанья. Джузеппе! И не стыдно тебе, Джузеппе?! Я не могу поверить!.. Ведь мы на тебя так рассчитывали!.. Простой крестьянский парень!.. Из рабочей семьи!.. Без всякого образования!.. В общем, настоящий юрист!.. И вдруг!..

Джузеппе. Да, господин комиссар, да... Даже не знаю, как это меня угораздило!

Кампанья. Говори, кто дал тебе твою первую взятку?! (*Джузеппе отрицательно мотает головой.*) Ну?.. (*Мотает головой.*) Так! Твое счастье, что у нас во время допросов, как известно, никого не бьют!.. Но ты меня знаешь, Джузеппе! После допроса я тебя так отделаю!.. Говори!..

Джузеппе. Не помню...

Кампанья. Чезаре ко мне!..

Дежурный. Чезаре!..

Входит Чезаре.

Кампанья. Чезаре, я приказываю тебе немедленно арестовать Джузеппе!..

Джузеппе. Не нужно, господин комиссар! Я уже вспомнил!.. Первую взятку дал мне как раз Чезаре!..

Кампанья. Чезаре?! Что я слышу?.. Как же ты мог, Чезаре?! Отличник полиции! Наставник молодежи! Столько лет отдавший охране нашей сицилистной... то есть, это, сицилийской собственности!.. Значит, так!.. Джузеппе! После того, как Чезаре арестует тебя, ты немедленно арестуешь Чезаре!.. Антонио ко мне!

Дежурный. Антонио!..

Входит Антонио. Он под большим шофе.

Кампанья. Слушай меня, Антонио! Тебе как начальнику отдела вооруженной охраны ликеро-водочного завода я поручаю охрану этих ужасных преступников!.. Взять их!.. *(Антонио не реагирует.)* Антонио! Ты слышишь меня, Антонио?! Ты что, пьян?! Отвечай!.. *(Антонио икает.)* Это не ответ, Антонио!.. Позор! Ты же пропил честь мундира!..

Антонио. Подумаешь, честь!.. Я и мундир пропил!..

Кампанья. О мадонна!.. Так!.. Чезаре, Джузеппе! Значит, сразу после того, как Антонио возьмет вас, вы вдвоем возьмете Антонио!.. И будете держать его, чтобы он не упал!.. Винченцо ко мне!..

Дежурный. Винченцо!..

Кампанья. Ну сейчас вы у меня попляшете!.. *(Входит Винченцо.)* Винченцо! Приказываю тебе немедленно отвести этих мерзавцев в тюрьму! *(«Мерзавцы» начинают радостно танцевать.)* Что это вы делаете, негодяи?..

Джузеппе. Как что? Пляшем, господин комиссар!.. *(Пляшут.)*

Кампанья. Отчего?!

Чезаре. От радости, что вы поручили это сделать именно Винченцо!..

Кампанья. Идиоты! Чему вы радуетесь! Вся Италия знает, как Винченцо ненавидит преступников!..

Джузеппе. Вот именно!.. И поэтому держит у себя в тюрьме исключительно честных людей!.. *(Пляшут.)*

Кампанья. Да подождите!! Винченцо! Что я слышу?! И не стыдно тебе?! Ты же член партии, христианский демократ!.. Как же твоя партийная совесть позволила тебе?.. Все! Значит, делаем так!.. Джузеппе, Чезаре и Антонио! Слушай мою команду!.. В то время как Винченцо будет вести в тюрьму вас, вы, в свою очередь, будете вести в тюрьму Винченцо!.. Тем более, что это по дороге!.. Так, кто у нас еще остался на свободе?..

Дежурный. Джакомо, господин комиссар.

Кампанья. Джакомо ко мне!

Дежурный. Он занят!..

Кампанья. Чем?!

Дежурный. Крупным хищением на базе промтоваров.

Кампанья. Вот молодец! Берите пример!.. Ну и что, выяснил наш Джакомо, кто там занимается этими хищениями?!

Дежурный. Я же говорю: наш Джакомо и занимается...

Кампанья. Кошмар!.. Так что же, получается, у нас в полиции вообще нет ни одного честного человека?!

Джузеппе. А вы, господин комиссар?

Кампанья. Да нет, я серьезно спрашиваю!.. *(Пожимают плечами.)* Ну ладно... Тогда слушайте мой последний приказ!.. Объявляю операцию по очистке наших рядов под кодовым названием «Тайфун»!.. Итак, вниманию всех постов и должностей! Начинаем очистку!.. Значит, группа захвата арестовывает группу прикрытия! Та в свою очередь арестовывает опергруппу! И вместе с уже арестованной группой работников управления дружной группой движутся в тюрьму!.. *(Строятся, маршируют.)* Кстати, не забыть бы как следует запереть тюрьму...

Джузеппе. Так кто ж ее запрет, господин комиссар, когда все арестованы?!

Кампанья. Правильный вопрос!.. Тогда делаем так: заходим в тюрьму, запираем ее изнутри, а ключ выбрасываем в форточку!.. Все! Передайте прокурору республики, что операция по очистке наших рядов успешно завершена. Все ряды арестованы!..

Дежурный. Кому передавать, господин комиссар? Только что сообщили, что прокурор республики, узнав о готовящейся чистке рядов, тут же бежал в другую республику!..

Музыка: «Если кто-то кое-где у нас порой...», «О соли мио!».

Песня про одесских красавиц

(Мелодия — любая из тех, под которые поют свои песни нищие в общественном или железнодорожном транспорте)

Узнав, что в Одессе девицы,
Каких не увидишь вовек,
Приехал в Одессу жениться
Один молодой человек.
Совсем молодой человек.

Сошел на перрон он с вагона,
Окинул он взглядом перрон,
И столько увидел красавиц,
Что чуть не упал под вагон.
Под новый купейный вагон.

Он кинулся к той, что поближе,
И сразу же в загс пригласил.
Она отвечала: «Пожалста!
Вот только бы муж разрешил».
И муж ей, дурак, разрешил.

Жених полетел как на крыльях
Искать для невесты цветы.
Вдруг видит: цветами торгует
Цветок неземной красоты.
Ужасно большой красоты!

Невесту, которая с мужем,
Жених наш мгновенно забыл,
И новой избраннице сердца
Он руку свою предложил.
Всю руку он ей предложил!

Цветочница вмиг согласилась —
Был муж у нее отставник,
А он по ночам занимался
Лишь тем, что стерег свой парник.
На семьдесят соток парник.

Жених от любви своей новой
Буквально теряет свой вес.
Но тут всех цветочниц накрыли
Сотрудники ОБХС.
 Районного ОБХС.

Была там сотрудница в форме,
Мундир ее всю облегал.
Те формы жених наш увидел —
И в обморок тут же упал.
 Упал и ключицу сломал.

Его поместили в больницу,
Но только в себя он пришел —
Увидел красу-фельдшерицу,
И тут уже вовсе дошел.
 Увидел ее — и дошел!

И вот на открытой машине
Везут жениха хоронить
Те женщины, что оборвали
Судьбы его тонкую нить.
 Совсем еще тонкую нить.

Но тут катафалку навстречу
Красавица Рая идет.
Собралась вынести мусор —
Вдруг видит: страдает народ.
 Страдает наш бедный народ!

Тут нужно сказать вам про Раю,
Что местных мужчин самый цвет
Давно на руках ее носит,
А вынести мусор — так нет!
 На мусор желающих нет!

Она интерес проявила:

Кого это люди везуть?
Процессию остановила —
Мол, граждане, дайте взглянуть.
Хоть краешком глаза взглянуть.

Она на покойника смотрит,
И тут мы должны вам сказать:
Под силою этого взгляда
Вдруг начал покойник вставать.
Он стал постепенно вставать.

Он обнял красавицу Раю
(Как долго он к этому шел!),
Признался в любви ей до гроба
И вынести мусор пошел.
Так с Раей он счастье нашел.

Красотками как эта Рая
Наш славился город всегда.
Мужчину из гроба поднимут,
Хоть сами вгоняют туда.
Но все ж нам без них — никуда!